

ВЕСТНИК РГГУ

Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH / RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education” Series

Academic Journal

ISSN 2073-6398

2019

№ 4

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie
**RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series
Academic Journal**

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included:
in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of
leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, history of pedagogy and education

13.00.02 Theory and methods of training and education (by areas and levels of education)

13.00.03 Correctional pedagogy (surdopedagogy and typhoid pedagogy, oligophrenopedagogy and speech therapy)

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, personality psychology, history of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental Psychology, Acmeology

The aims and problem areas:

The aims of the multidisciplinary journal are to promote scientific psychological knowledge, maintaining high standards of scientific publication, facilitating Russian psychological and educational science integration into the world scientific information space. For this purpose journal has special issues in which published articles which analyze selected problems from different points of view and in different paradigms. Together with articles of the leading domestic and foreign scientists, we also publish works of the young researchers. The content of the journal includes methodological works, empirical and experimental studies as well as the articles describing innovative research methods. For the purpose to extend all over the world results of Russian scientists' studies, articles published in the journal have both Russian- language, and English-language versions. Herewith full text English-language articles, and expanded English abstracts (not less than 200 words) are published. Access to articles of the journal is free.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00. Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

13.00.03 Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия)

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область:

Междисциплинарный научный журнал "Психология. Педагогика. Образование" публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является создание журнала, объединяющего ученых, работающих над современными проблемами психологической науки. Для этого в журнале создаются тематические выпуски, в которых размещаются статьи, анализирующие определенную проблему с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий. С целью распространения материалов, полученных отечественными учеными, статьи, публикуемые в журнале, имеют как русскоязычную, так и англоязычную версии. При этом публикуются как полнотекстовые англоязычные статьи, так и расширенные английские аннотации, объемом не менее 200 слов. Доступ к статьям журнала бесплатный.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Deputy Chief Editor, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, release officer, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.K. Schabelnikov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.P. Skripkina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.D. Schevelenkova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.K. Akimova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.T. Kudryavtsev, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Kataeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

G. Tihanov, Ph.D., professor, University of Queen Mary, London, UK

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, заместитель главного редактора, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, ответственный секретарь, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.К. Шабельников, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.П. Скрипкина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.Д. Шевеленкова, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.К. Акимова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

В.Т. Кудрявцев, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ) Российская Федерация

Т.В. Рябова, выпускающий редактор, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Катаева, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Коул, Ph.D, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D, профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D, профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вю, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Денн, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Г. Тиханов, Ph.D., профессор, Университет королевы Марии, Лондон, Великобритания

Ответственный за выпуск: О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

CONTENT

From the editor.....9

Thematic reports

Natalia V. Grishina

An essay on Bruegel: the view of an existential psychologist.....13

Ekaterina M. Dubovskaya

Socialization of personality in a multicultural space as one of the aspects of the problem «personality and society».....24

Marina S. Gusevtseva

Basic principles of a transdisciplinary approach
to the study of social, personal and cognitive development
of children and adolescents in a modern technological society.....33

Empirical research

Tatyana D. Martsinkovskaya

Unconsciousness and creativity: cross-cultural approach.....54

Tatiana P. Emelyanova, Daria A. Shmidt

Partnership in marriage: representations of two generations.....63

Tatiana N. Grechenko

Electrographic criterion of difference living from nonliving objects.....80

Sergey N. Enikolopov, Tatiana K. Piskareva

Body image evaluation in gender dysphoric women
with endogenous mental disorder.....100

Elena P. Belinskaya, Polina Yu. Prilutskaya

The relationship of virtual social status
and personal characteristics of users of the social network Instagram.....116

Tatiana D. Marsinkovskaya, Svetlana V. Preobrazhenskaya, Vladimir A. Karpuk

Network and real space and time:
the emotional experience of harmony and crisis.....131

Vasilisa R. Orestova, Daria P. Tkachenko, Vladimir A. Karpuk

The universe of superheroes as a space of identification and socialization in
conditions of transitivity 145

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....9

Тематические сообщения

Н.В. Гришина

Эссе о Брейгеле: взгляд экзистенциального психолога.....13

Е.М. Дубовская

Социализация личности в мультикультурном пространстве
как один из аспектов проблемы «личность и общество»... ..24

М.С. Гусельцева

Основные принципы трансдисциплинарного подхода
к изучению социального, личностного и когнитивного развития
детей и подростков в современном технологическом обществе.....33

Т.Д. Марцинковская

Бессознательное и творчество: кросс-культурные аспекты.....54

Т.П. Емельянова, Д.А. Шмидт

Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений.....63

Т. Н. Греченко

Электрографический критерий отличия живого от неживого.....80

С. Н. Ениколопов, Т. К. Пискарева

Оценочный компонент образа тела при нарушениях
половой идентичности у женщин с эндогенными психическими расстрой-
ствами.....100

Е.П. Белинская, П.Ю. Прилуцкая

Взаимосвязь виртуального социального статуса и
личностных особенностей пользователей социальной сети Инста-
грам.....116

Т.Д. Марцинковская, С.В. Преображенская, В.А. Карпук

Сетевое и реальное пространство и время:
переживание гармонии и кризиса.....131

В.Р. Орестова, Д. П. Ткаченко, В.А. Карпук

Вселенная супергероев как пространство идентификации
и социализации в условиях транзитивности.....145

От редактора

Особенность данного номера в том, что в нем представлено много разнообразных эмпирических исследований, в отличие от предыдущих номеров, в которых часто доминировали теоретические работы. Следует также отметить все большее разнообразие тем и направлений публикуемых психологических и психофизиологических работ: это означает что журнал осваивает новые дисциплинарные и междисциплинарные области психологической науки.

Еще одним значительным отличием данного номера стала публикация эссе как особого вида тематического сообщения. Это эссе особенно важно для журнала тем, что в нем поднимается тема экзистенциальной сущности человека и связи экзистенциальной и эстетической парадигм.

Приоритетной для издания была и остается тема взаимосвязи человека и общества, человека и культуры. Проблеме социализации в современном многовекторном и поликультурном обществе посвящено тематическое сообщение Е.М. Дубовской, в котором показана сложность и неоднозначность подходов к изучению вопроса современной социализации, доказывается необходимость продолжения разработки этого направления.

Методологическим проблемам современной психологии посвящена статья М.С. Гусельцевой, в которой анализируется проблема трансдисциплинарного подхода к изучению психического развития в современном технологическом обществе.

Важность учета специфики межкультурной коммуникации, сравнительного анализа лингвистических и социокультурных установок в реальных контактах и эмпирических исследованиях наглядно продемонстрирована в статье Т.Д. Марцинковской. Особенно интересным является то, что в этой публикации описывается один из фрагментов обширного исследования бессознательных реакций, которое проводилось большим интернациональным коллективом ученых – немецких, российских, французских и испанских.

Значение исследования трудностей, которые возникают в процессе коммуникации не только между людьми разных культур, но и разных поколений, раскрывается в статье Т. П. Емельяновой и Д.А. Шмидт, Авторы анализируют изменения социальных представлений и эмоций в супружеских отношениях людей в зависимости от их принадлежности к двум поколениям.

Новый ракурс в изучении живых и неживых организмов представлен в работе Т.Н. Греченко, где показаны различия в их паттернах осцилляций и подчеркнуто, что в определенных условиях неживые объекты могут трансформироваться в живые.

Связь между нарушениями образа тела и полоролевой идентичностью прослеживается в статье С. Н. Ениколопова и Т. К. Пискаревой. А связь между процессами социализации и идентификации с персонажами кинофильмов, посвященных супергероям, анализируется в исследовании, проведенном В.Р. Орестовой, Д. П. Ткаченко и В.А. Карпуком.

В последние годы одной из центральных тем научных исследований, ведущихся в Институте психологии РГГУ, стала тема информационного пространства. Новые материалы, полученные при изучении влияния личностных особенностей на социальный статус пользователей сети Инстаграм, приведены в статье Е.П. Белинской и П.Ю. Прилуцкой. А эмоциональные переживания молодых людей, связанные с позитивными и негативными ситуациями, происходящими в реальном и виртуальном пространствах, нашли свое отражение в публикации Т.Д. Марцинковской, С.В. Преображенской и В.А. Карпука.

From the editor

The peculiarity of this issue is that it presents a wide variety of empirical studies, in contrast to previous ones, in which theoretical works often dominated. The increasing variety of topics and areas of psychological and psychophysiological work are also new and very enjoyable fact. This fact shows that the journal is conquering new disciplinary and interdisciplinary fields of psychological science.

Another important variance of this issue was the inclusion of an essay as a special type of thematic message. This essay is especially important for the journal because it raises the theme of the existential essence of man and the connection between the existential and aesthetic paradigms.

Of course, the relationships between the people and society, man and culture, was and remains one of the key theme for the publication. The problem of socialization in the modern multidimensional and multicultural society became the leading one for the thematic report of E.M. Dubovsky, who showed the complexity and ambiguity of approaches to the study of the question of modern socialization, proving the need to continue these works.

The article written M.S. Guseltseva is devoted to the methodological problems of modern psychology. The author analyzes the problem of a transdisciplinary approach to the study of mental development in a modern technological society.

The importance of taking into account the specifics of intercultural communication as well as of peculiarity of linguistic and sociocultural attitudes in real contacts and in empirical research is clearly demonstrated in the article of T.D. Marsinkovskaya. Especially interesting is that this publication shows one of the aspects of a large study of unconscious reactions, which was conducted by a large international team of scientists - German, Russian, French and Spanish.

The significance of the study of difficulties that arise in the process of communication not only between people of different cultures, but also of different generations is revealed in an article written by T.P. Emelyanova and D.A. Schmidt, who analyze the change in social repre-

sentations and emotions in the marital relations of people belonging to two generations.

A new perspective in the study of living and non-living organisms is presented in the work of T.N. Grechenko, who showed differences in their oscillation patterns, emphasizing that under certain conditions, from non-living creatures life arises. The connection between violations of the body image and sex and role identity is presented in the article by S. N. Enikolopov and T. K. Piskareva. And the connection between the processes of socialization and identification with the characters of movies dedicated to superheroes is shown in a study conducted by V.R. Orestovoi, D.P. Tkachenko and V.A. Karpuk.

One of the central topics of scientific researches conducted at the Institute of Psychology of the Russian State Humanitarian University in recent years has become the topic of information space. New materials related to the influence of personal characteristics on the social status of users of the Instagram network are given in an article by E.P. Belinskaya and P.Yu. Prilutskoy. And the emotional experiences of young people associated with positive and negative situations occurring in real and virtual spaces were studied by T.D. Martsinkovskaya, S.V. Preobrazhenskaya and V.A. Karpuk.

Тематические сообщения

Предисловие

Вопросы самореализации, поисков и обретения смысла жизни, целостности своего жизненного пути были важны для людей во все времена. Эта простая истина стала особенно ясной в последние десятилетия в транзитивной действительности, которая не только ускоряет и изменяет процессы бытия, но и ставит перед людьми все новые задачи обретения потерянного смысла и нарушенной целостности в постоянно меняющейся круговерти жизни.

Неудивительно, что эти вечные проблемы были в центре внимания многих творцов. Неудивительно и то, что чаще всего, это были мастера слова, писатели и поэты, которые наиболее ясно могли выразить смутные переживания многих людей. Недаром при слове экзистенциализм вспоминаются именно труды Ж.-П. Сартра, А. Камю, Ф. Кафки. Намного реже экзистенциальное мироощущение ассоциируется с художниками, для которых, на первый взгляд, вопросы цвета и линии должны быть намного важнее, чем проблемы жизни и смерти, целостности бытия. Тем более, казалось, что эти проблемы далеки от живописцев прошлого таких, как П. Брейгель.

Однако, как показывает в своем эссе Н.В. Гришина, эстетическая парадигма воплощается в разных ипостасях, доказывая, что предчувствия художников часто намного опережают работы ученых, предсказывая направления движения нашего мира. Не всегда теоретическое осмысление творчества художников может быть проанализировано в рамках строгого научного исследования и уложено в прокрустово ложе научной статьи. Однако важность такой попытки ценна тем более, чем труднее задача и чем сложнее и научное, и художественное ее воплощение.

Поэтому столь значимо эссе Н.В. Гришиной, что оно открывает нам возможность по-новому взглянуть на творчество, казалось бы, давно известного художника, показав его близость нам, нашим проблемам и экзистенциальному мироощущению.

Эссе о Брейгеле: взгляд экзистенциального психолога

Наталья В. Гришина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, n.grishina@spbu.ru*

Аннотация. Экзистенциализм как особое мировоззрение, как научная традиция в философии и других гуманитарных науках оказал большое влияние на литературу и искусство. К экзистенциальной традиции в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве обычно относят произведения, затрагивающие экзистенциальные темы – трагизм существования человека, проблемы смысла жизни, одиночества, смерти. Однако экзистенциализм – это, прежде всего, мироощущение, особый способ отношений с миром жизни. Экзистенциальное мировоззрение – это мировоззрение, отвечающее реалиям современности с ее многосложностью, неопределенностью и динамизмом

Выдающимся художником экзистенциального миропонимания можно назвать Питера Брейгеля. Это утверждение основано на том, что принципы описания мира, на которые он опирается в своем творчестве, сходны с используемыми экзистенциальной психологией. В тексте предпринимается попытка экспликации экзистенциальных принципов понимания мира Брейгелем. Раскрываются такие особенности произведений Брейгеля, как полифоничность представляемого им мира, с постоянно присутствующей в его полотнах многоплановостью жизни; внутренний динамизм реальности, задаваемый противоречиями и напряжениями изобразительного ряда; масштабность жизненного пространства в силу его объемности и используемого художником космического взгляда, благодаря чему обычная повседневная жизнь людей приобретает экзистенциальное звучание... Это делает Брейгеля нашим современником, интерес к творчеству которого возрастает.

Ключевые слова: экзистенциальное мировоззрение, принципы описания мира, изобразительный ряд Брейгеля

Для цитирования: Гришина Н.В. Эссе о Брейгеле: взгляд экзистенциального психолога // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 4. С. 14–23. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-14-23

Introduction

Questions of self-realization, intension to discover the life sense, to obtain the integrity of life span have been important for people at all times. This simple truth has become particularly clear in recent decades in a transitive reality, which not only accelerates and changes the human being, but also sets before people new challenges concerning the finding of lost meaning and impaired integrity in the ever-changing whirl of life.

Not surprisingly, that these eternal problems were the focus of many creators. Not surprisingly also, that more often these were masters of the word, writers and poets who most visibly were able express the vague experiences of many people. That's why with the word existentialism are associated the works of J.-P. Sartre, A. Camus, F. Kafka. Much less the existential world view is connected with artists, for whom, it would seem, the issues of color and line are much more important than the problem of life and death, the integrity of being. Moreover, it seemed that these problems are far from the painters of the past, such as P. Bruegel.

However, as N.V. Grishina shows in her essay, the aesthetic paradigm is embodied in different guises, arguing that the artists' premonitions are often far ahead of the work of scientists, predicting the direction of movement of our world. The theoretical understanding of the artist's creativity not always can be analyzed in the framework of rigorous scientific research and placed in the Procrustean bed of a scientific article. However, the importance of such an attempt is the more valuable, the more difficult is task, and the more complex it's the scientific and artistic implementation.

Therefore, the essay of N.V. Grishina is so significant. It opens for us the opportunity to take a fresh look at the work of a seemingly well-known artist, showing his closeness to us, to our problems and to an existential attitude.

An Essay on Bruegel: The View of an Existential Psychologist

Natalia V. Grishina

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, n.grishina@spbu.ru*

Abstract. Existentialism as a special worldview and as a scientific tradition in philosophy and other human sciences had a great influence on literature and art. The existential tradition in literature, cinema, and visual arts usually includes works that concern existential themes – the tragedy of human existence, the problems of the sense of life, loneliness and death. However, existentialism is, first of all, a special attitude to the world, a special way of dealing with the world of life. Existential worldview is a worldview that response the realities of our time with its complexity, uncertainty and dynamism.

Peter Bruegel can be considered as the outstanding artist of the existential worldview. This statement is based on the fact that the principles of describing the world on which he relies in his creativity are similar to those used by existential psychology.

The text attempts to explicate the existential principles of understanding of the world used by Peter Bruegel in his painting. The author describes such features of Bruegel's works, as the polyphony of the world with the ever-present diversity of life in his canvases; internal dynamism of reality, exposed by the contradictions and tensions of the pictorial series; the scale of the living space due to its volume and the cosmic view used by the artist. Due to these features the ordinary daily life of people acquires an existential sound. This makes Peter Bruegel our contemporary and that's why the interest to his works increases.

Keywords: existential worldview, principles of describing the world, pictorial variety of Breughel

For citation: Grishina N. V. An Essay on Bruegel: The View of an Existential Psychologist. RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series. 2019;4:14-23. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-14-23

Введение

Обозначение жанра представленного текста как эссе неслучайно. Именно жанр эссе рассчитан на передачу индивидуальных впечатлений и позволяет более свободно высказываться по обсуждаемой теме. В данном случае этой темой является мир образов Брейгеля – художника экзистенциального мировоззрения.

Экзистенциализм как особое мировоззрение – это не только научная традиция в философии, психологии или других гуманитарных науках. Признано, что экзистенциализм оказал большое влияние на литературу и искусство. В работах представителей экзистенциального направления, в частности в психологии, мы постоянно встречаем ссылки на художественные произведения, чьи авторы достигали в описании экзистенциальной феноменологии такой глубины и пронзи-

тельности, которых часто не достаёт научному взгляду. В книге «Экзистенциализм для чайников» (!) приводятся перечни десяти «самых экзистенциальных» фильмов и десяти самых великих литературных произведений, рассматриваемых как экзистенциальные: «Гамлет» Шекспира, «Записки из подполья» Достоевского, «Смерть Ивана Ильича» Толстого, «Процесс» Кафки, «Посторонний» Камю и далее Сартр, де Бовуар, Беккет и др. (именно в таком порядке) [Panza, Gale 2008]. Существуют – и не малочисленные – работы, специально посвященные теме экзистенциализма в литературе и искусстве. При этом к экзистенциальной традиции (не только в литературе, но и в кинематографе, в изобразительном искусстве и др.) часто относят произведения, которые затрагивают, как принято считать, экзистенциальные темы – трагизм положения человека в мире, переживания им отчаяния и пустоты существования, проблемы смысла жизни, одиночества, смерти. Рассматривать это в качестве единственного (или хотя бы основного) критерия работ экзистенциального направления кажется не совсем верным. Смерть может быть событием повседневности. И одиночество может быть фактом обыденного существования, не приобретающим экзистенциального звучания.

Экзистенциализм – это, прежде всего, особое мировоззрение, особый способ отношений с миром жизни. Мировоззрение, которому, как об этом все чаще пишут и говорят, в будущем предстоит стать ведущим не только в научных подходах, но и в обыденном сознании. Самым поразительным моим впечатлением от прошедшей в Вене знаменитой выставки Брейгеля было ощущение близости принципов описания мира, используемых художником, к тому, как этот мир описывается экзистенциальным мировоззрением. Брейгель – художник экзистенциального мировоззрения. Именно поэтому он не только сохраняет свою популярность, но и усиливает ее в наше время. Возможно, мы лучше понимаем Брейгеля, чем ценившие его живописную манеру современники, потому что сегодня мы живем в мире, строение которого гораздо больше соотносится с миром образов Брейгеля.

Многомерный мир жизни

Для некоторых из нас, принадлежащих к отечественной культуре, знакомство с Брейгелем, возможно, началось с фильма «Солярис». В библиотеке космической станции окна заменены картинами. Не сразу понимаешь, что это картины Брейгеля. Одна из них – сначала не очень различимый зимний пейзаж, темные фигуры на белом снегу, панорама дали. Постепенно, однако, картина как бы выплывает в пространство реальности и оживает: мы начинаем слышать звуки и даже как будто ощущать запах снега и зимнего дня. Вместе с героями

фильма мы перемещаемся в пространство картины, мир которой так близок нам, манит пережитой в далеком детстве радостью снежного дня, коньков и санок, падения в сугроб и жаром горящих щек.

Гений Тарковского, соприкасаясь с гением Брейгеля, рождает гениальное смешение пространств реального и образного мира, образуя целостное жизненное пространство человека. Невозможно представить себе какого-либо другого живописца, картины которого могли бы дать этот эффект. Потому что главное, что Брейгель писал на всех своих полотнах, – это жизнь.

Первое, что обращает на себя внимание в картинах Брейгеля, – это многомерность изображаемого им мира. Понимание мира жизни человека как многомерного, полифонического, включающего разные уровни его существования, общепринято в современных гуманитарных науках. Но ни один художник так, как Брейгель, не мог отразить всю сложную архитектуру мира человека в одном полотне. И таких полотен у него много.

Мир Брейгеля – многомерный мир, включающий множество пластов, – от космического уровня до мира повседневности и ситуаций непосредственного взаимодействия людей, жизни «здесь-и-сейчас». И эти повседневные ситуации своей объемностью приобретают космические масштабы. Картина «Фламандские пословицы» (или «Нидерландские пословицы») представляет более 120 ситуаций, запечатленных в народных афоризмах, причем воплощено буквальное значение пословиц. Из существующих в русском языке аналогов легко увидеть изображения «Биться головой о стену», «Водить друг друга за нос». Зрителю предлагается увлекательное занятие «расшифровки» этих изображений, их перевода на язык смыслов житейской мудрости. Или «Игры детей» – настоящая энциклопедия разнообразных развлечений и игр, в которые вовлечено около 250 фигур на полотне. Несмотря на плотную заселенность пространства картины, все детали изображенного выписаны с тщательностью, позволяющей до мелочей воспроизводить ткань жизни более чем четырехсотлетней давности. Эта точность отображения проявляется во всем: природа лишена присущей многим работам того времени идеализации, «красивости», которая призывает к тому, чтобы ею любоваться, но одновременно отделяет и отдаляет нас от себя и тем самым лишает себя жизни. Не так у Брейгеля – в его картинах можно жить, это живое пространство жизни со своими запахами, звуками, привычными красками.

Динамичный мир «текучей реальности»

Использовать метафору «текучей реальности» в отношении окружающего нас сегодня мира уже стало трюизмом. Реальность приобре-

тает «текущие» черты под влиянием мощных процессов, захлестнувших мир в XX веке, прежде всего невероятно возросшей скорости жизни. Во времена Брейгеля мир не был таким, однако гений художника, писавшего саму жизнь, ощущал ее внутреннюю динамику, ее внутренние напряжения, не всегда и не сразу прорывающиеся во внешние проявления.

Как и сама жизнь, мир образов Брейгеля всегда исполнен динамики и движения. Это достигается не изображением движения (как у бурлаков на Волге), но напряжениями самого изобразительного текста, которые присутствуют почти во всех его работах и незаметно создаются противоречиями образного ряда. Часто это соединение мотивов радости жизни и обыденной повседневности и надвигающейся угрозы: крестьяне собирают урожай, ремонтируют дом, а на заднем плане собираются грозные тучи, нарастает ветер, обретает свою власть стихия; в других картинах, напротив, напряжению людей противопоставлено спокойствие природы.

Прозрачную ясность оппозиция двух начал приобретает в картине «Битва Масленицы и Поста». Казалось бы, перед нами классическая бинарность, характерная для описания социального и жизненного мира, о которой Лотман, анализируя тексты, писал как о принципе «бинарной семантической оппозиции: мир будет члениться на богатых и бедных, своих и чужих, правверных и непросвещенных, людей Природы и людей Общества, врагов и друзей» [Лотман1998, с. 227]. Сегодня, однако, мы (как в философии, так и в психологии) отказываемся от оперирования дихотомическими альтернативами, бинарными оппозициями, понятием жизненных дилемм, ибо хорошо понимаем, что это не что иное, как способ упрощения картины мира.

Кажется, что Брейгель понимал это уже тогда. Его борьба Масленицы и Поста – это не их взаимоисключающая полярность. Эти два кажущиеся альтернативными начала на самом деле объединены общей логикой и взаимосвязью. Мир Масленицы и мир Поста разделены не так строго: персонажи смешиваются, переходя из одной части в другую. На лицах, просящих подаяния, написано не ожидаемое смирение, но озлобление и алчность сражения за милостыню, подающие нищим – лицемерны и высокомерны. В этом просматривается еще одна важная для Брейгеля тема – многообразие жизненных позиций. Это многообразие представлено различиями субъективности в переживании и восприятии мира, отражающимися в многообразии выражений лиц вплоть до «слепого» отношения к миру в лицах, закрытых пятнами («Пчеловоды»).

Космический мир Брейгеля

Экзистенциальная психология – это психология отношений человека с окружающим миром в его высших проявлениях, в универсалиях бытия. Это тот бытийный уровень существования человека, о котором Рубинштейн писал как о несводимом к его индивидуальному жизненному пути. «Мир» у Рубинштейна – это то, в чем потенциально воплощается все общечеловеческое [Рубинштейн 2003].

Космическое в мире Брейгеля – вовсе не обращение к изображению космического мира (что иногда называют «космизмом» в живописи), это присутствие в многомерном мире людей высшего начала, которое естественно соединяется с «нижними» пространствами повседневной жизни и забот людей.

Космическое в отношениях человека с миром постоянно обнаруживается в картинах Брейгеля и обеспечивается предлагаемым зрителю «взглядом сверху», «завышенным горизонтом», который во многих картинах Брейгеля позволяет нам видеть мир жизни с некоей высоты, дающей возможность его целостного и масштабного восприятия, а с другой стороны – ощутить себя то ли птицей из «Охотников на снегу», то ли новым Икаром, и увидеть мир без границ. Брейгель добивается этого эффекта, соединяя традиционную горизонтальную перспективу с вертикальной организацией композиции. А уж если он обращается к темам, традиционно считающимися экзистенциальными, то придает им особый масштаб. Одной из самых частых в искусстве является тема смерти, которая обычно представляется как смерть индивидуальная. Не так у Брейгеля – в его картине «Триумф смерти» тема смерти приобретает космическое, вселенское звучание. Смерть сметает все на своем пути, гибнут люди, природа, корабли, космический пейзаж наполнен багровым цветом, дымом. Это не просто смерть, это гибель всей жизни на земле.

Вместо заключения

Брейгель – художник экзистенциального мировоззрения. Мир Брейгеля – полифонический мир, многомерность которого – это не абстракция, но реальное, постоянное наличие многоплановости жизни в его полотнах. Детские игры, жанровые сцены, зимние пейзажи – о чем бы ни шла речь в картинах, в них всегда присутствует высшее начало, «взгляд сверху», благодаря которому наша повседневная жизнь приобретает другой масштаб и вписывается в бытийный формат. Мир Брейгеля – это динамический живой мир, не просто жизнь «здесь-и-сейчас». Внутренний динамизм его мира предвещает будущее развитие, движение будущего, одновременно угадываемого и непредсказуемого.

Мир Брейгеля – это мир нашей сегодняшней жизни

Когда почти 200 лет назад Серен Кьеркегор писал о мире человека как пространстве свободы, пространстве возможностей и выбора, кто понимал его?! И уж точно нельзя было представить, что пройдет время и в 21 веке Кьеркегор будет помогать нам лучше понимать тот мир, в котором мы живем. Современники ценили Брейгеля, как художник он обрел славу при жизни. Но можно ли было предугадать, что почти через пятьсот лет после его рождения, люди, которым сегодня доступны любые виртуальные путешествия по музеям и картинам, со всего мира будут приезжать в музей, терпеливо дожидаться своей очереди подойти к картинам и увидеть для себя, что-то важное. Слоган выставки Брейгеля в Вене переводят на русский язык по-разному – «Единственный раз в жизни» или «Однажды в жизни». При кажущемся сходстве эти два варианта различны. «Однажды» – это начало, так начинаются сказочные и правдивые истории. «Однажды» – это инсайт, озарение, вдруг приходящее глубинное понимание. Однажды встретившись, мы не прощаемся с Вами, мастер Брейгель. Вы – тот, у кого мы можем научиться экзистенциальному видению мира.

Литература

Лотман 1998 – *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998.
Рубинштейн 2003 – *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
Panza, Gale 2008 – *Panza C., Gale G.* Existentialism for Dummies. NY: Wiley Publishing Inc., 2008.

References

Lotman, Yu.M. (1998), *Ob iskusstve* [About art.], Iskusstvo, SPb., Russia.
Rubinstein, S.L. (2000), *Bytiye i soznaniye. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world], Piter, SPb., Russia.
Panza, C. and Gale, G. (2008), *Existentialism for Dummies*, Wiley Publishing Inc., NY.

Информация об авторе

Наталья В. Гришина, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9; n.grishina@spbu.ru

About author

Natalia V. Grishina, Ph. D, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; n.grishina@spbu.ru

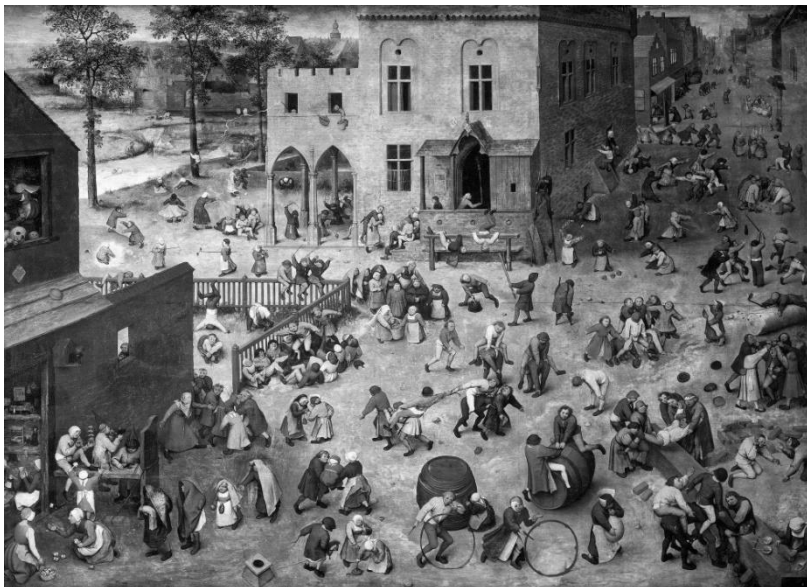
Приложение:

«Охотники на снегу» (нидерл. *Jagers in de Sneeuw*)

«Нидерландские пословицы» (нидерл. *Nederlandse Spreekwoorden*)

«Игры детей» (нидерл. Kinderspelen)

Битва Масленицы и Поста (нидерл. Het gevecht tussen Carnaval en Vastentijd)

Социализация личности в мультикультурном пространстве как один из аспектов проблемы «личность и общество»

Екатерина М. Дубовская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, dubovskaya13@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена наиболее актуальным фундаментальным проблемам социализации личности в современном мире. В качестве основных характеристик социальной ситуации рассматриваются мультикультурность и транзитивность общества. Анализируются характеристики этих понятий и их взаимодействие. К основным характеристикам относятся множественность, изменчивость, неопределенность. Делается попытка выделить новые векторы направления процесса социализации личности при кардинальном изменении социального контекста. Трансформация касается и структурных, и динамических аспектов социализации. Подчеркивается противоречивость процесса социализации, которая проявляется в стремлении к стабилизации опыта и одновременно в постоянной готовности к изменениям. Различные виды социальной идентичности рассматриваются в качестве результата социализации. Затрагивается проблема множественной идентичности личности в современном обществе. Особое внимание уделяется механизму ценностного выбора как важной составляющей процесса социализации. В заключении статьи формулируются представления об основных направлениях развития исследований процесса социализации в условиях мультикультурного социального пространства, в условиях транзитивности современного общества.

Ключевые слова: социализация, мультикультурное общество, социальная транзитивность, социальная идентичность, ценностный выбор

Для цитирования: Дубовская Е.М. Социализация личности в мультикультурном пространстве как один из аспектов проблемы «личность и общество» // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 4. С. 24-32. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-24-32

Socialization of personality in a multicultural space
as one of the aspects of the problem
«personality and society»

Ekaterina M. Dubovskaya

*Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia,
dubovskaya13@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the most urgent fundamental problems of socialization of personality in the modern world. Multiculturalism and transitivity of society are considered as the main characteristics of the social situation. The characteristics of these concepts and their interaction are analyzed. The main characteristics include multiplicity, variability and uncertainty. An attempt is made to identify the vectors of change in the process of socialization of the individual with a radical change in the social context. Transformation concerns both structural and dynamic aspects of socialization. The author emphasizes the inconsistency of the process of socialization, which consists in the desire to stabilize the experience and constant readiness for change. Different types of social identity are considered as a result of socialization. The problem of multiple identity is touched upon. Special attention is paid to the mechanism of value choice as an important component of the process of socialization. In conclusion, the article formulates the main directions of development of studies of the process of socialization in a multicultural social space, in the conditions of transitivity of modern society.

Keywords: socialization, multicultural society, social transitivity, social identity, value choice

For citation: Dubovskaya EM. Socialization of personality in a multicultural space as one of the aspects of the problem “personality and society”. RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series. 2019;4:24-32.DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-24-32

Изменения в обществе при переходе в новое тысячелетие чаще всего связывают с технологическими изменениями, которым приписывается статус революционных. «Цифровое» общество становится предметом анализа во всех гуманитарных (и не только) научных дисциплинах. Но все в большей степени приходит понимание того, что социальные изменения последних десятилетий несомненно связаны с компьютеризацией жизни, но не являются прямым ее следствием. Многие современные тенденции берут начало еще в девятнадцатом веке, а

другие многочисленные явления окружающей жизни не связаны с виртуальностью, да и сама «виртуальность» не есть только «компьютерное» явление.

Понятия мультикультурное социальное пространство и транзитивное общество – отражают часто встречающиеся признаки сложившейся социальной ситуации. Каждое в отдельности эти явления обладают собственным содержанием и могут рассматриваться вполне самостоятельно. Однако вопрос об их взаимоотношении кажется нам весьма своевременным и перспективным. Характеристика общества как «мультикультурного» и/или «транзитивного» оказывается важным фактором этого процесса особенно при рассмотрении процесса социализации личности [Дубовская 2014; Марцинковская 2015; Марцинковская 2016 и т.д.]. Конечно, необходимо отметить, что проблема эта многогранна и сложна. В данной статье мы хотели бы остановиться лишь на некоторых признаках, объединяющих два этих понятия, и их роли в процессе социализации личности. И мультикультурность общества, и его транзитивность, в первую очередь, связаны с множественностью представленных в его структуре компонентов. Очевидно, что структура этих двух признаков современного общества не совпадает, но такие компоненты ее характеристики, как сложность, комплексность, неоднородность и т.д. являются знаковыми как для транзитивности общества, так и для его мультикультурности. Можно было бы привести еще много различных синонимов, но наиболее подходящим определением, на наш взгляд, кажется именно «множественность», поскольку оно отражает не просто наличие большого количества различных элементов, но и подчеркивает сложность взаимоотношений этих элементов, а в конечном итоге, их целостность. При рассмотрении мультикультурного социального пространства множественность проявляется, в первую очередь, в разнообразии присутствующих в социальном пространстве культурных контекстов. Речь идет о постоянном пересечении и взаимодействии представителей разных социальных групп: возрастных, профессиональных, этнических и т.д. Транзитивность общества состоит в возрастании динамизма, изменчивости и, следовательно, стремления к росту неопределенности как конкретной ситуации, так и вектора движения этих изменений.

Повторюсь: современная социальная ситуация представляет собой новое постоянно изменяющееся и имеющее сложную структуру социальное пространство. Глобальные социальные трансформации с неизбежностью приводят к изменениям и в процессе социализации личности. Перед исследователями встает задача изучения особенностей процесса социализации во вновь сложившихся социальных обстоятельствах. Особое место при этом занимает анализ роли информационного

пространства как фактора социализации. Весьма перспективным направлением при анализе соотношения усвоения и реализации опыта является изучение взаимодействия транзитивности и информационного пространства. Казалось бы, информационные технологии усложняют и чрезвычайно разнообразят пути усвоения человеком представлений об окружающем его мире, но в то же время в них заложены специфические механизмы реализации усвоенного. Виртуальная среда делает две стороны социализации более тесно и очевидно связанными. С одной стороны, информационное пространство расширяет поле эмпирического опыта личности почти до бесконечности; но с другой – делает этот опыт одновременно как конкретным, так и символическим, что приводит к противоречию между виртуальной реальностью и реальным миром [Белинская 2013].

Однако транзитивность общества проявляется не только в изменении ценностных ориентаций взрослых и общества в целом, но и в трансформации информационного и субкультурного пространства подрастающего поколения, смыслов его бытия, эталонов, а часто и норм поведения. Именно мультикультурность современного общества, в котором формируется подрастающее поколение, во многом определяет проблемы социализации как в целом, так и структуры и динамики разных видов социальной идентичности в частности. Увеличение миграционных потоков и количества смешанных браков ведет к изменению роли лингвистической идентичности, культурных стереотипов, а также к размыванию содержания этнической идентичности. Поэтому при изучении современной социализации в мультикультурном пространстве все большее внимание начинает уделяться изучению культуры [Марцинковская 2016].

Классическое определение социализации, данное Г.М. Андреевой, представляет собой обобщение трактовок содержания и динамики социализации [Андреева 2002]. Момент единства и целостности усвоения и реализации опыта в процессе человеческой жизни являлся (и остаётся таковым сегодня) важнейшим для понимания социализации человека. Однако, как справедливо замечал еще И.С. Кон, довольно долгое время указания на вторую, активную сторону процесса социализации оставались лишь пожеланиями и практически не воплощались в реальной практике исследований [Кон 2003]. В итоге факторы, детерминирующие характер и поведение личности, и психические механизмы, посредством которых индивид усваивает разные влияния и социальные нормы, анализировались более глубоко, нежели собственная творческая активность, самосознание и процессы самоосуществления личности. Для современной социальной ситуации этот аспект приобретает все большее значение. Е.П. Белинская отмечает в одной из

своих статей, что происходит не просто трансформация процесса социализации, но важным становится разведение процесса и результата социализации. Это, в свою очередь, приводит к изменению соотношения между персональной и социальной идентичностями личности. В транзитивном обществе баланс идентичностей является неустойчивой характеристикой, постоянно смещающейся то в одну, то в другую сторону [Белинская 2014]. Здесь мы касаемся еще одной важной теоретической проблемы – соотношения процессов социализации и индивидуализации. Не будем останавливаться на этом вопросе подробно, но лишь отметим, что именно формулирование соотношения индивидуализации личности и ее социализации продвигает вперед общее понимание взаимодействия личности и общества, позволяет понять суть перехода от идей «созревания» личности к парадигме индивидуального пути ее развития. Важным в этом плане является положение о субъектности личности в ходе ее развития, активности в процессе социализации. Не менее значимо и то, что в наши дни социализация подразумевает бесконечное число индивидуальных различий, которые отражают общее направление изменений самого явления социализации. Сюда же относится принцип вероятностной детерминации социализации личности, который состоит в том, что нет ни однозначных детерминант того или иного явления, ни четкого следствия, причинной зависимости от какого-то одного параметра жизни человека. [Дубовская 2002; Марцинковская 2010; Мудрик 2011 и др.]. Иными словами, мы возвращаемся к нашей идее о формировании новой теоретической парадигмы современной социализации – парадигмы индивидуального пути развития, суть которой сводится к тому, что жизненный путь каждой личности уникален и неповторим. В любой отдельный момент перед человеком предстает бесконечность вариантов его развития, и выбор субъектом направления движения связан с огромным числом возможностей и имеет вероятностную детерминацию [Дубовская 2002]. Особого внимания заслуживают проблемы трансформации социокультурного контекста: его содержания, структуры и динамики. Скорость, с которой меняется окружающий нас мир, со всей очевидностью оказывает воздействие на процесс его освоения современным человеком, что делает исследования социализации не менее, а, наоборот, более актуальными.

Главная проблема определения перспективы дальнейших исследований процесса социализации в условиях транзитивного общества – это переход от представлений о социализации как процессе «вхождения» личности в стабильный, определенный, жестко структурированный социум к пониманию социализации как процесса конструирования своего социального пространства, построения связей с множеством

других социальных пространств. При таком понимании социализации современного человека перед социальной психологией встает несколько важных задач. Еще раз рассмотрим, какие признаки присваиваются «транзитивному обществу». Можно выделить следующие феномены: кардинальные социальные перемены – глобализация, которая ведет к расширению пространства (в том числе и пространства межличностных контактов); усиление социальной неопределенности, связанной, прежде всего, с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире; увеличение продолжительности периода детства; активизация ресоциализации и текучей социализации; увеличение информационного пространства и усиление его роли, частично заменяющей межпоколенческие связи [Марцинковская 2016].

Еще один вектор рассмотрения – это анализ социальной идентичности как одного из результатов процесса социализации личности. Знаковым периодом жизни для формирования различных видов социальной идентичности является юность. Е.П. Белинская отмечает особое место подросткового и юношеского периода в жизни человека. Она пишет: «Особое значение «информационное измерение» содержания социализации имеет для подросткового и юношеского возраста. Оно определяется как минимум двумя взаимосвязанными группами причин. Во-первых, известные возрастные задачи развития (расширение круга общения и взаимодействия, активный поиск референтных групп, различные линии конструирования социальной идентичности) определяют ведущее значение коммуникативной составляющей на данном этапе, в том числе и в ее «новых ипостасях». Во-вторых, представляется, что именно данный возраст становится «проводником» норм и правил взаимодействия информационной эпохи в другие возрастные страты» [Белинская 2013].

Остановимся лишь на одном аспекте этой проблемы – понятии множественной идентичности. Если изначально данное понятие имело негативный оттенок (в клинической психологии его связывали с различными личностными нарушениями), то в последнее время категорию множественной идентичности рассматривают как возможный вариант самовосприятия личности в условиях сложного множественного мира. Т.Ю. Базаров в одной из своих статей пишет о том, что отсутствие универсальных целостностей в современном мире приводит к отсутствию у человека самоидентичности, а повседневная реальность способствует легкости смены ролей и соответствующих идентичностей [Базаров, Шевченко 2010]. Иными словами, требует исследования вопрос о позитивной функции множественной идентичности как характеристики адаптации личности к мультикультурности социального

пространства. С одной стороны, множественность и неопределенность современного общества требует от человека гибкости и изменчивости. С другой – ситуация множественной идентичности опасна внутренними конфликтами, которые актуализируются в случае несоответствия поведения индивида его внутренним представлениям. Т.е. перед нами возникает еще один ракурс обсуждаемых проблем – формирование ценностной структуры личности как важнейший результат процесса социализации. Поскольку в условиях транзитивного общества процесс социализации заключает в себе принципиальную противоречивость, то вопрос о формировании ценностей приобретает новые характеристики. Особое место, как мы уже писали, занимает проблема формирования ценностей именно в юношеский период развития личности. Этот сюжет неоднократно исследовался в психологии. Существует многоплановая традиция изучения формирования нормативно-ценностной структуры, в том числе и в юношеском возрасте. Большой интерес представляет популярный в последнее время подход к категории ценностного выбора как к механизму этого процесса. Согласно данному подходу именно через механизм ценностного выбора происходит преобразование абстрактных конструкторов, отражающих основные мировоззренческие тенденции восприятия окружающей действительности человеком, в систему ценностных представлений личности, а затем и в собственно конструкторы-регуляторы поведения [Хачатрян 2015].

Итак, подводя некоторый итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что рассмотрение особенностей процесса социализации в современных условиях с неизбежностью выводит нас на проблему личности и общества. Хотя эта проблема имеет очень общее звучание, но тем не менее от ее интерпретации зависят ответы на многие довольно конкретные вопросы. К ним относятся изменение и содержания, и динамики социализации личности, вопросы множественной идентичности личности, а также анализ формирования ценностной структуры личности с фиксацией внимания на ценностном выборе как на механизме этого процесса – все перечисленное уже сейчас представляется важными и перспективными направлениями для дальнейших исследований в этой области психологии.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве» Российского фонда фундаментальных исследований, грант №17-06-00077-ОГН.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research,

project “The Problem of linguistic identity in a multicultural space”, no. 17-06-00077-OGN.

Литература

- Андреева 2002 - *Андреева Г.М.* Социальная психология. Москва: Аспект Пресс, 2002.
- Базаров, Шевченко 2010 – *Базаров Т.Ю., Шевченко Ю.С.* Новый тип личности посткризисного периода (Социальный контекст и вызовы нового времени) // Управление персоналом. 2010. № 3 (229). С. 42-52.
- Белинская 2014 – *Белинская Е.П.* Неопределенность как категория современной социальной психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 марта 2019).
- Белинская 2013 – *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 марта 2019).
- Дубовская 2014 – *Дубовская Е.М.* Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7 (36) № 7 URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 марта 2019).
- Дубовская 2002 – *Дубовская Е.М.* Социализация в изменяющемся мире // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 148-161.
- Кон 2003 – *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003.
- Марцинковская 2016 – *Марцинковская Т.Д.* Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.
- Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
- Марцинковская 2010 – *Марцинковская Т.Д.* / Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии. М.: ПИ РАО, 2010.
- Мудрик 2011 – *Мудрик А.В.* Социализация человека. М.: Воронеж, 2011.
- Хачатрян 2015 – *Хачатрян М.А.* К проблеме развития системы ценностей субъекта: конструктивистская перспектива [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 41. <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 марта 2019).

References

- Andreeva, G.M. (2002), Social'naya psixologiya [Social Psychology], Aspekt Press, Moscow, Russia.*
- Bazarov, T.Y. and Shevchenko, Y.S. (2010), “A new type of personality in the post-crisis period. (The social context and challenges of modern times)”, Upravlenie personalom, № 3 (229), pp. 42-52.*
- Belinskaya, E.P. (2014), “Uncertainty as a category of modern social psychology of personality”, Psixologicheskie issledovaniya, [Electronic], 2014, vol. 7, no. 36 (3), available at: <http://psystudy.ru>, (Accessed 2 Mar. 2019).*
- Belinskaya, E.P. (2013), “Informational socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being”, Psixologicheskie issledovaniya, [Electronic], 2013, vol. 6, no. 30, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 2 Mar. 2019).*
- Dubovskaya, E.M. (2014), “Transitivity of society as a factor in the socialization of personality”, Psixologicheskie issledovaniya e'lekt.nauch.zhurnal [Electronic], 2014, vol. 7 (36), no. 7 available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 2 Mar. 2019).*

Dubovskaya, E.M. (2002), "Socialization in a changing world", in Andreeva, G.M. and Donzov A.I. (ed.), *Social'naya psixologiya v sovremennom mire* [Social psychology in the modern world.], Aspekt-Press, Moscow, Russia, pp. 148-161.

Kon, I.S. (2003) *Rebenok i obshchestvo* [Child and society], Akademiya, Moscow, Russia.

Marsinkovskaya, T.D. (2016), *Kul'tura i subkul'tura v prostranstve psixologicheskogo xronotopa* [Culture and subculture in the space of psychological chronotope], Smy'sl, Moscow, Russia.

Marsinkovskaya, T.D. (2015), *Problema socializacii v istoriko-geneticheskoj paradigme* [The problem of socialization in the historical and genetic paradigm], Smy'sl, Moscow, Russia.

Marsinkovskaya, T.D. (2010), *Koncepcii socializacii i individualizacii v sovremennoj psixologii* [Concepts of socialization and individualization in modern psychology], PI RAO, Moscow, Russia.

Mudrik, A.V. (2011), *Socializaciya cheloveka* [Socialization of Human], Voronezh, Moscow, Russia.

Xachatryan, M.A. (2015), "To the problem of the development of the subject's value system: a constructivist perspective", *Psixologicheskie issledovaniya*, [Electronic], vol. 8, no. 41, available at: www.psystudy.ru (Accessed 2 Mar 2019).

Информация об авторе

Екатерина М. Дубовская, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; dubovskaya13@gmail.com

Information about the author

Ekaterina M. Dubovskaya, Cand. Of Psy. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009;

Основные принципы трансдисциплинарного подхода
к изучению социального, личностного и когнитивного
развития детей и подростков
в современном технологическом обществе

Марина С. Гусельцева

*Психологический институт РАО,
Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru*

Аннотация.

Трансдисциплинарность рассматривается как методологическая стратегия изучения сложного, многослойного и нюансированного бытия человека в ситуации транзитивности. В психологических исследованиях трансдисциплинарный подход выступает как концептуальная рамка, объединяющая различные аспекты трансформации современного человека и его жизненных миров. Постматериалистические ценности, цифровая грамотность, осознанность, этическое потребление, планетарная идентичность, проблематизация экологического самосознания и гражданской субъектности – все эти феномены исследуются сегодня представителями разных наук и могут быть обобщены в психологии в качестве текущих трансформаций социального, личностного и когнитивного развития детей и подростков посредством трансдисциплинарного подхода. Обсуждается поляризация современного общества по критериям сложности и простоты, готовности к риску, ожиданию перемен, с одной стороны, и ригидности, приверженности к привычному образу жизни, с другой. Высказывается предположение, что транзитивность исследовательской методологии есть косвенный результат развития технологического общества. Одним из социально-психологических последствий использования трансдисциплинарного подхода в сфере образования является возвращение целостного мышления о человеке, а также преодоление фрагментации в картине мира современных детей и подростков.

Ключевые слова: методология, трансдисциплинарный подход, транзитивное и технологическое общество, социализация, подрастающие поколения, повседневность

Для цитирования: Гусельцева М.С. Основные принципы трансдисциплинарного подхода к изучению социального, личностного и когнитивного развития детей и

подростков в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 4. С. 33-53. DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-33-53

Basic principles of a transdisciplinary approach to the study of social, personal and cognitive development of children and adolescents in a modern/technological society

Marina S. Guseltseva

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru*

Abstract.

Transdisciplinarity is considered as a methodological strategy for studying the complex, multi-layered and nuanced being of a person in a situation of transitivity. In psychological research the transdisciplinary approach acts as a conceptual framework uniting various aspects of the transformation of modern human and his life worlds. Post-materialistic values, digital literacy, awareness, ethical consumption, planetary identity, the problematization of environmental self-awareness and civic subjectivity – all these phenomena are studied today by representatives of different sciences and can be generalized in psychology as current transformations of the social, personal and cognitive development of children and adolescents through transdisciplinary approach. The polarization of modern society is discussed according to the criteria of complexity and simplicity, preparedness for risk, expectation of change, on the one hand, and rigidity, commitment to a familiar lifestyle, on the other. It is suggested that the transitivity of research methodology is one of the indirect consequences of the development of a technological society. One of the socio-psychological consequences of using a transdisciplinary approach in education is the return of holistic thinking about a person, as well as overcoming fragmentation in the world picture of modern children and adolescents.

Keywords: methodology, transdisciplinary approach, transitive and technological society, socialization, younger generations, everyday life

For citation: Guseltseva MS. Basic principles of a transdisciplinary approach to the study of social, personal and cognitive development of children and adolescents in modern technological society. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2019;4:33-53. DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-33-53

Введение

Трансформации, происходящие в психологической науке и придающие ей измерение современности, затрагивают, с одной стороны, ее методологический и дисциплинарный статус, а с другой – взаимоотношения с социокультурной реальностью и повседневными жизненными мирами человека (в данном случае – детей и подростков). Первый тип трансформаций обозначим здесь как *гносеологические* и *эпистемологические*. Второй – *онтологические*. Продуктивным ответом в методологии психологии на гносеологические, эпистемологические и онтологические изменения, происходящие в науке, в мире, в повседневной жизни детей и подростков является, на наш взгляд, трансдисциплинарный подход [Гусельцева 2016, 2019], который позволяет решать следующие задачи:

- 1) трансдисциплинарный подход устанавливает когерентные взаимодействия между различными исследованиями и уровнями анализа реальности внутри психологии как научной дисциплины с «плавающим» (проблемно-ориентированным) предметом исследования;
- 2) трансдисциплинарный подход способствует коммуникации, обмену эмпирическими материалами, теоретическими конструктами и исследовательскими стратегиями между психологией и смежными науками (как естественнонаучного, так и социогуманитарного круга);
- 3) трансдисциплинарный подход преодолевает разрыв между академической психологией и психологической практикой, фокусируясь на проблемах целостного бытия человека в локальных контекстах той или иной культуры;
- 4) трансдисциплинарный подход позволяет нюансировать изучаемую феноменологию, т.е. учитывать множественные факторы влияния и различные особенности развития человека в ситуативных и изменяющихся социокультурных контекстах.

В этом пункте важно подчеркнуть, с одной стороны, целостность анализа феномена человека, обеспечивающегося трансдисциплинарным подходом, а с другой – приближение к повседневности и фокусировку на конкретности его жизни в локальной социокультурной среде. Последовательным образом такой подход становится теоретической рамкой для появления новых направлений психологии, известных как психология повседневности, психология современности, новая культурная психология, психология экзистенциального бытия, антропологическая психология и т.п. [Гришина 2017, 2018; Гусельцева 2016, 2018, 2019; Знаков 2017, 2016; Марцинковская 2015, 2017, 2019; Соколова, Хорошилов 2018; Хорошилов, Ильжер 2019].

Таким образом, логичным развитием трансдисциплинарного подхода в психологии является *расширение предмета психологических исследований в сферы анализа трансформирующейся социокультурной среды, культурно-психологических изменений повседневности, обусловленных этими трансформациями, растворение дисциплинарных границ между психологией и науками о человеке*. В этой связи:

5) трансдисциплинарный подход позволяет продуктивно работать с феноменами мобильности и множественности происходящих в современности изменений, получивших концептуализацию в представлениях о трансдисциплинарном обществе [Марцинковская 2015] и изменяющемся человеке в изменяющемся мире [Асмолов 2015; Белинская 2005].

Наконец, еще одной особенностью трансдисциплинарного подхода, характерного для данного этапа развития постнеклассической науки, является его представленность в разнообразии теоретических форм и практических исследовательских стратегий. Так, в современных методологических исследованиях имеются различные трактовки трансдисциплинарности: от понимания ее как разновидности постнеклассической науки до пространства пересечений дискурсов естественных и социогуманитарных наук с повседневными жизненными мирами человека [Бажанов, Шольц 2015].

Трансдисциплинарный подход и его культурно-(социально)психологические последствия

Помимо обозначенных выше методологических задач трансдисциплинарный подход имеет вполне определенные побочные социально-психологические последствия. Он способствует целостному мышлению о человеке в науке (здесь – в психологии), а также *возвращает целостность мышления как онтологическое и психологическое свойство, тем самым преодолевая тенденции к фрагментации картины мира современного человека* (в нашем случае – детей и подростков).

Трансдисциплинарные стратегии могут быть эффективно использованы (и используются) как в психологической практике, так и в политике образования [Колесникова 2014]. С этих позиций мы можем утверждать, что расширение психологического хронотопа современных детей и подростков, активная гражданская позиция и планетарная идентичность выступают *мировоззренческим следствием практики трансдисциплинарного подхода в качестве разновидности постнеклассической методологии* [Гусельцева 2019].

Так, историческая перспектива трансдисциплинарного подхода (глобальное историческое мышление) нашла отражение в стратегиях осмыслении мира и психологического бытия в диапазонах «от амебы до Эйнштейна», от звездной пыли до рефлекслирующего разума [Свааб 2014]. В свою очередь, культурно-аналитическая перспектива трансдисциплинарного подхода направляет к анализу антропологических последствий человеческого бытия (постматериалистические ценности, осознанность, этическое потребление, планетарная идентичность, экологическое мышления современных подростков – феномен Греты Тунберг¹ как несколько утрированная его кульминация) [Инглхарт 2018; Шульман 2019 и др.]. Весьма важную роль в этой исследовательской перспективе приобретает также культурно-психологический анализ феноменов цифровой социализации и технологического общества [Марцинковская 2019; Марцинковская и др. 2019].

Психология повседневности, транзитивное и технологическое общество: изучение жизненных миров и изменившихся условий социализации современных детей и подростков

Психология повседневности, развивающаяся в методологической рамке трансдисциплинарного подхода, побуждает в психологическом исследовании обращаться к анализу казусов (case study – метод кейсов), изучать блоги и, казалось бы, не имеющие непосредственного отношения к каноническому предмету психологии феномены частной жизни и политические события, такие, например, как активизм или технологические прорывы.

Транзитивность – изменчивость, множественность и неопределенность – та социокультурная среда, которая является естественным жизненным миром современных подростков [Марцинковская 2019]. Транзитивность – термин, в котором объединены рефреном произносимые сегодня слова, о том, что *наша реальность – неопределенная*,

---

¹ А. Экфорд обсуждает, каким образом феномен Греты Турберг стал своего рода проективным тестом для разных общественных настроений и выявил эйблизм, эйджизм и сексизм в считающем себя современным и цивилизованным обществе. «Активизм во все времена был громким, провокационным и шумным – его цель была заявить о проблеме, обратиться на нее внимание общественности, шокировать людей, заставить политиков пойти на уступки. Спокойное обсуждение стратегий решения проблемы следует после, когда проблему уже признали значимой. Точно так же и Грета не предлагает конкретных мер – она предоставляет это экспертам и лишь требует от влиятельных людей обратить внимание на экологические проблемы». А. Экфорд отмечает, что «подростки в нашем обществе – одна из самых дискриминируемых групп, а эйджизм по отношению к несовершеннолетним в последние столетия лежит в основе политической пропаганды» [Экфорд 2019].

множественная и изменчивая: не воспроизводя каждый раз все эти характеристики, Т.Д. Марцинковская ввела термин «транзитивность», вобравший и изменчивость, и неопределенность, и множественность [Марцинковская 2015]. Наряду с этим исследовательская группа Т.Д. Марцинковской обратилась к изучению информационной социализации детей и подростков и цифровой среды с позиции задач психологии [Марцинковская и др. 2019]. В качестве консенсусного вывода зафиксироваем здесь, что *социальное, личностное и когнитивное развитие современных детей и подростков протекает в транзитивной, цифровой и сетевой среде, что является принципиально новыми условиями социализации, не имеющими аналогов в истории культуры*. Подобного рода познавательная ситуация требует принципиально новых подходов и непосредственно в ходе исследования выстраиваемой методологии. Важную роль для психологии в этом плане играет анализ изменений социокультурного контекста. Отметим также, что происходящие в технологическом обществе перемены обсуждаются в категориях антропологических разрывов и цифровой революции [Алексеева, Сидоров 2010; Колин 2017].

Ускоренный рост и распространение технологий выступили одной из ведущих тенденций трансформации культуры XXI в. Экономическое и цивилизационное развитие превратило использование технологий не только в повседневное и массовое явление, но и сделало их ключевым фактором изменений промышленности, социальной сферы, науки и образования. Так, К. Колин отмечает, что главное достоинство современных технологий проявляется прежде всего в том, что они экономят «самый ценный ресурс общества – его *социальное время*, которое затрачивается на реализацию тех или иных процессов» [Колин 2017]. Наиболее наглядно это происходит «в информационной сфере общества, где новые информационные технологии создают людям невиданные ранее возможности для ...коммуникаций на больших расстояниях, позволяют оперативно находить и получать необходимую им информацию, решать ...финансовые и бытовые проблемы и даже обеспечивают личную безопасность» [там же]. Психология наблюдает за происходящими социокультурными трансформациями прежде всего через оптику культурно-психологических изменений, воздействующих на социальное, личностное и когнитивное развитие, а также на социализацию современных детей и подростков.

С позиции культурно-психологического анализа развития последних *в современном технологическом обществе следует выделить как открывающиеся перед человеком новые возможности, так и вполне*

вероятные риски. В первом случае когнитивные информационные технологии изучаются, например, в перспективе дополнительных инструментов развития познавательных способностей человека. Во втором – широко обсуждаются социально-психологические последствия, обусловленные изменением экономической политики, структуры занятости населения, трансформацией представлений о безопасности и социальной справедливости, качестве жизни, модернизации образования и т.п. [Алексеева, Сидоров, 2010; Солдатова и др. 2017; Марцинковская и др. 2019]. Так, Ю.Ю. Комлев отмечает, что в high-tech-эпоху «технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация социума эпохи постмодерна спровоцировали процесс его дальнейшей девиантзации, которая в значительной мере проходит в латентной форме» [Комлев 2018, с. 60]. Однако среди позитивных общероссийских трендов данный автор выделяет «снижение доли насильственных преступлений и, прежде всего, убийств и снижение показателей преступности несовершеннолетних и молодежи» [там же].

Подчеркнем, что в методологическом плане разнообразие жизненной среды предполагает не только применение множества исследовательских подходов и вдумчивое построение их конфигурации применительно к меняющимся контекстам и ситуациям, но и гибкость, готовность к творчеству и инновации познавательных стратегий. Зачастую, *ответ на возникающие новые вызовы и вопросы не может быть найден в уже накопленном опыте и при помощи готового инструментария, а должен изобретаться непосредственно по ходу исследования*². «Очевидные изменения форм молодежной социальности первого десятилетия XXI века повлияли на изменение нашей исследовательской оптики и критическое переосмысление привычных конструктов групповых молодежных идентичностей», отмечает Е.Л. Омельченко [Омельченко 2019, с. 14]. Напротив, применение известных объяснительных схем и «готовых реакций» (по выражению искусствоведа И.А. Доронченкова) к новым феноменам, может не позволить зафиксировать именно новизну их природы. Таким образом, теоретические и методологические подходы к изучению социального, личностного и когнитивного развития детей и подростков в условиях транзитивного и

---

² Так, в подходе Э. Морена отсутствует метод в его классическом понимании, а есть метод: «продвижение вперед без дороги, прокладывание дороги в процессе движения по ней» [Морен 2005, с. 44]. В этом ракурсе новые методологии – не конкретная исследовательская программа, а общая познавательная стратегия, где метод – не программа и не инструкция, а «прокладывание дороги». Релевантный подход и возникает, и выстраивается в самом исследовании новой реальности [Морен 2005]. Ср.: «Нет никаких экспертов, которые разбирались бы в будущем. Все эксперты разбираются во вчерашнем дне» (Джек Ма, Китай, режим доступа: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/lidery/810934>).

технологического общества находятся сегодня в стадии поиска и становления. Логично предположить, что *транзитивность исследовательской методологии есть одно из косвенных следствий развития технологического общества.*

Различные исследователи отмечают поляризацию современного общества по критериям сложности и простоты, готовности к риску, ожиданию перемен, с одной стороны, ригидности, приверженности к привычному образу жизни, с другой³. Технологическое и транзитивное общество вынуждено заново познавать самое себя. Накопленный историей культуры опыт и помогает осознать изменения, и препятствует этому осмыслению, нередко подменяя анализ принципиально новых феноменов отсылкой к имеющимся аналогиям. В этой связи *продуктивной аналитической стратегией трансдисциплинарного подхода является его опора на принцип антиномичности, показывающий, что у каждого нового феномена, есть, по меньшей мере, две стороны (1), а то, что является (или воспринимается) негативным на данном историческом этапе, способности стать позитивным и даже необходимым на следующем (2).* Подобные феномены осмысливаются сегодня в психологии в категориях латентных изменений [Гусельцева 2019], а также преадаптации [Асмолов, Асмолов 2019]. Существенную помощь в анализе современной феноменологии оказывает методология искусствоведения, осмысленная в психологии в терминах эстетической парадигмы [Марцинковская 2019; Соколова, Хорошилов 2018 и др.].

Важно подчеркнуть, что наряду с большими и очевидными трендами трансдисциплинарный подход (с опорой на принцип антиномичности и методологию латентности) обращается к антитрендам или скрытым движениям культуры, которые могут быть незаметными, но от этого не становятся менее значимыми по своим последствиям [Гусельцева 2019].

Антиномия локального и глобального порождает в сфере методологии психологического исследования задачу совмещения двух планов анализа в изучении развития современных детей и подростков, а именно: анализа не только психологического и ближнего социокультурного пространства (известного в психологии как социальная ситуация развития), но и учет национального и планетарного масштаба со-

---

³ См., например, И. Крастев: «Старое деление на классы и экономические интересы не исчезло, на него наложилось другое, более масштабное и размытое; это разделение между людьми, смотрящими на мир Отовсюду, и теми, кто смотрит на него Откуда-то...» [Крастев 2018, с. 48].

бытий, что, в свою очередь, ведет к построению моделей много- и разнослойной идентичности [Марцинковская и др. 2018, 2019].

Мир современного подростка есть жизненный мир, где одновременно происходят и присутствуют глобализация и изоляционизм, космополитизм и национализм, где встречаются и преобразуются в нечто новое и не всегда фиксируемое научными понятиями эти потоки становящегося бытия. Толерантность и множественная (многослойная) идентичность, конструирование образа жизни и усиление субъектности являются продуктивными ответами на вызовы транзитивного и технологического общества. Однако эта же реальность создает и феноменологию рисков и уязвимости для маргинальных социальных групп. Иными словами, то, что на эпистемологическом уровне предстает как реальность полипарадигмальности и трансдисциплинарности, смешанных методов и методологий, в социокультурном пространстве оказывается жизненной средой с разнообразием (нередко противоречивых) ценностей и образов жизни. Негативными социально-психологическими последствиями такого рода реальностей становятся возрастающая нетерпимость не столько в глобальном масштабе, сколько внутри, казалось бы, гомогенных (или считавшихся ранее гомогенными) социальных групп. Согласно эволюционной метафоре, «внутривидовая борьба» протекает интенсивнее, нежели «межвидовая», а потому тонкие различия в поведении и образе жизни малых социальных групп, менее заметны, но более уязвимы, что подтверждается, например, в изучении буллинга [Бочавер, Хломов 2013].

Обнаружение малозаметной феноменологии, мимикрирующих и маскирующихся процессов современных трансформаций, особенно при их переходе из манифестирующей в латентную стадию, является эпистемологическим преимуществом трансдисциплинарного подхода, поскольку именно наложение разнообразных перспектив нередко делает видимым то, что скрывается от одномерной исследовательской оптики. Актуальной методологической проблемой на сегодняшний день (отчасти решаемой в рамках трансдисциплинарного подхода) является противоречивость объяснительных схем, и, следовательно, построение более сложной модели реальности, включающей конфликтующие объяснения в качестве различных перспектив в изучении того или иного феномена.

В этом ракурсе появление такого исследовательского направления, как психология повседневности отвечает требованиям многофакторности и многоаспектности культурно-психологического анализа. Здесь

встречаются тренды гуманизации и индивидуализации, обращающиеся к самореализации личности и ее предназначению (в социологических исследованиях это фиксируется как малозаметный, но последовательный переход от модели социальных отношений *человек для государства* к *государство для человека*). Нюансирование и сознательное отношение к жизни (осознанность) также находит выражение и охват в контексте психологии повседневности. «Даже люди, не склонные к рефлексии, начинают задумываться о смысле жизни и своем бытии, а не о быте», отмечает Т.Д. Марцинковская [Марцинковская 2019, с. 52].

Несмотря на тот факт, что рефлексивность и осознанный образ жизни – не магистральная, хотя и набирающая силу культуральная традиция, наиболее ярко она манифестировала именно в подростковой среде [Новиченков 2017]. Важной проблемой, выявляемой с позиции методологии латентности и трансдисциплинарного подхода, является здесь сам факт разрыва между представлениями и ожиданиями одной части исследователей мира детства и той феноменологией изменений современных детей и подростков, которые не улавливаются каноническими методами исследований. Так, А. Новиченков обращает внимание на расхождение типичных характеристик современных школьников со стороны родителей и их учителей, и тех наблюдений, которые открываются непредвзятому и нюансированному подходу. «Если 1968 год в Западной Европе – это бунт детей против ценностей родителей, то 2019 год в России – это бунт родителей против ценностей детей», отмечает И. Крастев [Крастев 2019]. Сказанное подтверждается наблюдениями из педагогической практики А. Новиченкова. Консервативно настроенные взрослые характеризуют подростков следующим образом: «они ничего не хотят; не читают, все время в телефоне; мы в их возрасте о другом думали; им, кроме развлечений, ничего не нужно; не хотят работать, хотят, чтобы им все легко доставалось» [Новиченков 2017]. С другой стороны, несмотря на выраженные консервативные тренды российского общества ситуация не столько однозначна, ибо в мегаполисах подростки социализируются в ситуации открытого и глобального мира: «эти дети выросли свободолюбивыми и достаточно независимыми», они «единогласно выступают против любой цензуры в интернете», «свобода во всех проявлениях» является для них фундаментальной ценностью, не всегда декларируемой, но реализуемой в собственных поведенческих стратегиях [там же]. Более того, ценности приватности и свободы выбора реализуются в российском обществе в форме анонимности, обеспечиваемой посредством новых технологий и интернет-пространства: «Для молодого человека ано-

нимность – это в первую очередь личное пространство, свобода выбора: что читать, что смотреть, что делать. Поэтому гаджет для них – не просто игрушка, а образ жизни» [там же].

Отметим, что эмпирические исследования Е.Л. Омельченко также фиксируют рост осознанности, солидарности, гражданского самосознания и субъектности среди подрастающих поколений [Омельченко 2019]. Постсубкультурная парадигма, смешанные мультикультурные идентичности, новые формы молодежной социальности и гражданского активизма есть искомые дискурсы для описания современности в аспектах социального, личностного и когнитивного развития детей и подростков. В этом контексте «стали появляться новые прочтения современной патриархальности в коммуникации различных молодежных групп – как часть новой протестной, индивидуально-приватной религиозности (например, в определенном возрождении субкультур нью-эйджа и неоязычества), как продвижение идей потребительского аскетизма (антифа, анархо-ориентированные группы) с их вниманием к антикапиталистическим ценностям, как осмысленное потребление (вегетарианство, веганство), как помощь депривированным и отверженным группам: проекты «Ночлежка», «Еда вместо бомб»; движения эко- и зоозащитников» [Омельченко 2019, с. 13-14].

Изучение трансформирующегося быта и психологического хронотопа современных подростков является одним из ключей к постижению меняющегося внутреннего мира. В свете психологии повседневности и трансдисциплинарного подхода по-новому предстает тот факт, что для культурно-психологического исследования не существует подростка как такового. Последнее является абстракцией, в то время как в изучаемой реальности представлены довольно разные подростки, с полярными ценностями и индивидуальными жизненными стратегиями. Таким образом, универсальные теории и модели в современной психологии нередко оказываются нерелевантными. Это положение дел имеет следствием пересмотр (но отнюдь не отказ от) классических и неклассических психологических теорий, а также появление более сложных и гибридных концептуализаций. В качестве примера отметим, что установленные тенденции, характеризующие поведение и особенности информационной социализации подростков из мегаполисов, могут быть не пригодны для описания социального, личностного и когнитивного развития подростков из малых поселений [Хузеева 2010]. В концептуальном же плане на помощь психологии здесь приходят представления о «неоднородности современности» Э. Блоха и модель «четырех России» экономического географа и регионоведа

Н.В. Зубаревич [Зубаревич 2017]. Помимо этого, существенную роль в понимании развития современного подростка играет изучение региональных движений и территориальной идентичности [Дзякович 2011]. В этом исследовательском ракурсе социокультурная ситуация, которая оценивается экспертами социологии и политических наук, как застой, характеризуется латентной динамикой малых и неочевидных культуральных течений. Так, внешне спокойные 2016-2018 гг. явились в России временен кардинальной культурно-психологической трансформации, которая в дальнейшем выразилась в молодежных протестах 2019 г. (отдельные исследователи сравнивают их со сменой общественной парадигмы в западном мире 1968 г.) [Архипова 2014].

Таким образом, с позиции трансдисциплинарного подхода в более явном виде предстает тот факт, что *разные темпы происходящих изменений с разной скоростью и проникновением затрагивают разные уровни социальной реальности, а общество как таковое устроено сложно и многослойно*. Отсутствие движений на его поверхностных и четко фиксируемых уровнях нередко скрывает динамику и разнонаправленные подводные течения более глубоких слоев. При этом расширение аналитических горизонтов сопровождается и насыщенной информационной средой, в которой происходит социализация подрастающих поколений. Это предполагает разные уровни совмещения методологической и культурно-психологической реальностей. Изменение социокультурной среды в технологическом обществе (ее транзитивность и цифровизация) не только трансформируют культурно-психологические процессы, социализацию и особенности социального, личностного и когнитивного развития подрастающих поколений, но и для психологии как модернизирующейся науки не менее важно изучать каким образом эти процессы переживаются людьми, а также выделять осознаваемые и скрытые аспекты этих трансформаций.

Так, например, когнитивной, социальной и личностной проблемой нашего времени является *отвлекаемость* – переключение внимания с одного предмета на другой, рассредоточение внимания, невозможность сконцентрироваться над текущими задачами. Эта проблема, а также способы ее решения стали центральной темой книги Н. Эяля [Eyal 2019]. Книга побуждает как к осмыслению проблемы, так и к произвольному культивированию состояния неотвлеченности (indistractable). Для достижения последнего необходимо развивать *осознанность* своей повседневной жизни, что, в свою очередь, позволяет осознать причины отвлечения и компенсирующую те или иные психологические проблемы роль гаджетов в собственной жизни (ску-

ка, одиночество, усталость, застенчивость, низкая самооценка); сознательно *ориентироваться на ценности, а не цели*; различать внешние и внутренние триггеры отвлечения внимания [там же]. С позиции же трансдисциплинарного подхода представляется, что продуктивным ответом на вызовы транзитивного и технологического общества выступают практики самодисциплины и самоорганизации, обсуждаемые в исследованиях культуры под названиями «скандинавизации потребления» и «стоического ренессанса» [Гусельцева, 2019].

«Базовый навык, который будет отличать эффективного человека от неэффективного, ... благополучно живущего от неблагополучно живущего, – это ... информационная гигиена» [Шульман 2019, с. 158]. Под последней понимается «умение потреблять информацию»: анализировать, перерабатывать, фильтровать ненужное, «отсекать на очень ранних подступах многочисленный белый шум, отличать мнение от факта, суждения от данных» [там же]. В коммуникативном плане этот навык предполагает способность различать информационные манипуляции и умение от них защищаться. Этот базовый навык не является сегодня предметом образования, «но это больше, чем образование» [там же]. Он складывается в процессе собственного практического опыта и направляемых на рефлекссию этого опыта сознательных усилий. Помимо этого, «все меньше смысла обучать детей запоминанию данных», но важно учить стратегиям эти данные искать и подвергать критическому анализу, «отличать релевантную информацию от нерелевантной, надежный источник от ненадежного» [там же]. Для того чтобы ориентироваться во множестве информационных потоков «необходим очень большой уровень психической устойчивости», что, в свою очередь, требует гуманизированного и индивидуализированного подхода к ребенку в контексте школьного образования. Так, например, конкуренция предстает здесь как ложная идея, «особенно в новом мире, в постмассовом обществе, где не происходит соревнований похожих людей за один и тот же приз, а происходит бесконечный поиск того места и той среды, где твоя индивидуальность может быть максимально востребована. И в этом смысле наше отличие – это наш ресурс, а не недостаток, не какие-то углы, которые должны быть сглажены, или какие-то неровности, которые должны быть отшлифованы, как думали в двадцатом веке. Поэтому ничего нет важнее, чем сохранение у детей их устойчивой личности» [Шульман 2019, с. 158].

Трансдисциплинарность как методологическая стратегия изучения сложного человека в транзитивном мире.

Глобальную рамку, задающую широту охвата проблемы изучения социального, личностного и когнитивного развития современных детей и подростков, ее многомерность и контекстуальную изменчивость, обеспечивает *трансдисциплинарный подход*, выступающий также в роли коммуникативного пространства для обмена разными дискурсами и исследовательскими приемами психологии и смежных наук. Современные социогуманитарные и психологические исследования в большинстве своем стремятся к мультидисциплинарности и полипарадигмальности. В свою очередь, трансдисциплинарность и полипарадигмальность побуждают к отказу от готовых и предзаданных методологических схем, а следовательно, каждый раз возникает необходимость конструировать уникальный дизайн исследования для решения конкретно поставленных задач.

Трансдисциплинарность есть движение сквозь дисциплины; принципиальная открытость дисциплинарных границ и размывание теоретических парадигм в том смысле, что заранее заданной матрицы исследовательского мышления не существует, а методы, путь, методология выстраиваются гибко и непосредственно в ходе исследования [Морен 2005; Бажанов, Шольц 2015]. Взаимодополнительное сочетание разных исследовательских подходов становится здесь отдельной методологической задачей.

Появившиеся в наши дни новые направления, такие как психология повседневности, антропология современности, психология экзистенциального бытия человека в трансформирующемся мире и иные, явно или неявно опираются на принципы трансдисциплинарности. Трансдисциплинарный подход выступает здесь, во-первых, в роли интегратора познания в коммуникациях психологии со смежными науками о человеке; во-вторых, концептуальной рамкой для синтеза отдельных исследований внутри психологии; в-третьих, в качестве эпистемологического супервизора, контролирующего применение в психологии новых исследовательских стратегий и заимствований из сферы общенаучной методологии науки.

Основные принципы трансдисциплинарного подхода к изучению разных аспектов (социального, личностного, когнитивного) развития детей и подростков в современном мире

Современное общество характеризуется сегодня как транзитивное, усложняющееся, технологическое. Изменение жизненного мира человека последовательно приводит в психологии к более дифференцированному изучению факторов социального, личностного, когнитивного

развития современных детей и подростков, а также меняющихся способов их социализации. В этой связи приоритетной методологической задачей всякого психологического исследования является построение целостного и непротиворечивого представления о многообразии этих, зачастую разнонаправленных и амбивалентных процессов.

Обнаруживая в ходе текущих исследований, насколько пересекаются и связаны между собой личность, культура, транзитивное и технологическое общество, новые особенности подрастающих поколений, малые культуральные и региональные движения и т.п., мы сталкиваемся с проблемой, разрешимой в большей степени на методологическом уровне, нежели организационном. Изменения культуры и общества изучают антропологи, социологи, политологи и историки культуры, тогда как исследовательской сферой психологии все еще продолжают считаться каноническое изучение психики, личности, возрастных особенностей и т.п. Однако *при анализе социального, личностного и когнитивного развития детей и подростков в современном технологическом обществе эти сферы познания и деятельности разделить уже вряд ли возможно, и здесь на помощь психологии приходит трансдисциплинарный подход, выступающий концептуальной рамкой для интеграции разных уровней культурно-психологических исследований.*

Трансдисциплинарный подход становится методологией и познавательной практикой, связывающей разные аспекты исследований о человеке и трансформациях его жизненного мира. Новые направления психологии, расширяющие ее границы, вольно или невольно опираются на принципы трансдисциплинарности, даже если не прибегают к подобному рода дискурсу и терминологии.

В заключение лаконично сформулируем основные принципы трансдисциплинарного подхода:

- Принцип смешанных методов и методологий.
- Принцип триангуляции как стремление к балансу эмпирического и теоретического знания; сопоставление количественных и качественных исследований.
- Принцип саморазвития и самоорганизации.
- Принцип антиномий (как путь к целостности, охвату в их совокупности позитивных и негативных тенденций, трендов и антитрендов).

Благодарности

Исследование выполнено по Государственному заданию No 0159-2019-0001.

Acknowledgements

The study was carried out according to the State task number No 0159-2019-0001.

Литература

Информационная эпоха 2010 – Информационная эпоха: вызовы человеку / Отв. ред. А.Ю. Алексеева, И.Ю. Сидоров. М.: РОССПЭН, 2010.

Мы не немцы 2014 – «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов / Отв. ред. А.С. Архипова. Тарту: ЭЛМ, 2014.

Асмолов 2015 – *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 05 авг. 2018).

Асмолов, Асмолов 2019 – *Асмолов Г.А., Асмолов А.Г.* Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.

Бажанов, Шольц 2015 – *Бажанов, В., Шольц, Р.В.* Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015.

Белинская 2005 – *Белинская Е.П.* Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Бочавер, Хломов 2013 – *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.

Гришина 2017 – *Гришина Н.В.* Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнетворчество» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 02 апр. 2019).

Гришина 2018 – *Гришина Н.В.* Проблема концептуализация контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.

Гусельцева 2016 – *Гусельцева М.С.* Принцип развития в современной психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Разработка и реализация принципа развития в современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2016. С. 31–51.

Гусельцева 2019 – *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. Монография. М.: Акрополь, 2019.

Гусельцева 2018 – *Гусельцева М.С.* Трансдисциплинарный подход в современной психологии // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 3–12.

- Дзякович 2011 – *Дзякович Е.В.* Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011.
- Знаков 2017 – *Знаков В.В.* Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 3–16.
- Знаков 2016 – *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
- Зубаревич 2017 – *Зубаревич Н.В.* Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры. Екатеринбург: УГЭУ, 2017.
- Инглхарт 2018 – *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Колесникова 2014 – *Колесникова И.А.* Трансдисциплинарная стратегия исследования непрерывного образования [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век. 2014. Вып. 4 (8). URL: <https://i1121.petrsu.ru/journal/article.php?id=2642> (дата обращения 02 окт. 2019).
- Коллин 2017 – *Коллин К.* Технологическое общество: глобальные тенденции, вызовы и угрозы // Стратегические приоритеты. 2017. № 1 (13). С. 4–15.
- Комлев 2018 – *Комлев Ю.Ю.* Миллениалы, или Куда уходит девиантность? // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3. № 6. С. 59–66.
- Крацев 2019 – *Крацев И.* 2019 год в России – это бунт... [Электронный ресурс] // Colta.ru. 2019. URL: <https://www.colta.ru/articles/mosty/20978-ivan-krastev-2019-god-v-rossii-eto-bunt-roditeley-protiv-tsennostey-detey> (дата обращения 02 окт. 2019).
- Крацев 2018 – *Крацев И.* После Европы. М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2018.
- Марцинковская и др. 2018 – *Марцинковская Т.Д., Орестова В.Р., Гавриченко О.В.* Культурно-исторический подход: от Л.С. Выготского – к XXI веку: коллективная монография. М.: Типография МПГУ, 2018.
- Марцинковская и др. 2019 – *Марцинковская Т.Д., Орестова В.Р., Гавриченко О.В.* Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография. М.: МПГУ, 2019.
- Марцинковская 2017 – *Марцинковская Т.Д.* Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15 апр. 2018).
- Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 06 апр. 2019).
- Марцинковская 2019 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология: от транзитивного к технологическому обществу // Новые тенденции и перспективы психо-

- логической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2019. С. 43–72.
- Морен 2005 – *Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Новиченков 2017 – *Новиченков А.* Свобода, протест, осознанность: как живут современные подростки [Электронный ресурс] // Афиша Daily. 2017. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/5132-svoboda-protest-osoznannost-kakimi-ideyami-zhivut-sovremennye-podrostki/> (дата обращения: 21 окт. 2019).
- Омельченко 2019 – *Омельченко Е.Л.* Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3–27.
- Свааб 2014 – *Свааб Д.* Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.
- Солдатова и др. 2017 – *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
- Соколова, Хорошилов 2018 – *Соколова Е.Т., Хорошилов Д.А.* Глубинная герменевтика в визуальном анализе (на примере фильма В. Аллена "Зелиг") // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 118–126.
- Хорошилов, Ильжер 2019 – *Хорошилов Д.А., Ильжер Е.А.* Коллективные переживания прекарности и гражданские движения // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 2. № 2 (34). С. 48–54.
- Хузеева 2010 – *Хузеева Г.Р.* Особенности информационной социализации детей подросткового возраста (14-16 лет) из больших (Москва) городов и малых поселений (результаты пилотажного эмпирического исследования) // Мир психологии. 2010. № 3. С. 112–120.
- Шульман 2019 – *Шульман Е.М.* Потребление сменяется с обладания объектом на получение впечатлений // Kalinka. 2019. № 8 (март – июнь). С. 150–159.
- Экфорд 2019 – *Экфорд А.* Грета и эмоциональность [Электронный ресурс] // Republic – онлайн-журнал о политике, экономике и бизнесе, 2019. URL: <https://republic.ru/posts/94827> (дата обращения 01 окт. 2019).
- Eyal 2019 – *Eyal N.* Indistractable: How to Control Your Attention and Choose Your Life. BenBella Books Published, 2019.

References

- Alekseeva, I.Yu. and Sidorov, A.Yu. (eds.) (2010), *Informatsionnaya epokha: vyzovy cheloveku* [The Information Age: Challenges to human], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Arkipova, A.S. (ed.) (2014), *“My ne nemy!”: Antropologiya protesta v Rossii. 2011–2012 godov* [“We are not dumb!”: Anthropology of the protest in Russia 2011–2012], ELM, Tartu, Estonia.
- Asmolov, A.G. (2015), “Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity”, *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 8, no. 40, p. 1, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 05 Aug 2018).
- Asmolov, G.A. and Asmolov, A.G. (2019), “Internet as a generative space: historical-evolutionary perspective”, *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 3–28.

- Bazhanov, V. and Shol'ts, R.V. (eds.) (2015), *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects], Navigator, Moscow, Russia.
- Belinskaya, E.P. (2005), *Chelovek v izmenyayushchemsya mire – sotsial'no-psikhologicheskaya perspektiva* [A human in a changing world is a socio-psychological perspective], Prometei, Moscow, Russia.
- Bochaver, A.A. and Khlomov, K.D. (2013), “Bullying as an object of research and a cultural phenomenon”, *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 10, no. 3, pp. 149–159.
- Dzyakovich, E.V. (2011), Local identities in the context of the sociocultural dynamics of Russian regions, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Ekford, A. (2019), “Greta and emotionality”, *Republic – onlain-zhurnal o politike, ekonomike i biznese*, [Online], available at: <https://republic.ru/posts/94827> (Accessed 01 Oct. 2019).
- Eyal, N. (2019), *Indistractable: How to Control Your Attention and Choose Your Life*, BenBella Books Published, Dallas, Texas, U.S.
- Grishina, N.V. (2017), “Everyday behavior: life style, everyday creativity and life design”, *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 10, no. 56, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 02 Aug 2019).
- Grishina, N.V. (2018), “The problem of the conceptualization of context in modern psychology”, *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 9, no. 3, pp. 10–20.
- Gusel'tseva, M.S. (2016), “The development principle in modern psychology: the challenges of polyparadigm and transdisciplinarity” in Zhuravlev, A.L. and Sergienko, E.A. (eds.) *Razrabotka i realizatsiya printsipa razvitiya v sovremennoi psikhologii* [Design and implementation of the development principle in modern psychology], IP RAN, Moscow, Russia, pp. 31–51.
- Gusel'tseva, M.S. (2019), *Psikhologiya povsednevnosti v svete metodologii latentnykh izmenenii* [The psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes], Monografiya, Akropol', Moscow, Russia.
- Gusel'tseva, M.S. (2018), “Transdisciplinary approach in modern psychology”, *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 3–12.
- Inglkhardt, R. (2018), *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World], Mysl', Moscow, Russia.
- Khoroshilov, D.A. and Il'zher, E.A. (2019), “Collective experience of precarity and civil movements”, *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, vol. 2, no. 2 (34), pp. 48–54.
- Khuzeeva, G.R. (2010), “Features of informational socialization of adolescent children (14-16 years old) from large (Moscow) cities and small settlements (results of a pilot empirical study)”, *Mir psikhologii*, no. 3, pp 112–120.
- Kolesnikova, I.A. (2014), “Transdisciplinary research strategy for continuing education”, *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, vol. 4 (8), [Online], available at: <https://i1121.petrsu.ru/journal/article.php?id=2642> (Accessed 02 Aug 2019).

- Kolin, K. (2017), "Technological Society: Global Trends, Challenges, and Threats", *Strategicheskie priority*, no. 1 (13). pp. 4–15.
- Komlev, Yu.Yu. (2018), Millennials, or Where does deviance go?", *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 3, no. 6, pp. 59–66.
- Krastev, I. (2018), *Posle Evropy [After Europe]*. RANKhiGS, Moscow, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D. (2017), "Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology", *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 10, no. 56, p. 1, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 05 Aug 2018).
- Martsinkovskaya, T.D. (2015), "Modern psychology – challenges of transitivity", *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 8, no. 42, [Online], available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 02 Aug 2019).
- Martsinkovskaya, T.D. (2019), "Modern psychology – from transitive to technological society", in Zhuravlev, A.L. and Yurevich, A.V. (ed.), *Novye tendentsii i perspektivy psikhologicheskoi nauki [New trends and prospects of psychological science]*, IP RAN, Moscow, Russia, pp. 43–72.
- Martsinkovskaya, T.D., Orestova, V.R. and Gavrichenko, O.V. (2018), *Kul'turno-istoricheskii podkhod: ot L.S. Vygot'skogo – k XXI veku: kollektivnaya monografiya [Cultural and historical approach: from L.S. Vygotsky - to the twenty-first century: a collective monograph]*, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D., Orestova, V.R. and Gavrichenko, O.V. (2019), *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme: kollektivnaya monografiya [Digital Society in the Cultural-Historical Paradigm: Collective Monograph]*, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.
- Moren, E. (2005), *Metod. Priroda prirody [Method. Nature of nature]*, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Novichenkov, A. (2017), "Freedom, protest, awareness: how modern teens live", *Afisha Daily*. 2017, [Online], available at: <https://daily.afisha.ru/relationship/5132-svoboda-protest-osoznannost-kakimi-ideyami-zhivut-sovremennye-podrostki/> (Accessed 05 Sept. 2019).
- Omel'chenko, E.L. (2019), "Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique?", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 1, pp. 3–27.
- Svaab, D. (2014), *My – eto nash mozg: Ot matki do Al'tsgeimera [Wij Zijn Ons Brein: Van Baarmoeder Tot Alzheimer]*, Izd-vo Ivana Limbakha, St. Petersburg, Russia.
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. and Nestik, T.A. (2017), *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [The digital generation of Russia: competence and security]*, Smysl, Moscow, Russia.
- Sokolova, E.T. and Khoroshilov, D.A. (2018), "Deep hermeneutics in visual analysis (on an example of W. Allen's movie Zelig)", *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 9, no. 3, pp 118–126.
- Shest'desyat vos'moi god (2018), *Seans*, no. 68. [Online], available at: <https://seance.ru/magazine/n68/> (Accessed 05 Aug 2019).

- Shul'man, E.M. (2019), "Consumption is replaced by owning an object to receive impressions", *Kalinka*, no. 8 (March – June), pp 150–159.
- Znakov, V.V. (2017), "A new stage in the development of psychological research of the subject", *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 3–16.
- Znakov, V.V. (2016), *Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of understanding the human world], IP RAN, Moscow, Russia.
- Zubarevich, N.V. (2017), *Regional'naya ekonomika: vyzovy, priority, strategicheskie orientiry* [Regional economy: challenges, priorities, strategic guidelines], UGEU, Ekaterinburg, Russia.

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; mguseltseva@mail.ru

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Sc.D. (Psychology), assistant professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Russia, Moscow; bld. 9-4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; mguseltseva@mail.ru

Эмпирические исследования

Бессознательное и творчество: кросс-культурные аспекты

Татьяна Д. Марцинковская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Россия, tdmartsin@gmail.com*

Аннотация. Представлен анализ концепций бессознательных и над-сознательных детерминант креативности, определяющих характер и динамику творческого мышления. Показывается значение для современной психологии классических положений теории установки Д.Н. Узнадзе, психоанализа, концепций «вчувствования» Т. Липпса, К. Штумпфа, Г.И. Челпанова, представлений гештальтпсихологии об инсайте и бессознательной мотивации К. Левина. Раскрываются основные положения теории квантового нейрокомпьютинга Хамероффа-Пенроуза, в которой делается попытка связать квантовую механику с нейропсихологией и психологией творчества. В рамках исследования, посвященного изучению способности предвидеть негативные ситуации, изучалось влияние культурных установок, в частности, установок на необходимость поддержания чистоты в доме, на процесс интуитивного мышления и возможность избежать ситуаций, вызывающих отрицательные эмоции. В данном проекте приняли участие российские и немецкие респонденты, а также группа «российских немцев» в возрасте от 18 до 26 лет (N=158, из них российских участников N=60, группа «российских немцев» (N=30), немецких участников N=68). Было доказано, что для развития способности к предвидению и к творческому мышлению огромное значение имеют не только родной язык и осознанные ценности культуры, но и бессознательные установки, входящие в лингвистическую и социокультурную идентичности.

Ключевые слова: бессознательное, установки, принятие решений, культура, этнические стереотипы

Для цитирования: Марцинковская, Т.Д. Бессознательное и творчество: кросс-культурные аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №4. С. 54–62. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-54-62

Unconsciousness and creativity: cross-cultural approach

Tatyana D. Martsinkovskaya

*Russian State University for the Humanities,
Psychological institute of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, tdmartsin@gmail.com*

Abstract. The analysis of the concepts of unconscious and subconscious determinants of creativity which influence the nature and dynamics of productive thinking is presented. It is shown the importance for modern psychology of the classical principles of the D. Uznadze's theory of unconscious attitudes, psychoanalysis, the concepts of "empathy" worked out by T. Lipps, K. Stumpf, G.I. Chelpanov, Gestalt psychology's ideas about insight and unconscious motivation of K. Levin. The basic principles of the theory of Hameroff-Penrose's quantum neuro-computing are revealed. In this theory was made an attempt to connect quantum mechanics with neuropsychology and the psychology of creativity. As a part of a study on the ability to anticipate negative situations, was carried out the research devoted to the role of cultural attitudes, in particular, attitudes towards the need to maintain cleanliness in the home, on the process of intuitive thinking and the ability to avoid situations that cause negative emotions. The study involved Russian and German respondents, as well as a group of "Russian Germans" aged 18 to 26 years (N = 158), (N = 60 Russian participants), a group of Russian Germans (N = 30), German participants (N = 68). It was proved that not only the native language and conscious cultural values, but also the unconscious attitudes that are the part of the linguistic and sociocultural identities have a great influence in the development of the ability to foresight and creative thinking.

Keywords: unconscious, attitudes, decision making, culture, ethnic stereotypes

For citation: Marsinkovskaya TD. Unconsciousness and creativity: cross-cultural approach. RSUH/ RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series. 2019;4:54-62. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-54-62

Интуитивизм в психологии познания и психологии науки

Вопрос о соотношении логического и интуитивного в творчестве, в процессе решения задач и предвидения будущего был и остается одним из краеугольных камней психологии – не только когнитивной науки, но и психологии личности. Ведь принятие решения, интенция на достижение цели в сложной ситуации тесно связаны и с когнитивным стилем человека, и с его индивидуальным стилем жизни, стилем

общения с миром и окружающими людьми. В то же время вопросы соотношения интуитивного и логического, сознательного и бессознательного в репродуктивном и творческом подходе к решению проблем и к жизни в целом, как правило, решались именно в рамках общей психологии познания.

В концепции Д.Н. Узнадзе [Узнадзе 1966] установка тесно связывалась с теорией энергетизма, психоанализ также соединял бессознательные влечения с энергетическими законами. Связь катарсис – разрядка напряжения – положительная эмоция была также в фокусе внимания многих ученых (Г.И. Челпанова, Т. Липса, К. Штумпфа), изучавших феномен вчувствования и его роль в бессознательном восприятии искусства. К. Левин [Левин 2001] указывал на общность неосознанных мотивов-потребностей либо с валентностью предметов, либо с незаконченными действиями. В процессе изучения творческого мышления М. Вертгеймер [Вертгеймер 1987] доказал, что оно связано с инсайтом и переструктурированием старых схем в новый гештальт.

Анализ роли бессознательного в творчестве ученых привел Марка Блока [Блок, 1986] к мысли о необходимости фокусироваться как на личности и мотивах деятельности ученого, так и на стиле его творчества. М.Г. Ярошевский [Ярошевский 1994] также доказывал огромную роль надсознательного в творчестве ученых.

В течение последних десятилетий было предложено несколько теорий, которые сближают квантовую механику с обработкой информации человеком. Одной из наиболее распространенных стала теория организованной объективной редукции «Orch OR» С. Хамероффа и Р. Пенроуза [Hameroff, Penrose 1996]. По мнению авторов данной теории, Orch OR может объяснить не только переходы от бессознательного к осознанию, но и процессы творческого озарения. Авторы также высказали предположение, что ход времени не имеет направления при бессознательной обработке информации. Это предположение было проверено в исследовании М. Майера [Maier et al. 2014], посвященного изучению вопроса, действительно ли замаскированные негативные стимулы, предъявляемые в будущем, приводят к бессознательной реакции избегания в настоящем. Регистрация ответа происходила примерно за 500 миллисекунд до предъявления стимула.

Эмпирическое исследование влияния социокультурной идентичности на интенсивность и знак переживания к одинаковым по значению ситуациям

Данное эмпирическое исследование проходило в рамках изучения разного уровня бессознательных реакций человека, связанных с избеганием негативных стимулов в будущем. При этом один из аспектов

нашей работы заключался в анализе различных вариантов реакций респондентов на негативные социокультурные стимулы. Первоначально предполагалось, что и российские, и немецкие респонденты будут одинаково реагировать на ситуации, связанные с чистотой и уборкой помещения. Однако, оказалось, что эти ситуации имеют совершенно разное значение для этих групп. Особый интерес представляют ответы группы российских немцев.

Целью исследования был сравнительный анализ эмоциональных реакций респондентов, относящихся к разным культурам.

Участники исследования. В исследовании приняли участие российские и немецкие респонденты, а также группа «российских немцев» в возрасте от 18 до 26 лет (N=158, из них российских участников N=60, группа «российских немцев» (N=30), немецких участников N=68).

Стимульный материал представлял собой набор из пяти вопросов, связанных с чистотой и уборкой помещения. Перечень вопросов приводится ниже.

Представьте: Вы ищите в свою квартиру соседа на подселение. Вы нашли молодого человека и он уже подписал договор с Вами. Сегодня он к Вам переехал. Чистота в квартире очень важна для Вас. Только что от своего друга, который знает Вашего соседа, Вы узнали, что он нечистоплотен.

Как Вы отнесетесь к тому, что уборка в квартире будет исключительно Вашей заботой?

Как Вы отнесетесь к тому, что уборка по дому будет поровну распределена между Вами и Вашим соседом?

Как Вы оцениваете Вашего соседа, учитывая при этом его нечистоплотность?

Насколько Вам симпатичен Ваш сосед?

При этом в двух разных вариантах предъявлялись картинки с соседом - молодым человеком, одетым в красную или зеленую майку. После проведения опроса, участников спрашивали, повлиял ли на их отношение к соседу цвет его майки. Также интересовались, какую эмоциональную реакцию и ассоциации вызывают у них слова нечистоплотный и чистоплотный.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показали, что для российских участников вопрос чистоты не имел никакого значения. Часто они вообще не понимали сути ситуации и спрашивали экспериментатора, какая разница, кто и когда будет убирать комнату; многие утверждали, что и сами не очень аккуратны и не так уж часто убирают помещение. В таблице 1 приведены ответы респондентов.

Таблица 1

Вопросы	Российские респонденты	Немецкие респонденты	Группа русских немцев
Время уборки	Не имеет значения (95%) Лучше, чтобы делал сосед или поровну (5%)	Не имеет значения (0%) Лучше, чтобы делал сосед (3%) Лучше, чтобы делали поровну (97%)	Не имеет значения (15%) Лучше, чтобы делал сосед (23%) Лучше, чтобы делали поровну (62%)
Оценка соседа	Только по уборке помещения сложно оценить (83%) Если приятели рекомендовали, наверно, хороший парень (16%) Не знаю (1%)	Только по уборке помещения сложно оценить (1%) Если приятели рекомендовали, наверно, хороший парень (16%), жаль, что не-ряха. Вряд ли и учится, и работает хорошо (83%)	Только по уборке помещения сложно оценить (71%) Если приятели рекомендовали, наверно, хороший парень (11%) Не знаю (18%)
Отношение к соседу	Позитивное (73%) Нейтральное (23%) Негативное (0%)	Позитивное (0%) Нейтральное (23%) Негативное (77%)	Позитивное (52%) Нейтральное (43%) Негативное (5%)

Содержание приведенных ответов демонстрирует, что уборка помещения, важная для немецких молодых людей, совершенно безразлична для российских. Они не стремятся даже к тому, чтобы переложить

ответственность за уборку на соседа. К тому же для немецких респондентов существенно равенство в столь важном деле: они не хотят, чтобы все делал сосед, уборку должны выполнять оба человека, живущие в квартире. Ответы этнических немцев, проживающих в России, отражают их промежуточное отношение, по сравнению с другими группами, к уборке помещения. Они считают, в соответствии с их культурными ценностями, что чистота помещения важна, но не стремятся сами ее поддерживать и готовы к тому, чтобы за этим следил сосед.

Рациональная и эмоциональная оценки у всех участников исследования почти не отличаются друг от друга. Причем все респонденты, проживающие на территории России, не готовы оценивать человека исключительно по его чистоплотности. В то же время немецкие молодые люди утверждают, что нечистоплотный человек не способен ни хорошо учиться, ни хорошо работать и поэтому их отношение к таким людям крайне отрицательное.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что на ответы немецких респондентов предъявляемый цвет майки оказывал некоторое влияние, тогда как на ответы российских респондентов (в том числе и немцев, проживающих на территории России) этот цвет имел никакого значения, а часто его вообще не замечали.

Не менее интересны ответы участников на вопрос об ассоциациях, связанных со словами чистоплотный и нечистоплотный (см. табл. 2).

Таблица 2

Вопросы	Российские респонденты	Немецкие респонденты	Группа русских немцев
чистоплотный	Аккуратный, чистюля, опрятный	Хороший, ответственный, аккуратный, пунктуальный, точный, надежный	Аккуратный, опрятный
нечистоплотный	Грязнуля неаккуратный	Неопрятный, ненадежный, неаккуратный, неряшливый, грязнуля, неряха, безответственный.	Неопрятный, неряха, неаккуратный

Мы видим, что в отличие от всех российских респондентов, (в том числе и этнических немцев, проживающих на территории России), для немецких респондентов слова «чистоплотный и нечистоплотный» связываются с оценочными параметрами, входящими в содержание таких слов как «хороший, надежный» и т.д.

Необходимо обратить внимание и на количество слов, входящих в ассоциативный ряд респондентов, принадлежащих к разным культурам. Небольшое число значений, относящихся к незначимым для российской выборки словам, проявляется и в небольшом количестве слов, связанных с основным понятием. Наоборот, для немецкой выборки эмоциональная наполненность слов, связанных с чистотой и, особенно, с ее отсутствием, обуславливает и большое количество ответов, при этом ассоциативная цепочка включает и оценочные категории. Можно предположить, что слова, характеризующие опрятность, чистоплотность и т.п. входят в ядро лингвистической идентичности немецких респондентов, но находятся на периферии у российской выборки.

Поэтому неудивительно, что для российских участников исследования сложно дать оценку людям, о которых они знают только то, что человек нечистоплотен и не любит убирать квартиру. Тем более, на основании одного этого качества, невозможно, с точки зрения большинства респондентов, определить отношение к такому человеку. Интересно, что и цвет его одежды в этом случае также не оказывает никакого влияния на эмоциональное отношение к нему.

Заключение

Полученные в исследовании материалы доказывают, что содержание социокультурной идентичности тесно связано с его лингвистической составляющей. При этом, чем более значимы ценности, входящие в социокультурную идентичность, тем более важное место занимают они в структуре лингвистической идентичности.

Лингвистическая идентичность, определяемая, в первую очередь, родным языком, может стать значимым фактором, частично нивелирующим культурные ценности, особенно в том случае, если эти ценности не связаны с ценностными ориентациями людей доминирующей культуры, как это видно на примере ответов «российских немцев».

Тот факт, что эти данные не оказали влияния на результаты российских участников в большом кросс-культурном исследовании, доказывает, что в развитии способности к предвидению и к творческому

мышлению огромное значение имеют не только осознанные ценности культуры, но и бессознательные установки, входящие в лингвистическую и социокультурную идентичности.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект No 17-06-00077-ОГН\19

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No 17-06-00077-ОГН\19

Литература:

- Вертгеймер 1987 – *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987.
Блок 1986 – *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
Левин 2001 – *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.
Узнадзе 1966 – *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
Ярошевский 1994 – *Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.
Hameroff, Penrose 1996 – *Hameroff S., Penrose R.* Orchestrated Objective Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: “The Orch OR” Model for Consciousness. MIT Press, Cambridge, 1996.
Maier et al. 2014 – *Maier M., Buechner V., Kuhbandner C., Pflitsch M., Fernandez-Capo M., Gamiz-Sanfeliu M.* Feeling the Future Again: Retroactive Avoidance of Negative Stimuli [Электронный ресурс] // SSRN. January 30, 2014.
URL: <https://ssrn.com/abstract=2388097> (дата обращения 5 сент. 2019).

References

- Blok, M. (1986), *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology of history, or craft of the historian], Nauka, Moscow, Russia.
Hameroff, S. and Penrose, R. (1996), *Orchestrated Objective Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: “The Orch OR” Model for Consciousness*, MIT Press, Cambridge.
Levin, K. (2001), *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye Trudy* [Dynamic Psychology: Selected Works], Smysl, Moscow, Russia.
Maier, M., Buechner, V., Kuhbandner, C., Pflitsch, M., Fernandez-Capo, M. and Gamiz-Sanfeliu, M. (2014), “Feeling the Future Again: Retroactive Avoidance of Negative Stimuli”. *SSRN* [Electronic], January 30, 2014, available at: <https://ssrn.com/abstract=2388097> (Accessed 5 Sept. 2019).
Uznadze, D.N. (1966), *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], Nauka, Moscow, Russia.
Vertgeimer, M. (1987), *Produktivnoe myshlenie* [Productive thinking], Progress, Moscow, Russia.
Yaroshevskii, (1994), *Istoricheskaya psikhologiya nauki* [Historical psychology of science], Nauka, Saint-Petersburg, Russia.

Информация об авторах:

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д.9, стр.4.; *tdmarsin@gmail.com*

Information about the author

Tatiana D. Marsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Psychological institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9, st.4, Mohovaya street, Moscow, Russia, 125009; *tdmarsin@gmail.com*

Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений

Татьяна П. Емельянова

*Институт психологи Российской академии наук,
Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru*

Дарья А. Шмидт

*Московский гуманитарный университет,
Москва, Россия, dariashmidt@mail.ru*

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования социальных представлений о партнерских отношениях двух поколений – X и Y. Выборка составила 368 чел. Опрос проводился по авторской анкете, включающей пять блоков. Результаты показали, что общими для обоих поколений являются нравственные основы брака – идеи ответственности, верности, нацеленности на долгосрочные отношения. Миллениалы больше ценят способность партнеров договариваться, нацеленность на взаимную помощь в развитии, отсутствие сексуальных ограничений между партнерами. Различия обнаружены и в сфере отношения к родительству, хозяйственно-бытовой сфере, а также в стремлении миллениалов к личной автономии и в нежелании отказываться в браке даже от части своих интересов.

Ключевые слова: партнерские отношения в браке, социальные представления, поколения, коммуникация с партнером

Для цитирования: Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Партнерские отношения в браке: репрезентации двух поколений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №.4. С.63-79. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-63-79

Partnership in marriage: representations

of two generations

Tatiana P. Emelyanova

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru*

Daria A. Shmidt

*Moscow Humanitarian University,
Moscow, Russia, dariashmidt@mail.ru*

Abstract. The results of a study of social ideas about partnership between two generations – X and Y – are presented in the article. The sample was 368 people. The survey was conducted according to the author's questionnaire, which includes five blocks. The results showed that common to both generations are the moral foundations of marriage – the ideas of responsibility, fidelity, and focus on long-term relationships. Millennials value the ability of partners to negotiate, the focus on mutual development assistance, the absence of sexual restrictions between partners. Differences were also found in the sphere of attitude to parenthood, the household sphere, as well as in the desire of millennials for personal autonomy and in the unwillingness to refuse to marry even part of their interests.

Keywords: partnership in marriage, social representations, generations, communication with the partner

For citation: Emelyanova TP, Shmidt DA. Partnership in marriage: representations of two generations. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019;4:63-79. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-63-79

Введение

Брачные отношения в современном обществе за последние десятилетия подверглись радикальным изменениям как по форме (люди вступают в такие отношения, как гражданский брак, «свингерство», гостевой брак, открытый брак, синтрагамный брак, бикарьерная семья и др.), так и по структуре (бездетный брак, одинокое материнство, коммуны и др.). Характер партнерских отношений в браке в связи с большим диапазоном его возможных форм также претерпел значительные трансформации за исторически краткий период времени.

Основываясь на этом, мы предположили, что черты желательного партнера и партнерских отношений в разных возрастных когортах общества существенно различаются, что может порождать межпоколенческие барьеры. В частности, в настоящей статье авторы обсуждают проблему различий в репрезентациях поколений «отцов» и «детей», а именно, поколений X и Y. Авторы полагают, что концепция социальных представлений (СП) [Moscovici 1976] обеспечивает адекватную методологическую основу для анализа феномена партнерских отношений. Структурный подход [Abric 2000, Moliner 2015] в рамках этой концепции позволяет дать качественно-количественное описание общего и различного в репрезентациях двух поколенческих групп.

Выборка и задачи исследования

Выборка составила 368 человек, среди них представителей поколения X (35-55 лет) 176 человек и поколения Y (18-34 года) 192 человека. Исследование было проведено в 2018 г. среди москвичей методом опроса, сбор анкет осуществлялся с помощью метода «снежный ком». Опрос проводился по авторской анкете, состоящей из пяти блоков: 1) авторский опросник СП о брачном партнере (45 утверждений, оцениваемых по шкале от 1 до 5), разработанный на основе результатов предыдущих этапов исследования – контент-анализа эссе респондентов и публикаций в социальных сетях [Емельянова, Шмидт 2017, Емельянова, Шмидт 2018]; 2) опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой [Волкова 2007, с 184-194], адаптированный для заполнения респондентами обоего пола 3) модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения, 4) блок социально-демографических характеристик, 5) блок о каналах коммуникации и опыте пользования социальными сетями.

Обработка результатов осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics 22. Были проанализированы частотные распределения, таблицы сопряженности, а также проделан корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона. Для выделения ядра и периферии СП использовался коэффициент Ж.-К. Абрика [Abric 2000, pp. 87-89], с целью выявления различий применялся непараметрический критерий U Манна-Уитни для двух независимых выборок.

Задачи исследования:

1. Проанализировать структуру СП о партнерских отношениях в браке у респондентов двух поколений, определить различия в ядрах СП у представителей поколения X и Y (миллениалы).

2. Выявить особенности СП миллениалов относительно предпочтений в распределении ролей в семье, готовности жертвовать своими интересами ради партнера, роли и места мессенджеров в общении с партнером и др.

3. Проанализировать оценки ролевой адекватности в паре у представителей поколения X и миллениалов.

Результаты исследования

Данные СП о партнерских отношениях были получены в результате обработки шкальных оценок утверждений авторского опросника в соответствии с методикой Ж.-К. Абрика, который предложил использовать коэффициент позитивных ответов – TSP (Taux catégorique positif) для каждого из 45 утверждений опросника. Расчет коэффициента TSP (i) производился по следующей формуле [Abric 2000, pp. 87-89]:

$$TSP(i) = \frac{n(4) + n(5)}{N} \cdot 100$$

где $n(4)$ - число ответов «скорее согласен», $n(5)$ - число ответов «абсолютно согласен», N - общее число ответов.

Согласно полученным данным, в ядро СП респондентов обеих возрастных групп (это элементы, коэффициенты которых выше среднего плюс среднеквадратичное отклонение) входят следующие утверждения: «*Настоящая семья имеет общие мечты и планы на будущее*» (TSP=90 у миллениалов и представителей поколения X); «*Чувство юмора делает отношения с партнером более гармоничными*» (91 и 89 баллов соответственно); «*В крепкой семье партнер не боится брать на себя ответственность за жизнь близких*» (91 и 94); «*Крайне важно, чтобы твой партнер умел находить выход из трудных жизненных ситуаций*» (90 и 89); «*Нужно стремиться найти такого партнера, с которым можно было бы прожить жизнь*» (89 и 88); «*Это не врожденное чувство быть верным, это решение*» (86 и 85). Кстати, данный элемент СП в поколении X коррелирует с полом (чаще поддерживается женщинами, корреляция значима на уровне $p < 0,05$).

Таким образом, у представителей двух рассматриваемых нами поколений оказались общими нравственные основы брака: базу СП о партнерстве в браке составляют идеи ответственности, верности, нацеленности на долгосрочные отношения.

В ядро СП миллениалов, помимо указанных пунктов, входят три утверждения, которые не встречаются у представителей поколения X: «*Все проблемы возникают, когда люди почему-то не могут сесть и спокойно поговорить о наболевшем*» (TSP=89 баллов у миллениалов и 79 у представителей поколения X, различия значимы на уровне $p < 0,05$); «*У партнеров в сексе не должно быть никаких ограничений, никакого стеснения*» (89 баллов у миллениалов против 73 у представителей поколения X, различия значимы на уровне $p < 0,001$); «*Основная задача партнеров – помогать друг другу развиваться во всех отношениях*» (89 баллов у миллениалов сравнительно с 82 у представителей поколения X, различия значимы на уровне $p < 0,05$).

Значимых различий между мужчинами и женщинами миллениалами в ядерных элементах не зафиксировано, что свидетельствует о том, что ядро СП является конструктом, не зависящим от пола. Таким образом, можно отметить, что миллениалы, в отличие от поколения X, нацелены на совместное развитие и конструктивное решение проблем, а также на отсутствие ограничений в сексе.

Среди специфичных элементов ядра СП поколения X можно отметить только один: «*Хочется жить с сексуально привлекательным*

человеком». По мнению авторов проекта «RuGeneration», эгалитарные установки представителей поколения X привели к тому, что инициаторами романтических отношений все чаще становятся женщины [Васильева 2009]. Исследователи делают акцент на том, что представители поколения X воспринимают партнера как равного себе, уважая его личность и интересы. Они не стремятся раствориться в партнере, а, напротив, нацелены на равноправные отношения, в том числе и в финансовых делах [Гришай, Зенин 2018, с. 88-93]. Так, в семьях данного поколения зачастую сосуществуют три бюджета: общесемейный и каждого из супругов в отдельности [Васильева 2009]. Это рано повзрослевшие самостоятельные люди («дети с ключом на шее»), индивидуалисты-одиночки, которые демонстрируют скептический настрой по отношению к жизни, принимают изменения, но не стремятся к ним. Кроме того, в этом поколении отмечается значительное количество трудоголиков [Шамис, Никонов 2019a].

Среди поколения Y, по наблюдениям аналитиков, описанные тенденции получили дальнейшее развитие. Партнеры все меньше проявляют готовность жертвовать личными интересами ради брака, а женщины берут на себя главенствующую роль в семье [Соколова 2010, Шамис, Никонов 2019b]. Женщины-миллениалы стали смелее заявлять о своих желаниях и чаще становятся инициаторами как начала, так и разрыва отношений [Васильева 2009]. Данные тенденции отчасти находят подтверждение и в нашем исследовании: миллениалы реже, чем представители поколения X, соглашались с утверждением «*Совместная жизнь предполагает отказ от части своих интересов, и это нормально*» (ТСР=36 баллов среди миллениалов против 60 у поколения X, различия значимы на уровне $p < 0,001$). Однако с утверждением «*Сегодня определяющая роль в семье принадлежит женщинам*» чаще соглашались представители поколения X (33 баллов против 25 среди миллениалов, различия значимы на уровне $p < 0,05$). Результаты наших предыдущих исследований показывают, что причина кроется в растущем запросе на возвращение «истинных» мужественности и женственности [Емельянова, Шмидт 2017, Емельянова, Шмидт 2018]. Данный запрос формулируется и широко пропагандируется популярными пабликами в социальных сетях, и многие представители поколения Y, по-видимому, интегрируют его в свои СП о брачном партнере. Вот примеры высказываний [Емельянова, Шмидт 2017] из групп «ВКонтакте»: «*Девушки, ждете принца? Ведите себя как подобает Женщине, Матери его будущих детей*»; «*О Боже! Ты создал женщин женщинами, а они хотят стать роботами и еще деньги за это требуют!*»; «*Женщине следует понимать, что, устраиваясь на работу*

ради денег, она автоматически берет на себя мужские функции и теряет свою женскую суть ... Почему? Потому что пытается соревноваться с мужчинами в их мужской сути!»; «Мужчина в отношениях всегда задает направление, т.е. предлагает проявить интерес к чему-нибудь новому, где, по его мнению, могут возникнуть новые впечатления, и тем самым ему начнут внимать».

В первую очередь, под воздействие такого императива попадают женщины, что подтверждается данными нашего опроса.

Таблица 1 Репрезентация миллениалами ролей мужчины и женщины в паре (значение коэффициентов ТСП)

	Мужчины	Женщины	Различия
Сегодня определяющая роль в семье принадлежит женщинам	11	28	0,002**
Многие проблемы современных семей оттого, что женщины утратили истинную женственность, а мужчины – мужественность	28	64	0,000***
Настоящая женщина все может сделать сама, но настоящий мужчина никогда этого не допустит	36	67	0,000***
Рядом с мужчиной женщина должна позволить себе быть слабой	39	71	0,000***
Задача женщины – избавить мужчину от мелких забот таких, как выбор подарков родственникам	19	37	0,016**
Женское поведение – результат мужского отношения	28	51	0,016**

Примечания. Уровень значимости различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,000$; оценка по критерию U Манна-Уитни

Как было указано выше, в ядро СП обоих поколений входит элемент, касающийся верности, причем миллениалы чаще, чем представители поколения X, соглашаются с утверждением «*Нет верности, значит, нет любви*» (73 балла против 61 среди представителей поколения X, значимые различия на уровне $p < 0,05$).

Среди миллениалов идею верности в большей степени поддерживают женщины, которые чаще соглашались с высказываниями «*Нет верности, значит, нет любви*» (77 балла против

58 среди мужчин поколения Y, значимые различия на уровне $p < 0,05$), а также *«Почти каждая женщина хотела бы хранить верность. Трудность лишь в том, чтобы найти такого мужчину, для которого можно было бы хранить верность»* (47 баллов против 25 среди мужчин, значимые различия на уровне $p < 0,05$).

Женщины-миллениалы также в большей степени ориентированы на создание долгосрочных отношений, что подтверждается высокой степенью согласия с высказываниями *«Встречайтесь так, чтобы в будущем пожениться. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на бессмысленные отношения»* (65 баллов против 36 среди мужчин, значимые различия на уровне $p < 0,001$), а также *«Не будьте с кем попало, ждите родную душу»* (72 балла против 56 среди мужчин, значимые различия на уровне $p < 0,05$). Для сохранения отношений женщины-миллениалы готовы поступиться амбициями: они чаще мужчин соглашались с высказыванием *«Не всегда просит прощения тот, кто виноват. Просит прощения тот, кто дорожит отношениями»* (70 баллов против 50 среди мужчин, значимые различия на уровне $p < 0,05$).

Мужчины поколения Y, напротив, ориентированы на менее продолжительные отношения, что выражается в высокой степени согласия с высказыванием *«На разных жизненных этапах допустимо иметь разных спутников жизни»* (75 баллов против 47 среди женщин, значимые различия на уровне $p < 0,005$). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что мужчины и женщины по-разному видят ценность прочности и надежности отношений в паре.

По поводу еще одного элемента ядра СП миллениалов – сексуальной жизни – также наблюдаются небольшие различия в оценках мужчин и женщин. Последние чаще соглашались с утверждением *«Самый лучший секс с тем, с кем хорошо и без секса»* (78 баллов против 64 среди мужчин из поколения Y, значимые различия на уровне $p < 0,05$). В целом, миллениалы в большей степени, нежели представители поколения X, ориентированы на интенсивность чувств, что выражается в согласии с утверждениями *«Пусть будут истерики и скандалы. Главное, чтобы чувства были настоящими»* (39 баллов против 18 у поколения X, значимые различия на уровне $p < 0,001$), а также *«Самая большая ценность в жизни – чувства, неважно, сколько они продлятся»* (50 баллов против 42 среди поколения X, значимые различия на уровне $p < 0,05$). Значимых различий по полу здесь не зафиксировано.

Особенности СП миллениалов отражаются и в установках на минимизацию границ личного пространства с партнером. Миллениалы чаще, чем представители поколения X, соглашались с утверждением

«У партнеров не должно быть секретов друг от друга» (47 баллов против 33 у поколения X, различия значимы на уровне $p < 0,001$) и реже – с высказыванием «Излишняя откровенность с партнером приносит только неприятности» (27 баллов против 51 у миллениалов, различия значимы на уровне $p < 0,001$).

Результаты, полученные после анализа ответов на опросник ролевых ожиданий и притязаний в браке А.Н. Волковой [Волкова 2007], указывают на то, что у представителей обоих поколений оценки находятся в диапазоне от 4,00 до 6,99 балла (средние значения). Из таблицы 2 видно, что для поколения X почти все шкалы семейных ценностей, кроме внешней привлекательности, имеют несколько большую значимость, особенно велики различия по шкалам «Родительско-воспитательная» и «Личностная идентификация с супругом».

Таблица 2 Интегральные оценки по опроснику А.Н. Волковой (в баллах)

Шкалы семейных ценностей	Поколение Y			Поколение X		
	Мужчины	женщины	<i>среднее</i>	мужчины	женщины	<i>среднее</i>
Интимно-сексуальная	4,22	4,38	<i>4,30</i>	4,74	4,00	<i>4,37</i>
Личностная идентификация с супруг(ом)/ой	5,81	6,38	<i>6,10</i>	6,48	6,52	<i>6,50</i>
Хозяйственно-бытовая	5,09	6,01	<i>5,55</i>	5,77	5,85	<i>5,81</i>
Родительско-воспитательная	4,92	5,98	<i>5,45</i>	6,64	6,05	<i>6,35</i>
Социальная активность	5,99	6,99	<i>6,49</i>	6,39	6,63	<i>6,51</i>
Эмоционально-психотерапевтическая	6,22	6,94	<i>6,58</i>	6,38	6,85	<i>6,62</i>
Внешняя привлекательность	5,46	6,35	<i>5,91</i>	5,69	6,11	<i>5,90</i>

Примечания. Низкие оценки по шкалам – 0-3 балла; средние – 4-6 балла; высокие – 7-9 баллов

Зафиксированы межпоколенческие различия по отдельным утверждениям «Родительско-воспитательной» шкалы семейных ценностей: представители поколения X чаще соглашались с высказываниями «Мужчина/женщина, который(ая) тяготеет

отцовством/материнством, неполноценный(ая) мужчина/женщина» (61 балл против 45 у миллениалов, различия значимы на уровне $p < 0,005$) и *«Я не боюсь трудностей, связанных с рождением и воспитанием ребенка»* (70 баллов против 55 среди миллениалов, различия значимы на уровне $p < 0,05$).

Миллениалы чаще соглашались с утверждением шкалы «Внешняя привлекательность» - *«Мое настроение во многом зависит от того, как я выгляжу»* (63 балла против 53 у поколения X, различия значимы на уровне $p < 0,05$). Представители поколения Y в большем количестве ответов демонстрировали склонность к оказанию психологической поддержки ближнему (согласие с утверждением *«Я всегда искренне и с чувством сострадания утешаю и опекаю нуждающихся в этом людей»* - 82 балла против 74 у поколения X, различия значимы на уровне $p < 0,05$).

Методика А.Н. Волковой позволяет оценить ролевую адекватность партнеров. Например, ролевая адекватность жены будет равняться разности оценок ролевых притязаний жены и ролевых ожиданий мужа, и наоборот⁴. У представителей поколения Y наблюдается недостаток ролевой адекватности мужчин: ожидания женщин превосходят притязания мужчин (разность между притязаниями и ожиданиями составляет -7,54 балла). При этом представительницы слабого пола, наоборот, немного превосходят ожидания мужчин (разность 2,59 балла). Среди поколения X ситуация несколько иная: и мужчины, и женщины не дотягивают до ожиданий противоположного пола (мужчины -4,43 балла, женщины - 2,12 балла), однако абсолютные значения несоответствий невысоки. Таким образом, наиболее сильное несоответствие наблюдается именно у поколения Y, что может препятствовать выстраиванию гармоничных взаимоотношений с партнером.

Миллениалы выросли в период бурной информатизации, что, по мнению исследователей, сделало их крайне зависимыми от технологий [Howe, Strauss 2000, p. 184]. Ввиду постоянного доступа к сети Интернет представители поколения Y избавлены от необходимости запоминать большие объемы информации. Кроме того, миллениалы, как считают аналитики, предпочитают получать информацию не посредством текстовых документов, а в виде изображений, фильмов, аудиофайлов [Ожиганова 2015, с. 96]. Данная тенденция обуславливает повышенный интерес поколения Y к социальным сетям,

---

⁴ Ролевые ожидания – это установка на активное выполнение партнером семейных обязанностей, а ролевые притязания – личная готовность каждого из партнеров выполнять семейные роли.

где информация чаще всего подается как раз в сжатом, фрагментированном виде. Среди миллениалов особой популярностью пользуются социальные сети «ВКонтакте» и «Инстаграм» (см. табл. 3), причем вторая как раз характеризуется акцентом на визуальные средства передачи информации.

Таблица 3 Использование социальных сетей представителями разных поколений (доля респондентов)

Какими социальными сетями вы пользуетесь хотя бы иногда?	Поколение Y	Поколение X
ВКонтакте	89,1%	59,7%
Фейсбук	26,0%	46,0%
Одноклассники	26,6%	42,0%
Инстаграм	70,8%	41,5%
Твиттер	5,7%	2,3%
Живой Журнал	6,3%	22,7%
Мой мир	1,0%	11,4%
Не пользуюсь социальными сетями	1,0%	9,1%
Другое	2,1%	1,1%

Для миллениалов пользование соцсетями представляет собой неотъемлемую часть жизни: 90,6% представителей поколения, по данным нашего опроса, заходят в социальные сети ежедневно. Среди пользователей поколения X доля таковых оказалась 82,6%. 49,7% пользователей из поколения Y посвящают социальным сетям более двух часов в день (среди пользователей поколения X этот показатель составляет 26,3%).

Большее внимание миллениалов (чем поколения X) к аудиовизуальному контенту демонстрируют данные, представленные в табл. 4, к тому же миллениалы незначительно чаще используют соцсети в качестве мессенджеров.

Таблица 4 Использование сервисов социальных сетей представителями разных поколений (доля тех, кто пользуется социальными сетями)

Что из перечисленного вы делаете в социальных сетях?	Поколение Y	Поколение X
Читаю ленту новостей	86,9%	87,5%
Делаю публикации (фото, текст, видео)	65,4%	63,8%
Делаю перепосты публикаций других людей	34,6%	34,4%
Пишу и читаю личные сообщения	81,7%	75,6%
Слушаю музыку, смотрю видео, картинки, читаю тексты развлекательного характера	65,4%	38,8%
Слушаю музыку, смотрю видео, картинки, читаю тексты познавательного характера	64,4%	46,9%
Затрудняюсь ответить	0,5%	3,8%

Установка миллениалов на общение с помощью СМС и мессенджеров, о которой пишет Е.М. Ожиганова [Ожиганова 2015, с. 96], находит подтверждение в данных нашего опроса. Представители поколения Y общаются с партнером/потенциальным партнером с помощью электронной переписки так же часто, как и с помощью голосовых звонков (см. табл. 5), в то время как для представителей поколения X переписка не является столь важным форматом коммуникации с партнером.

Таблица 5 Распределение ответов на вопрос «Как часто вы общаетесь с супругом / партнером / потенциальным партнером с помощью следующих средств коммуникации» (доля ответов «часто» и «всегда»)

Средства коммуникации	Поколение Y	Поколение X
Личное общение	79,7%	79,9%

Голосовые звонки	63,0%	58,3%
Переписка (по электронной почте, через мессенджеры, соцсети)	65,6%	42,0%

48,2% миллениалов отметили, что часто встречаются в социальных сетях публикации по теме взаимоотношения мужчин и женщин (среди пользователей поколения X этот показатель составляет 35,0%, значимые различия на уровне $p < 0,05$). только 11,5% респондентов из поколения Y заявили, что не видят таких публикаций или затруднились ответить на вопрос.

Обсуждение результатов

Применение поколенческого подхода [Шамис, Никонов 2019а, Шамис, Никонов 2019b, Howe, Strauss 2000, Исаева 2011, Петрушихина, Солодникова и др. 2016] позволило сопоставить взгляды на брачное партнерство представителей поколений X и Y. Проведенное исследование выявило как сходства, так и различия в СП о партнерских отношениях в браке у респондентов, принадлежащих к этим двум поколениям. При сходстве традиционных для российского общества представлений о надежности, ответственности и верности партнеров, общности планов на будущее респонденты группы миллениалов большее значение, чем респонденты поколения их родителей, придают «договороспособности» партнеров, их умению обсуждать насущные проблемы. Также отличительной чертой миллениалов оказалась нацеленность на взаимную помощь партнеров в развитии - идея, одинаково выраженная как у мужчин, так и у женщин. Единодушные миллениалов проявилось и в декларировании свободы в проявлениях сексуальности, отсутствия ограничений и стеснения между партнерами.

По наблюдениям аналитиков [Шамис, Никонов 2019b], миллениалы – это раскрепощенные, заботящиеся о здоровье и внешности, ценящие возможность выбора молодые люди, что не противоречит и нашим результатам. На формирование их мировоззрения повлияли распад СССР, военные конфликты и теракты, развитие цифровых технологий, появление мобильных телефонов и Интернет. Но, несмотря на активное использование современных коммуникационных технологий, миллениалы, по мнению исследователей [Ожиганова 2015, с. 96], часто испытывают дефицит в общении. Представители поколения Y отличаются оптимистичным настроением и высокой самооценкой, они мобильные и гибкие, стремятся

к изменениям и характеризуются высокой скоростью принятия решения.

Суждения аналитиков о миллениалах подтверждены нашими результатами в отношении того, что представители поколения Y, действительно, не готовы жертвовать своими интересами ради партнера, однако мнение о том, что в семьях миллениалов главенствующая роль принадлежит женщинам, не нашло подтверждения в представлениях наших респондентов. Напротив, миллениалы (прежде всего женщины) демонстрируют запрос на возвращение «истинных» мужественности и женственности. Возможно, мы имеем дело со своего рода диссонансом, когда реальное распределение ролей в семье входит в противоречие с установкой на желаемые проявления маскулинности и фемининности. Фактически субъектами принятия решений в семьях миллениалов все чаще становятся женщины, однако при этом партнеры не воспринимают такую ситуацию как «правильную», возможно, считая ее временным или исключительным явлением. При этом женщины-миллениалы остаются «хранительницами очага», они в большей степени ориентированы на создание долгосрочных отношений, в их представлениях больший вес имеет идея верности.

В СП миллениалов обнаружено противоречие в отношении единения с партнером либо сепарации. С одной стороны, они ориентированы на сохранение личного пространства, что выражается в возможности иметь отдельные с партнером увлечения и круг общения, проводить время по своему усмотрению. С другой стороны, респонденты демонстрируют запрос на полную информационную открытость, откровенность и отсутствие секретов. Таким образом, общее информационное пространство партнеров, которое декларируется, по факту таковым не оказывается из-за наличия сфер жизни, где интересы партнеров не пересекаются. При этом наиболее предпочтительной формой коммуникации с партнером для миллениалов является общение с помощью мессенджеров. По результатам опроса представители поколения Y общаются с партнером по переписке гораздо чаще, чем поколение X. Не исключено, что потоки информации в сети стимулируют у партнеров появление собственного круга интересов и увлечений. Ведь по сравнению с поколением своих родителей, миллениалы значительно более активно пользуются возможностями интернета, предпочитая аудиовизуальный контент.

Заключение

Миллениалы, как показывают наши результаты по ряду параметров отличаются своими репрезентациями от поколения X

(свобода обсуждения насущных проблем и открытость в сексе, стремление к развитию в браке); они в большей степени, чем поколение X [Шамис, Никонов 2016], боятся трудностей, связанных с воспитанием детей, и, вообще, не считают родительство неотъемлемой функцией женщины или мужчины. Анализ ролевых ожиданий и притязаний респондентов выявляет существенный недостаток ролевой адекватности миллениалов-мужчин, что может приводить к проблемам при выстраивании романтических и семейных отношений у представителей этого поколения. Тем не менее можно утверждать, что поколение Y унаследовало серьезное, ответственное отношение к брачному союзу и партнерству. При этом непонимание между поколениями «отцов» и взрослых «детей» в представлениях о супружестве возможно в сфере отношения к родительству, хозяйственно-бытовой сфере, а также в заметном стремлении миллениалов к личной автономии и в нежелании отказываться даже от части своих интересов в браке, что не характерно для поколения их родителей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках темы НИР по госзаданию «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности», госзадание № 0159-2019-0002.

Acknowledgements

The work is performed in the framework of the theme of research on state assignment "Psychology of a collective subject in the changing conditions of joint activity", state assignment no. 0159-2019-0002.

Литература

- Васильева 2009 – *Васильева Л.* Любовь и секс глазами разных поколений. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://rgenerations.ru/2009/04/30/любовь-и-секс-глазами-разных-поколений> (дата обращения 4 февраля 2019).
- Волкова 2007 – *Волкова А.Н.* Ролевые ожидания и притязания в браке (РОП) // Психология семейных кризисов. СПб: Речь. 2007. С. 184–194.
- Гришай, Зенин 2018 – *Гришай В.Н., Зенин К.А.* К вопросу о воспроизводстве социальных тенденций в контексте теории поколений // Вестник АГУ. 2018. № 2 (219). С. 88–93.
- Емельянова, Шмидт 2017 – *Емельянова Т.П., Шмидт Д.А.* Представления о будущем партнере и браке, транслируемые в социальной сети "ВКонтакте" [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 46–65. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document346.pdf> – 0,5 (дата обращения 4 апреля 2019).
- Емельянова, Шмидт 2018 – *Емельянова Т.П., Шмидт Д.А.* Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений) // Социальная и экономическая психология.

Часть 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. М. 2018. С. 321–337.

Исаева 2011 – *Исаева М.А.* Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.

Ожиганова 2015 – *Ожиганова Е.М.* Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.

Петрушихина, Солод니кова и др. 2016 – *Петрушихина Е.Б., Солодникова И.В., Солодников В.В., Седова О.Л., Загорюлько А.В., Дорожевец А.Н., Смирнова Т.Ю.* Поколенческий подход в гуманитарных науках // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 4 (6). С. 139–150.

Соколова 2010 – *Соколова Н.* Поколение игрек [Электронный ресурс] // Профиль, 20.09.2010. URL: <https://profile.ru/arkhiv/item/58878-pokolenie-igrek-58878> (дата обращения 21 дек. 2018).

Шамис, Никонов 2016 – *Шамис Е., Никонов Е.* Теория поколений.

Необыкновенный икс. М.: Университет «Синергия». 2016. 140 с.

Шамис, Никонов 2019a – *Шамис Е., Никонов Е.* Rugenerations – российская школа теории поколений. X (1964-84). 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://rugenations.su/category/x-64-84> (дата обращения 26 апр. 2019).

Шамис, Никонов 2019b – *Шамис Е., Никонов Е.* Rugenerations – российская школа теории поколений. Миллениумы (Y). 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://rugenations.su/category/миллениумы-у-85-03> (дата обращения 12 апр. 2019).

Abric 2000 – *Abric J.-Cl.* La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles // Actes de la Cinquieme conférence internationale sur les représentations sociales. Montréal. 2000. P. 87–88.

Howe, Strauss 2000 – *Howe N., Strauss W.* Millennials Rising: The Next Great Generation, New York. NY: Vintage Books. 2000. 432 p.

Moliner 2015 – *Moliner P., Abric J.-Cl.* Central core theory // The Cambridge Handbook of Social Representations / Ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: CAP. 2015. P. 83–95.

Moscovici 1976 – *Moscovici S.* La psychanalyse son image et son public. Paris: PUF. 1976. 506 p.

References

Abric, J.-Cl. (2000), “La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles”, *Actes de la Cinquieme conférence internationale sur les représentations sociales*, Montréal, pp. 87–88.

Emel'yanova, T.P. and Shmidt, D.A. (2017), “Ideas about future partner and marriage broadcast in social network “Vkontakte””, *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Electronic], vol. 2 (2), pp. 46–65, available at: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document346.pdf-0,5> (Accessed 4 Apr 2018).

Emel'yanova, T.P. and Shmidt, D.A. (2018), “Romance and commitment to marriage, the represented Internet communities (experience in the analysis of visual messages)”, in Kovaleva, Yu. V. and Nestik, T. A. (ed.), *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. Ch. 2: Noveye nauchnye napravleniya*, Moscow, Russia, pp. 321–337.

Grishay, V.N. and Zenin, K.A. (2018), *K voprosu o vosproizvodstve sotsial'nykh tendentsii v kontekste teorii pokolenii* [On the question of the reproduction of social

- developments in the context of the theory of generations], *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2 (219), pp. 88–93.
- Howe, N. and Strauss, W. (2000), *Millennials Rising: The Next Great Generation*, Vintage Books, New York, 432 p.
- Isaeva, M.A. (2011) “Generation of the crisis and the rise in the theory of W. Strauss and N. Howe”, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, vol. 3, pp. 290–295.
- Moliner, P. and Abric, J.-Cl. (2000), “Central core theory”, *The Cambridge Handbook of Social Representations*, in Sammut, G., Andreouli, E., Gaskell and G., Valsiner, J. (ed.), CAP, Cambridge, pp. 83–95.
- Moscovici S. (1976), *La psychanalyse son image et son public*, PUF, Paris, 506 p.
- Ozhiganova, E.M. (2015), “The theory of generations by N. Howe and W. Strauss. Opportunities for practical applications”, *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*, vol. 1, pp. 94–97.
- Petrushihina, E.B. Solodnikova, I.V., Solodnikov, V.V., Sedova, O.L., Zagorul'ko, A.V., Dorozhevec and A.N., Smirnova, T.U. (2016), “The Generation Approach in the Humanities”, *RSUH/RGGU Bulletin, Series “Psychology. Pedagogic. Education”*, vol. 4 (6), pp. 139–150.
- Shamis, E. and Nikonov, E. (2016), *Teoriya pokolenii. Neobyknovennyi iks* [Theory of generations. Unusual X], Universitet “Sinergiya”, Moscow, Russia, 140 p.
- Shamis, E. and Nikonov, E. (2019a), “Rugenerations – Russian school of theory of generations. X (1964-84)”, [Online], available at: <https://rugenations.su/category/x-64-84> (Accessed 26 Apr 2019).
- Shamis, E. and Nikonov, E. (2019b), “Rugenerations – Russian school of theory of generations. Millennials (Y)”, [Online], available at: <https://rugenations.su/category/миллениумы-у-85-03> (Accessed 12 Apr 2019).
- Sokolova, N. (2010), “Generation Y”, *Profil'* [Electronic], 20.09.2010, available at: <https://profile.ru/arkhiv/item/58878-pokolenie-igrek-58878> (Accessed 21 Dec 2018).
- Vasil'eva, L. (2009), “Love and sex through the eyes of different generations”, [Online], available at: <https://rugenations.su/2009/04/30/любовь-и-секс-глазами-разных-поколения> (Accessed 4 Feb 2019).
- Volkova, A.N. (2007), “Role expectations and claims in marriage (ROP)”, *Psikhologiya semeinykh krizisov* [The Psychology of family crises], Rech', Saint-Petersburg, Russia, pp. 184–194.

Информация об авторах

Татьяна П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, 13; t_emelyanova@inbox.ru

Дарья А. Шмидт, аспирант кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, Москва, Россия; 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5; dariashmidt@mail.ru

Information about the authors

Tatiana P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 13, Yaroslavskaya Street, Moscow, Russia, 129366; t_emelyanova@inbox.ru

Daria A. Schmidt, postgraduate student, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russia; bld. 5, Yunosti Street, Moscow, Russia, 111395; dariashmidt@mail.ru.

Электрографический критерий отличия живого от неживого

Татьяна Н. Греченко

*Институт психологии Российской Академии Наук,
Москва, Россия, grecht@mail.ru*

Аннотация. Живые организмы отличаются от неживых систем (объектов физики и химии) высокой структурной и функциональной упорядоченностью. Эти отличия придают жизни качественно новые свойства, в частности, имеющие определенное выражение в электрической активности. Осцилляторные колебания в наиболее изученном диапазоне от 0,5 до 45 Гц характерны как для прокариотов, так и для эукариотов, занимающих верхушку спирали развития жизни. Осцилляции организованы в определенные временные структуры, многократно повторяющиеся в электрической активности. У любого вида живых организмов имеется несколько образцов паттернизированных осцилляций. Многие неживые объекты также имеют свойства, отражающиеся в их электрических характеристиках. Однако потенциалы неживых объектов окружающего мира изменяются по другим законам – имеют иные частотные диапазоны, в структуре их электрической активности отсутствуют паттерны осцилляций, ярко выраженные у живых существ. Тем не менее именно из них в особых геогелиофизических условиях возникли живые организмы, обладающие начальными формами психики. На электрическую активность влияют изменения окружающей среды. Обнаружены взаимодействия между объектами, принадлежащими к живой и неживой природе.

Ключевые слова: осцилляторы, живое и неживое, клетки-генераторы, гелиогеофизические процессы, альфвеновский резонанс, шумановский резонанс

Для цитирования: Греченко Т.Н. Электрографический критерий отличия живого от неживого // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 4. С. 80-99. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-80-99

Electrographic criterion of difference living from nonliving objects

Tatiana N. Grechenko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, grecht@mail.ru*

Abstract. Abstract. Living organisms differ from nonliving systems (objects of physics and chemistry) in high structural and functional orderliness. These differences give to life qualitatively new properties, in particular, having a certain expression in electric activity. Oscillatory fluctuations in the most studies range from 0.5 to 45 Hz are characteristic both of prokariot, and of the eukariot occupying a top of a spiral of development of life. However potentials of lifeless objects of the world around change under other laws – have other frequency ranges, in structure of electric activity there are no patterns of oscillations pronounced at living beings. Nevertheless, it was from them that living organisms with initial forms of mentality emerged in special geogeliophysical conditions. Electrical activity is influenced by changes in the environment. Interactions between objects belonging to living and non-living nature have been detected.

Keywords: oscillators, live and lifeless, cell generators, heliogeophysical processes, Alfven resonance, Schumann resonance

For citation: Grechenko TN. Electrographic criterion of difference living from nonliving objects. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series* 2019;4:80-99. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-80-99

Введение

Электрическая ритмическая активность, зарегистрированная у живых существ, различающихся по сложности строения и имеющих разную эволюционную историю, оказалась весьма сходной по частотным диапазонам. Частотные характеристики этой активности располагаются в диапазоне от 0,5 до 45 Гц и не зависят от сложности объектов – от прокариот до многоклеточного человека, обладающего развитой нервной системой и сложнейшим головным мозгом, - частоты осцилляторной активности такие же, как у безъядерных клеток цианобактерий, одноклеточных эукариотов парамеций, дрожжей и других микроорганизмов, побывавших в наших опытах [Греченко и др. 2015, Харитонов и др. 2014]. Накопленные к настоящему времени данные показывают, что многие биоритмы синхронизируются гелиогеофизически колебательными процессами [Бреус и др. 1995, Гринцов и др. 2002]. Согласно теоретическим и экспериментальным данным в систе-

ме Земля–ионосфера присутствуют резонансные частоты: различают шумановские волны, имеющие основную частоту 7-12 Гц, которые влияют на циркадианный ритм организма, и альфвеновские волны, формирующие в ионосфере резонатор с частотой колебаний, 0.5-3 Гц [Хабарова 1995, Поляков 2003]. Усиление альфвеновского резонансного явления происходит в ночные часы, днем амплитуда колебаний уменьшается до значений обычного шума [Бару и др. 2013]. Формирование и подстройка осцилляторов живых систем происходила в форме синхронизации с частотами альфвеновского и шумановского резонанса, так как одним из главных абиотических факторов окружающей природной среды были и являются физические поля планеты, воздействующие на живую и неживую природу [Вернадский 1989, Чижевский 1976, Мархинин 1980, Орлеанский и др. 2016]. Физические поля с их динамичной электрической составляющей влияют на процессы, протекающие в биосфере. Электрические проявления свойственны многим “неживым” объектам, и сама планета Земля имеет естественное электрическое поле, которое обусловлено сложным комплексом геофизических явлений [Мартынюк и др. 2001]. Неживые объекты, создающие физические поля планеты, обладают определенными электрическими свойствами [Жданов 1986, Lillie 1929]. Каковы же эти свойства, в чем их особенности по сравнению с электрическими характеристиками живых объектов? Какова их роль в формировании живых существ?

Методика

Электрофизиологические опыты выполнены на трех группах прокариот: цианобактериях *Oscillatoria terebriformis*, *Geitlerinema sp.* и *Halotheca sp.*, сенных палочках *Bacillus subtilis*, медицинском препарате – бифидобактериях *Bifidobacterium*, на одноклеточных эукариотах – дрожжевых клетках *Saccharomyces cerevisiae*, инфузориях *Paramecia caudatum* и амебах *Amoeba proteus*, плодовом теле социальной амебы *Licogala epidendrum*, на многоклеточных организмах: молочных грибах *Zooaglea*, медицинских пиявках *Hirudo medicinalis* и наземных моллюсках *Helix lucorum*. срезах огурца *Cucumis sativus* и яблока *Malus domestica* “Jonagold”. Толщина срезов 2-2,5 мм.

Для регистрации электрических явлений у неживых объектов сохранили все условия опыта. В экспериментах использовались кусочки бумаги, марли, проволоочки, поролон, стекла, песок камчатского Халактырского пляжа, песок пляжа Куршской косы, сухие и свежие листья, кора, щепки и кости. Оцифровано и проанализировано около 100 фрагментов записей.

Процедура исследования электрической активности

В качестве метода служила регистрация электрической активности при помощи стеклянных микроэлектродов, заполненных 1 М или 2.5 М [для многоклеточных организмов] KCl. Для работы с цианобактериями *Oscillatoria terebriformis* применяли физиологический раствор следующего состава [в граммах на литр]: NaHCO₃ – 3, Na₂CO₃ – 17, K₂HPO₄ – 0.5, NaCl – 30, KNO₃ – 2.5, MgSO₄ – 0.2, CaCl₂ – 0.04, FeSO₄ – 0.01. Фрагмент биоопленки, в которую входили *Geitlerinema sp.* и *Halothese sp.*, исследовался в естественной среде (проба воды из соленого озера Дусь-Холь, Республика Тыва). Сенные палочки *Bacillus subtilis*, медицинский препарат бифидобактерии *Bifidobacterium*, одноклеточные эукариоты дрожжевые клетки *Saccharomyces cerevisiae* и амёбы *Amoeba proteus* для регистрации помещались в жидкостную среду, а плодовое тело социальной амёбы *Mухомyetes* располагалось на деревянной подложке, на которой оно сформировалось. Инфузории *Paramecia caudatum* во время регистрации находились в растворе следующего состава: KCl – 4 мМ, CaCl₂ – 1 мМ, MgCl₂ – 5 мМ, трис-HCl – 1 мМ, рН – 7.2. Физиологический раствор для работы с нервной системой моллюска *Helix lucorum* состоял из NaCl – 80 мМ, KCl – 4 мМ, CaCl₂ – 7 мМ, MgCl₂ – 4 мМ, трис-HCl – 10 мМ, рН – 7.2-7.5. Для пиявок *Hirudo medicinalis* применялся физиологический раствор, содержащий NaCl – 115 мМ, KCl – 4 мМ, CaCl₂ – 1.8 мМ, трис-HCl – 10 мМ, рН – 7.4. Молочный гриб *Zooaglea* во время регистрации пребывал в жидкой среде, содержащей молоко и воду в равных количествах. В части опытов использовалась регистрация одновременно двумя электродами, помещенными в разные области среза одного плода или в срезы разноименных плодов [пара огурец – яблоко]. Проанализировано около 500 фрагментов записей электрической активности, принадлежащей перечисленным выше организмам.

Статистический анализ

Фрагменты записи электрической активности оцифровывались и подвергались спектральному анализу в среде статистической обработки R 3.0 [R Development Core Team]. Спектральный анализ выполнялся для исходной записи путем построения периодограммы с использованием быстрого преобразования Фурье. Для выявления особенностей осцилляторной активности проводился автокорреляционный анализ. В ряде случаев для анализа взаимодействий объектов применяли вычисление коэффициента кросскорреляции и когерентности. В работе представлены индивидуальные спектрограммы оцифрованных фрагментов. Длительность оцифрованных участков 3 с.

Обсуждение результатов

Электрические характеристики живых объектов

В проведенных опытах от различных организмов регистрировались полевые потенциалы в форме ритмических осцилляций с частотным диапазоном от 0,5 до 45 Гц (верхняя граница анализа в проведенных опытах). Результаты экспериментов представлены на рис. 1

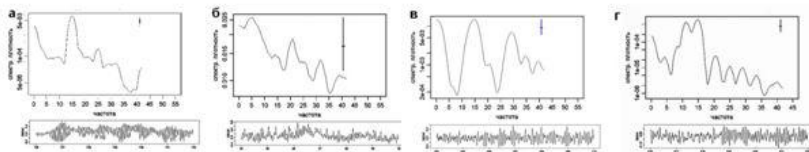

Рис. 1 Частотные характеристики ритмов, зарегистрированных у микроорганизмов, отличающихся местом в эволюции: а – цианобактерии *Oscillatoria terebriformis*, б – одноклеточные эукариоты дрожжи *Saccharomyces cerevisiae*, в – сложные миксомицеты *Licogala epidendrum*, г – срез яблока *Malus domestica* “Jonagold”. Ось абсцисс – частота в Гц, ось ординат – спектральная плотность в условных единицах. Горизонтальная черта – полоса пропускания, вертикальная черта – 95% доверительный интервал.

Несмотря на сходство частотного диапазона работы осцилляторных систем, каждый вид живых существ имел свои особенности ритмической активности: для цианобактерий *Oscillatoria terebriformis* найдено, что паттерн и частота электрических явлений конкретного локуса биопленки зависят от активности микроорганизмов (например, от интенсивности морфогенеза, вызванного внешними обстоятельствами в виде изменения уровня освещения) и ее более высокий уровень требует увеличения частоты и амплитуды ритмических осцилляций. Ритмы в разных частях биопленки могут значительно отличаться: в активной зоне равен 16 Гц (Рис. 1а), а в спокойной – 3 Гц. У дрожжевых клеток *Saccharomyces cerevisiae* (Рис. 1б) наиболее часто регистрируемый высокочастотный ритм выше, чем у цианобактерий, – он достигает 35 Гц. Характеристики осцилляторной электрической активности миксомицетов *Licogala epidendrum* (Рис. 1в) зависят от этапа “жизненного пути” этого организма. От стадии плазмодия до спороношения происходят драматические изменения частотных характеристик, объясняющих уровень двигательной активности этого существа от 30 Гц и выше до спокойных 12-15 и даже 5-6 Гц. У моллюска *Helix lucorum* полевые потенциалы висцерального и париетальных ганглиев имели частотный состав с пиками локализации в высокочастотном диапазоне 30-32 Гц, а в низкочастотном диапазоне 3-15 Гц (Рис. 1г), что согласует-

ся с аналогичными результатами других авторов. Регистрация макроэлектродами сигналов от клеток среза яблока *Malus domestica* “Jonagold” позволила обнаружить ритмическую электрическую осцилляторную активность с локализацией пиков в области 28-32 Гц и 3-5 Гц (Рис. 1д).

Полученные результаты подтверждают предположение об эволюционной консервативности осцилляторных систем. Осцилляции в одних и тех же частотных диапазонах у столь отличающихся организмов могут означать, что эти свойства возникли под влиянием одних и тех же факторов и они удобны для выживания, так как адекватны требованиям организма – обеспечивают его функциональную целостность и его взаимодействие с внешней средой.

Электрические характеристики “неживых” объектов

Регистрация электрических сигналов от поверхности разнообразных предметов окружающего мира дала исключительно пестрый материал как по частотным, так и по амплитудным характеристикам (Рис. 2).

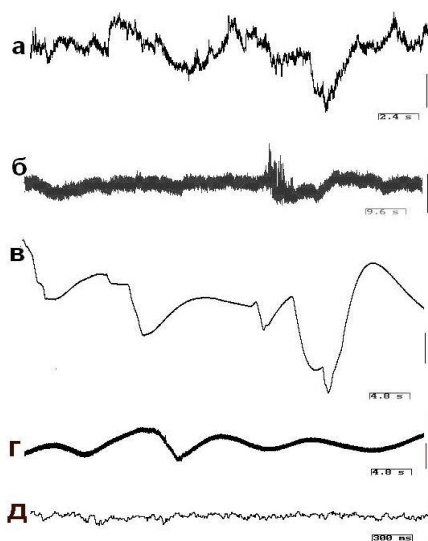

Рис. 2 Типы электрической активности, зарегистрированной у разных материалов: а – поролон, б – проволочки, в – стекло, г - кварцевый песок, д – халактырский песок. Калибровка: а – 2,4 с., б – 9,6 с., в, г – 4,8 с., д – 300 мс., 5 мк.

Объекты для опытов выбирались по принципу доступности – фактически любой элемент окружающей среды мог оказаться в роли ис-

следуемого, поэтому в списке не только земля с газона, листья и кора дерева, песок с берегов разных морей, камушки, ракушки, но и то, что лежит на столе – кусочек бумаги, проволочка, стеклышко, щепка и пр. Подобное разнообразие дает возможность понять, как электрические потенциалы, накопленные в окружающем мире, могли бы оказывать влияние на живые организмы или даже взаимодействовать с ними. Результаты, представленные на рис. 2, 3, Б, 5, 7, А, 2, показывают, что все предметы имеют поверхностный электрический потенциал, который изменяется во времени.

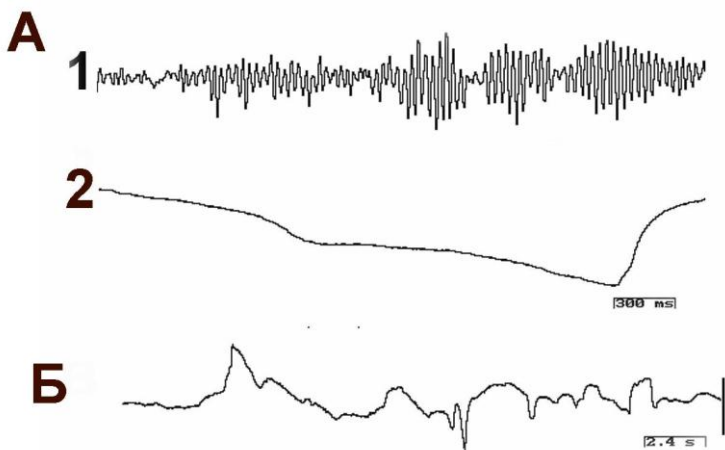
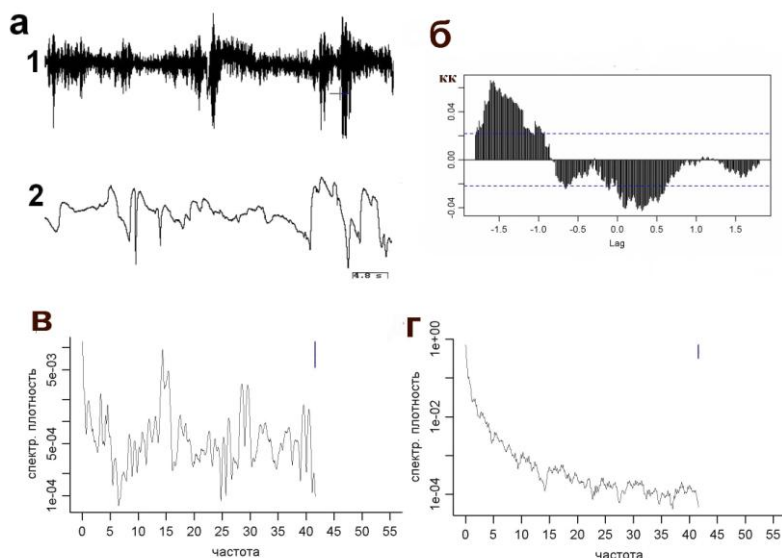

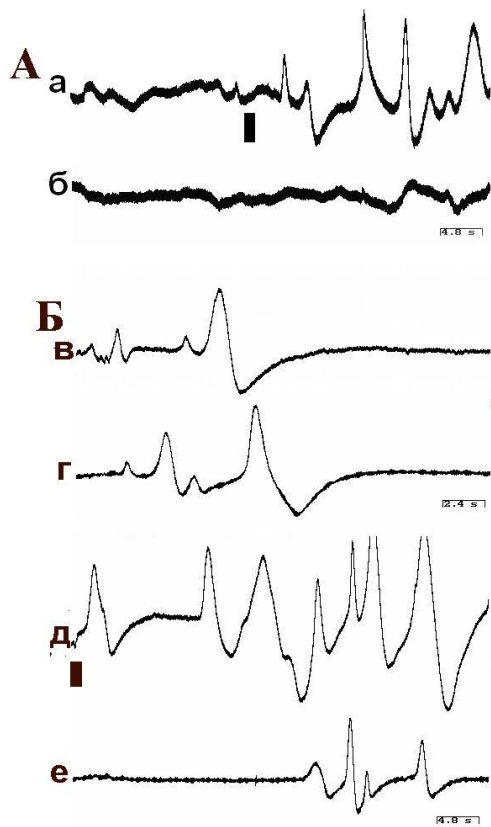
Рис. 3 Электрическая активность бумаги в сравнении с активностью среза огурца *Cucumis sativus*. А – 1,2 – одновременно зарегистрированные активности огурца (1) и бумаги (2), калибровка 300 мс., Б – активность бумаги, калибровка 2,4 с., 5 мкВ (А.Б).

Осцилляции не образуют веретен, как это наблюдалось у живых объектов (Рис. 1), причины поляризации того или иного знака в большинстве случаев не установлены. Отличалась также и скорость развития этих процессов: она несопоставимо мала по сравнению с динамикой осцилляций в живых системах; для выявления пространственной конфигурации изменений адекватной оказалась калибровка времени около 10 с. (Рис. 2б)! Амплитуды сигналов очень невелики: иногда для того, чтобы посмотреть потенциалы, требовалось усиление до 1000. Вид электрической активности, регистрируемой от “неживых” предметов (Рис. 3Б), вызывал желание проверить качество условий опыта на знакомых объектах.

Рис. 4 Электрическая активность пары огурец-бумага: а – фрагмент записи двух процессов огурца (1) и бумаги (2), калибровка 4,8 с.; б – график коэффициента кросскорреляции этих активностей. Ось абсцисс – запаздывание, ось ординат – коэффициент корреляции; в, г – спектрограммы активностей огурца *Cucumis sativus* (в) и бумаги (г). Ось абсцисс – частота в Гц, ось ординат – спектральная плотность в у.е.

Один из результатов такой проверки представлен на рис. 3. В эксперименте применялись два электрода. Один помещался на срезе огурца (Рис.3 А1) и регистрировал веретенообразную осцилляторную активность, типичную для этого плода. Второй электрод по-прежнему регистрировал потенциалы с поверхности кусочка бумаги (Рис.3 А2). Таким способом подтверждалась неизменность условий опыта, а необычность потенциалов бумаги оказывалась ее особенностью как физического объекта. Обработка результатов опыта с потенциалами бумаги и огурца продемонстрировала принципиальное различие спектрограмм электрической активности этих объектов: для клеток среза огурца *Cucumis sativus* показана локализация пика в области 15 -17 Гц, а для бумаги ни одна из исследуемых частот не оказалась значимой (Рис. 4 а,в,г). Эти объекты не обнаружили и коммуникационного взаимодействия (Рис. 4 б).

Рис. 5 Влияние изменения температуры жидкостной среды на электрическую активность марли (А) и двух одновременно зарегистрированных компонентов халактырского песка (Б, в, г). Изменение температуры от 22°C до 25°C отмечено вертикальной чертой (а, д, е). Калибровка: 4,8 с.

О присутствии коммуникации можно делать предположения, рассматривая результаты опытов на рис. 5,Б, 6,В и 7.

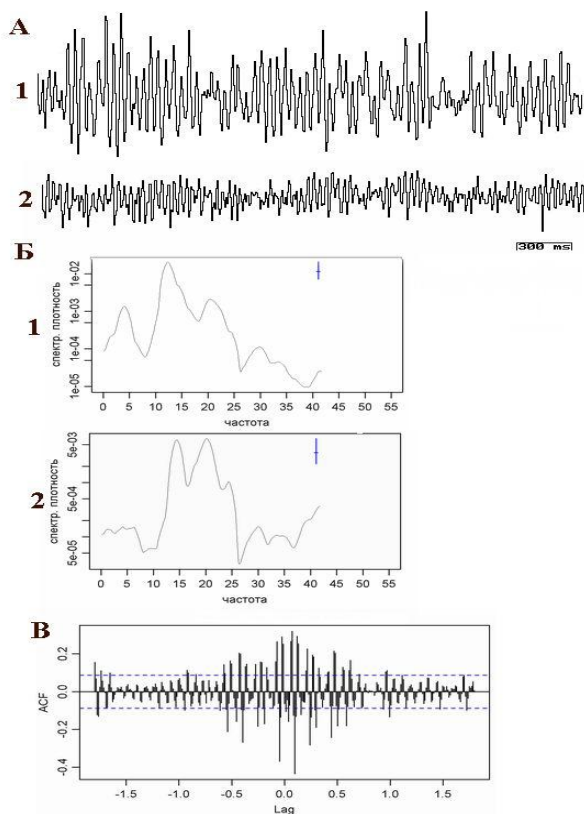

Рис. 6 Электрическая активность, зарегистрированная одновременно от двух локусов коры ясеня [А,1,2], спектрограммы этой активности (Б,1,2), обозначения как на рис. 1; и их взаимодействие, представленное кросс-коррелограммой (В). Обозначения как на рис. 4.

Внешняя среда влияет на электрические потенциалы объектов

При изменении температуры с 22°C до 25°C происходило повышение электрической активности объектов вплоть до включения спайкоподобных процессов (Рис. 5,А,Б,д,е). Измененная активность наблюдалась не более 30-40 с., а затем потенциалы возвращались к обычному состоянию, хотя температура сохранялась повышенной по сравнению с исходной на 3°C. Такие же вариации потенциалов отмечались и при изменении химического состава жидкостной среды, что достига-

лось добавлением KCl или NaCl. Предполагалось, что “неживыми” являются кусочки коры, дерева, сухие листья, обломки ракушек. Однако регистрации показали присутствие электрической осцилляторной активности, амплитудно-частотные характеристики которой сопоставимы с таковыми у живых организмов (Рис. 6А,Б). Участки коры, активность которых представлена на рис. 6,1,2, находились на расстоянии около 1 см, тем не менее между ними происходит обмен информацией (Рис. 6В).

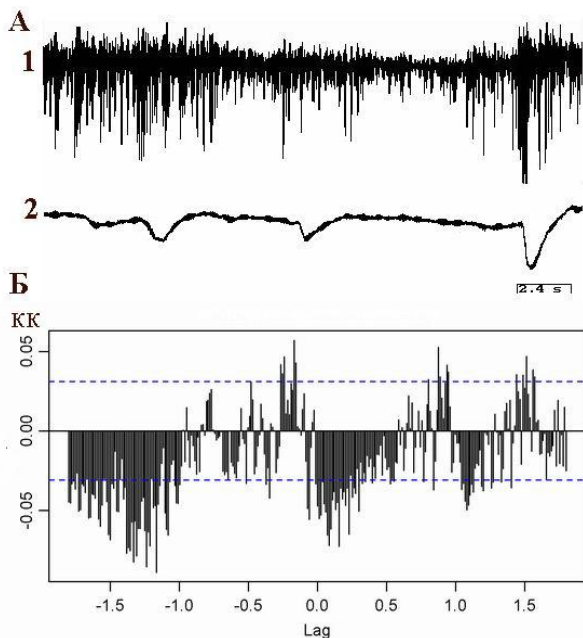

Рис. 7 Электрическая активность, одновременно зарегистрированная от локуса коры А (см. Рис. 6,1) и кусочка кости черепа вороны (А,2), Калибровка: 2,4 с. Б – кросс-коррелограмма, характеризующая взаимозависимость между этими активностями. Обозначения как на рис. 4.

В одном из опытов второй электрод был помещен на поверхность обломка кости черепа вороны (Рис. 7А). Первый электрод продолжал регистрировать осцилляторную активность коры, сохранившую частотную характеристику, представленную на рис. 6,Б,1. Электрод, расположенный на кости, показывал развитие медленных негативных отклонений потенциала, изменяющейся амплитуды и неопределенной частоты (Рис. 7,А,2). Активность сохранялась в течение всего времени

наблюдения – примерно 1 час. Между этими объектами эксперимента существовала сложная коммуникативная связь (Рис. 7Б).

Зарегистрирована электрическая ритмическая активность у живых существ, различающихся по сложности строения и имеющих разную эволюционную историю. Частотные характеристики этой активности находятся в диапазоне от 0,5 до 45 Гц [Греченко и др. 2015, Харитонов и др. 2014]. Осцилляции обнаружены у цианобактерий *Oscillatoria terebriformis*, *Geitlerinema sp.* и *Halothecae sp.*, у одноклеточных эукариот – дрожжей *Saccharomyces cerevisiae*, амебы обыкновенной *Amoeba proteus*, инфузории *Paramecia caudatum*; у многоклеточных малоподвижных эукариот – молочного гриба *Zooaglea* и плодового тела миксомицет *Licogala epidendrum*; у подвижных многоклеточных эукариот – пиявки *Hirudo medicinalis* и улитки *Helix lucorum*, а также у срезов плодов огурца *Cucumis sativus* и яблони *Malus domestica* “Jonagold”.

Опыты показали, что феномен генерации потенциалов, включая индукцию потенциалов действия, является свойством не только живых систем, но и небиологических объектов. У неживых объектов обнаружены изменяющиеся потенциалы, но ритмическая электрическая активность, характеризующаяся устойчивыми частотами, отсутствовала (Рис. 2-7). Тем не менее, хорошо известно, что при определенных условиях у неживых объектов существует авторитмичность. Например, реакция железной проволоки с азотной кислотой проявляет иногда удивительно регулярную активность, состоящую из периодов повышения и снижения амплитуды и частоты [Lilli 1929]. В концентрированной кислоте частота колебаний от 40 до 100 в мин., которая постепенно изменяется вплоть до полного исчезновения. На примере кардиоритма исследователи обсуждали отличие этих колебаний от колебаний в живых системах. Найдено, что в обоих случаях вмешательство внешнего фактора может изменять частоту колебаний потенциала, и возможен подбор материалов, показывающих авторитмичность при химических реакциях [Lilli 1929, Hedges and Myers 1926]. В проведенных нами опытах тоже наблюдались ритмические процессы у неживых объектов: они фиксировались при растворении солей в водной среде (Рис. 8).

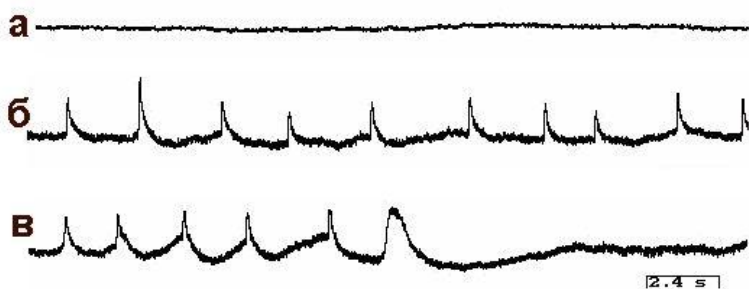

Рис. 8 Электрические потенциалы, возникающие при растворении сахара: а – фоновая активность жидкости, б – растворение кристаллов сахара, в – завершение растворения. Калибровка: 2,4 с.

Зарегистрированы изменения электрических процессов при растворении NaCl и KCl, веществ, выполняющих важнейшую роль в создании потенциала покоя и потенциалов действия у живых организмов. Растворение каждого вещества сопровождалось появлением спайкообразных смещений потенциала (Рис. 8, калибровка времени). Амплитуда и частота этих колебаний зависела от вида соли и ее количества. Полное завершение физико-химического процесса приводило к восстановлению исходного потенциала жидкостной среды (Рис. 8в). Также были зарегистрированы ритмические потенциалы при изменении внешней температуры (Рис. 5). По сравнению с ритмической активностью живых организмов эти изменения медленные по скорости и кратковременные по длительности – в опытах они наблюдались в течение 10-40 с. Еще одной особенностью осцилляторов неживых систем является отсутствие у них паттернов, наличие которых является “визитной карточкой” у живых систем [Греченко и др. 2016]. Ритмическая активность создает своеобразные пространственно-временные структуры – паттерны. Эксперименты показывают, что паттерны у одного и того же объекта являются устойчивыми и у каждого объекта можно найти несколько стабильных паттернов [Греченко и др. 2016]. Их обнаружение у столь разнообразных существ, как те, что были объектами наших опытов, говорит об их эволюционной консервативности. У неживых систем не удалось выявить какой-либо паттернизации колебаний потенциала – их изменения носят непредсказуемый характер (Рис. 2-7).

Современные представления о генезе ритмической активности у живых существ опираются на множество экспериментальных данных:

существование клеток-генераторов, имеющих эндогенный механизм осцилляторной активности, доказано опытами на клетках разнообразных организмов, как вообще не имеющих нервной системы, так и с простой нервной системой, а также на клетках мозга высокоорганизованных животных [Соколов 1975, Leznik and Llinás 2006, Ba ar 2008]. Перевод эндогенной активности в форму электрических осцилляций происходит при необходимом участии селективных ионных каналов в жидкостно-мозаичной мембране. У неживых объектов, естественно, плазматическая мембрана отсутствует. Объяснение происхождения электрических потенциалов в этом случае возможно на основе абсорбционной теории Линга. Физическая теория Линга представляет собой альтернативу общепринятой мембранной теории Сингера-Никольсона, которая объясняет фундаментальные свойства клетки особенностями ее плазматической мембраны [Зенгбуш 1982]. Мембранные потенциалы могут генерироваться вдоль непроницаемой мембраны, а потенциал-подобные изменения уровня поляризации способны индуцироваться даже неживыми системами, не содержащими ни ионных каналов, ни насосов [Линг 1986]. Электрические свойства клеток объяснимы без функционирования ионных каналов и насосов. Теория Линга приписывает мембранный потенциал и генерацию подвижности ионов, которые абсорбируются на местах связывания, и это происходит независимо от того, проницаема мембрана или нет [Tamagawa et al. 2016, Toko et al. 1990]. Абсорбционная теория применима и к живым, и к неживым системам для объяснения их электрических свойств.

И, если физические явления, приводящие к возникновению электрических явлений у неживых организмов, имеют объяснения, то нерешенным до сих пор остается вопрос: как же возникли живые системы из неживого материала? Несмотря на отсутствие ритмической осцилляторной активности у протестированных объектов окружающей среды (среди них были и фрагменты породы из разных мест России, и различные материалы - бумага, нитки, дерево), исторические факты свидетельствуют: именно при участии таких несхожих по своим электрическим свойствам компонентов был инициирован абиогенез – процесс превращения неживой природы в живую, образование органических соединений, получивших распространение в объектах живой природы. Согласно гипотезе Опарина-Холдейна [Опарин 1985] в растворах высокомолекулярных соединений могут возникать коацерваты – зоны повышенной концентрации, которые отделены от внешней среды, но могут поддерживать обмен с ней. Было сделано предположение, что эволюционный прорыв может произойти в определенном состоянии из коацерватов. Экспериментальная проверка данной гипотезы была предпринята Миллером и Юри [Miller 1953]. В ходе экспе-

римента при пропускании электрических разрядов через сосуд с определенной газовой смесью образовывались аминокислоты, что происходило, когда смесь H_2O , NH_3 , CH_4 , CO_2 , CO поместили в замкнутый сосуд и при температуре $80^\circ C$ подвергли электрическим разрядам. В более поздних опытах были получены сахара и нуклеотиды. Также в опытах изучалась роль и относительный вклад разных форм физических воздействий в синтез аминокислот и других органических компонентов на примитивной Земле, на углеродистых хондритах и в солнечной туманности [Miller et al. 1976, Mille, 1986]. Электрические разряды вызывали появление аминокислот более эффективно, чем другие источники энергии, а состав синтезированных аминокислот качественно был подобен тем, которые нашли в метеоритах-хондритах [Miller et al. 1976]. По всей вероятности, важную роль в пребиотическом синтезе играл и ультрафиолетовый свет [Miller et al. 1976]. Современные исследования в области моделирования условий происхождения живого вещества из неживого приводят к предположению о том, что для физико-химических систем должно существовать определение минимального живого, основанное на трех взаимосвязанных функциях. Новые функциональные возможности возникают при наличии метаболизма, информационной системы и приемника, которые в контролируемой среде способны собирать внешние воздействия разной физической природы для преобразования ресурсов в строительные “блоки”. Такая система может расти и делиться, частично контролируя наследуемую информацию [Rasmussen et al. 2016].

Согласно приведенным концепциям жизнь и среда – две части единой системы [Вернадский 1989, Опарин 1985, Free and Barton 2007, Walde 2007]. Эволюция биоты [всех биологических организмов планеты] настолько тесно связана с эволюцией физического окружения в масштабе планеты, что вместе они составляют единую саморазвивающуюся систему, которая обладает саморегуляторными свойствами, напоминающими физиологические свойства живого организма [Вернадский 1989, Мархинин 1980]. Живые существа возникли из неживых веществ в ходе пребиотической эволюции – этапа в развитии жизни, результатом которого стало получение органических соединений из неорганических при необходимом влиянии определенных внешних факторов. Данные, полученные в опытах на живых и неживых объектах, приводят к выводу о том, что ритмические процессы живых систем сформировались под влиянием гелиогеофизических колебаний окружающей среды, а у Земли как планеты, на которой живут и развиваются эти организмы, ритмические характеристики системы Земля – ионосфера, в свою очередь, стали новым качеством, порожденным интеграцией электрических свойств неживых объектов, из

которых она состоит. Новым качеством живых систем, имеющих организованную в паттерны осцилляторную активность, является психика.

Выводы

1. Электрическая ритмическая активность живых существ разного таксономического положения и эволюционного возраста характеризуется частотами от 0,5 до 45 Гц. Электрические свойства неживых объектов не имеют такой характеристики.

2. Электрическая ритмика живых существ организована в устойчивые характерные для данного вида организмов пространственно-временные структуры – паттерны. У неживых систем не удалось выявить какой-либо паттернизации колебаний потенциала – их изменения носят непредсказуемый характер.

3. Ритмические процессы живых систем сформировались под влиянием гелиогеофизических колебаний окружающей среды.

4. Планета Земля получила свои ритмические характеристики как интегративное качество от неживых объектов, из которых она состоит.

5. Новым качеством живых систем, имеющих организованную в паттерны осцилляторную активность, является психика.

Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания ФАНО РФ "Закономерности системогенеза и актуализации ранее сформированной памяти в индивидуальном и коллективном поведении", госзадание ФАНО РФ 0159-2018-0002.

Acknowledgements

The article was supported within the framework of the State Task of the Federal Academy of Sciences of the Russian Federation "Regularities of systemogenesis and updating of previously formed memory in individual and collective behavior", no. 0159-2018-0002.

Литература

- Бару и др. 2013 – Бару Н.А., Колосков А.В., Рахматулин Р.А. Зависимость характеристик ионосферного альфвеновского резонанса от состояния геокосмоса по данным синхронных наблюдений в Антарктике и Евразии // Украинський антарктичний журнал. 2013. № 12. С. 177–185.
- Бреус и др. 1995 – Бреус Т.К., Халберг Ф., Корнелиссен Ж. Влияние солнечной активности на физиологические ритмы биологических систем // Биофизика. 1995. Т. 40. Вып. 4. С. 737–749.
- Вернадский 1989 – Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.

- Греченко и др. 2015 – *Греченко Т.Н., Харитонов А.Н., Жегалло А.В., Александров Ю.И.* Психофизиологический анализ осцилляторных процессов в поведении биосоциальных систем // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 75–87.
- Греченко и др. 2016 – *Греченко Т.Н., Харитонов А.Н., Жегалло А.В.* Электрические знаки биокommunikаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 45. № 9. URL: [http://psystudy.ru_\(дата_обращения_28_декабря_2018\)](http://psystudy.ru_(дата_обращения_28_декабря_2018))
- Гринцов, Гринцова 2002 – *Гринцов М.И., Гринцова В.М.* Механизмы биологических эффектов гелио-геофизических возмущений // Успехи современного естествознания. 2002. № 1. С. 96–118.
- Жданов 1986 – *Жданов М.С.* Электроразведка. Учебник для вузов. М.: Недра, 1986.
- Зенгбуш 1982 – *Зенгбуш П.* Молекулярная и клеточная биология. М.: Мир, 1982.
- Линг 2008 – *Линг Г.* Физическая теория живой клетки. Незамеченная революция. СПб: Наука, 2008.
- Мартынюк и др. 2001 – *Мартынюк В.С., Темуриянц Н.А., Москвочук О.Б.* Корреляция биофизических параметров биологически активных точек вариаций гелиогеофизических факторов // Биофизика. 2001. Т. 46. № 5. С. 905–909.
- Мархинин 1980 – *Мархинин Е.К.* Вулканы и жизнь: проблемы вулканологии. М.: Мысль, 1980.
- Опарин 1985 – *Опарин А.И.* Происхождение жизни. Тб.: Мецниереба, 1985.
- Орлеанский и др. 2016 – *Орлеанский В.К., Васильева Л.В., Зенова Г.М., Жегалло Е.А., Харитонов А.Н., Греченко Т.Н.* Биовулканология и микробиология // Восьмая международная конференция “Вулканизм, биосфера и экологические проблемы”. Майкоп-Туапсе. 2016. С. 164–166.
- Поляков 2003 – *Поляков С.В.* Ионосферный альфвеновский резонатор и его роль в электродинамике верхней атмосферы Земли: Дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Нижний Новгород, 2003.
- Соколов 1975 – *Соколов Е.Н.* Пейсмекерный потенциал в организации ритмической активности нейрона // Пейсмекерный потенциал нейрона / Под ред. Е.Н. Соколова и Н.Н. Тавхелидзе. Тб.: Мецниереба, 1975.
- Хабарова 2002 – *Хабарова О.В.* Биоэффективные частоты и их связь с собственными частотами живых организмов // Биомедицинские технологии и радиоэлектроника. 2002. №5. С. 56–66.
- Харитонов и др. 2014 – *Харитонов А.Н., Греченко Т.Н., Сумина Е.Л., Сумин Д.Л., Орлеанский В.К.* Социальная жизнь цианобактерий // Дифференционно-интеграционная теория развития / Под ред. Н.И. Чуприковой и Е.В. Волковой. Москва: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 283–303.
- Чижевский 1976 – *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. Москва: Мысль, 1976.
- Va ar 2008 – *Va ar E.* Oscillations in “brain-body-mind” – a holistic view including the autonomous system. Brain Res. 2008. Oct. 15. P. 1235–1242.
- Christie, Binger 1928 – *Christie, R.V., Binger C.A.L.* An experimental study of diathermy. iv. evidence for the penetration of high frequency currents through the living body // J Exp. Med. 1928. Vol. 48. no 2. P. 715–734.
- Free, Barton 2007 – *Free A., Barton N.H.* Do evolution and ecology need the Gaia hypothesis? // Trends in Ecology and Evolution. 2007. Vol. 22. no 11. P. 611–661.
- Gortner 1938 – *Gortner R.A.* Viruses-living or non-living? // Science. 1938. Vol. 87. no 2267. P. 529–530.

- Hedge, Myers 1926 – *Hedges E.S. and Myers J.E.* The Problem of Physico-chemical Periodicity. London: E. Arnold & Co., 1926.
- Leznik, Llinós 2005 – *Leznik E., Llinós R.* Role of gap junctions in synchronized neuronal oscillations in the inferior olive // *J. Neurophysiol.* 2005. Vol. 94. 244 p.
- Lillie 1929 – *Lillie R.S.* Resemblances between the electromotor variations of rhythmically reacting living and non-living systems // *The Journal of General Physiology.* 1929. Vol. 13. P. 1–13.
- Miller 1953 – *Miller S.L.* A Production of amino acids under possible primitive Earth conditions // *Science.* 1953. Vol. 117. no 3046. P. 528–529.
- Miller et al. 1976 – *Miller S.L., Urey H.C., Ory J.* Origin of organic compounds on the primitive earth and in meteorites // *J. Mol. Evol.* 1976. Vol. 9. no 1. P. 59–72.
- Miller 1986 – *Miller S.L.* Current status of the prebiotic synthesis of small molecules // *Chem. Scr.* 1986. Vol. 26B. P. 5–11.
- Rasmussen et al. 2016 – *Rasmussen S., Constantinescu A., Svaneborg C.* Generating minimal living systems from non-living materials and increasing their evolutionary abilities // *Phil. Trans. R. Soc.* 2016. Vol. B. P. 371–386.
- Shumway, Stoffer 2011 - *Shumway R.H., Stoffer D.S.* Time series analysis and its applications / Springer Texts in Statistics. 2011.
- Tamagawa, Funatani 2016 – *Tamagawa H., Funatani M., Ikeda K.* Ling's Adsorption Theory as a Mechanism of Membrane Potential Generation Observed in Both Living and Nonliving Systems // *Membranes.* 2016. Vol. 6. P. 11–18.
- Toko et al. 1990 – *Toko K., Souda M., Matsuno T., Yamafuji K.* Oscillations of electrical potential along a root of a higher plant // *Biophys. J.* 1990. Vol. 57. P. 269–279.
- Walde 2006 – *Walde P.* Surfactant assemblies and their various possible roles for the origin[s] // *Origins of Life and Evolution of Biospheres.* 2006. Vol. 36. P. 109–150.

References

- Baru, N.A., Koloskov, A.V. and Rakhmatulin, R.A. (2013), “Dependence of characteristics of ionospheric Alfvén resonance on the state of geocosmos according to synchronous observations in Antarctica and Eurasia”, *Ukrains'kii antarktichnii zhurnal*, no. 12, pp. 177–185.
- Ba ar, E. (2008), “Oscillations in “brain-body-mind” – a holistic view including the autonomous system”, *Brain Res.*, 15 October, pp. 1235–1242.
- Breus, T.K., Khalberg, F. and Kornelissen, Zh. (1995), “Effects of solar activity on physiological rhythms of biological systems”, *Biofizika*, vol. 40, no. 4. pp. 737–749.
- Chizhevskii, A.L. (1976), *Zemnoe ekho solnechnykh bur'* [Earth echo of solar storms], Mysl', Moscow, Russia.
- Christie, R.V. and Binger, C.A.L. (1928), “An experimental study of diathermy. iv. evidence for the penetration of high frequency currents through the living body”, *J Exp. Med.*, vol. 48, no. 2, pp. 715–734.
- Free, A. and Barton, N.H. (2007), “Do evolution and ecology need the Gaia hypothesis?”, *Trends in Ecology and Evolution*, vol. 22, no. 11, pp. 611–661.
- Grechenko, T.N., Kharitonov, A.N., Zhegallo, A.V. and Aleksandrov, Yu.I. (2015), “Psychophysiological analysis of oscillatory processes in the behavior of biosocial systems”, *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 36, no. 6, pp. 75–87.

- Grechenko, T.N., Kharitonov, A.N. and Zhegallo, A.V. (2016), "Electric signs in biocommunications", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 9, no. 45, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 12 December 2018).
- Grintsov, M.I. and Grintsova, V.M. (2002), "Mechanisms of biological effects of helio-geophysical perturbations", *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, no. 1, pp. 96–118.
- Gortner, R.A. (1938), "Viruses-living or non-living?", *Science*, vol. 87, no. 2267, June, pp. 529-530.
- Hedges, E.S. and Myers, J.E. (1926), *The Problem of Physico-chemical Periodicity*, E. Arnold & Co, London.
- Zhdanov, M.S. (1986), *Elektrorazvedka Uchebnik dlya vuzov* [Electroinvestigation. Textbook for universities]. Nedra, Moscow, Russia.
- Zengbush, P. (1982), *Molekulyarnaya i kletchnaya biologiya* [Molecular and cellular biology], Mir, Moscow, Russia.
- Khabarova, O.V. (2002), "Bioeffective frequencies and their relationship to the natural frequencies of living organisms", *Biomeditsinskie tekhnologii i radioelektronika*, no. 5. pp. 56–66.
- Kharitonov, A.N., Grechenko, T.N., Sumina, E.L., Sumin D.L. and Orleanskii, V.K. (2014), "Social life of cyanobacteria", in Chuprikova, N.I. and Volkova, E.V. (ed.), *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya* [Differential-integration theory of development], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Znak, Moscow, Russia, pp. 283–303.
- Leznik, E. and Llinás, R. (2005), "Role of gap junctions in synchronized neuronal oscillations in the inferior olive", *J. Neurophysiol.*, vol. 94, 2447 p.
- Lillie, R.S. (1929), "Resemblances between the electromotor variations of rhythmically reacting living and non-living systems", *The Journal of General Physiology*, vol. 13, pp. 1–13.
- Ling, G. (2008), *Fizicheskaya teoriya zhivoi kletki. Nezamechennaya revolyutsiya* [Physical theory of a living cell. Unnoticed revolution], Nauka, Saint-Petersburg, Russia, 376 p.
- Martynyuk, V.S., Temur'yants, N.A. and Moskvochuk, O.B. (2001), "Correlation of biophysical parameters of biologically active points of heliogeophysical factor variation", *Biofizika*, vol. 46, no. 5. pp. 905–909.
- Markhinin, E.K. (1980), *Vulkany i zhizn': problemy biovulkanologii* [Volcanoes and Life: The Problems of Volcanology], Mysl', Moscow, Russia.
- Miller, S.L. (1953), "A Production of amino acids under possible primitive Earth conditions", *Science*, vol. 117, no. 3046, pp. 528-529.
- Miller, S.L. (1986), "Current status of the prebiotic synthesis of small molecules", *J. Mol. Evol.*, vol. 9, no 1, pp. 59–72.
- Miller, S.L., Urey, H.C., Ory J. (1976), "Origin of organic compounds on the primitive earth and in meteorites", *Chem. Scr.*, vol. 26B, pp. 5–11.
- Opari, A.I. (1985), *Proiskhozhdenie zhizni* [Origin of life], Metsniereba, Tbilisi.
- Orleanskii, V.K., Vasil'eva, L.V., Zenova, G.M., Zhegallo, E.A., Kharitonov, A.N. and Grechenko, T.N. (2016), "Biovolcanology and microbiology", *Vos'maya mezhdunarodnaya konferentsiya "Vulkanizm, biosfera i ekologicheskie problemy"*

[Eighth International Conference “Vulcanism, Biosphere and Environmental Problems”], Маикоп-Туапсе, Russia, pp. 164–166.

Polyakov, S.V. (2003), Ionospheric Alfvén resonator and its role in electrodynamics of the Earth's upper atmosphere, D. Sc. Thesis, Nizhny Novgorod, Russia.

Rasmussen, S., Constantinescu, A. and Svaneborg, C. (2016), “Generating minimal living systems from non-living materials and increasing their evolutionary abilities”, *Phil. Trans. R. Soc.*, vol. B, pp. 371–386.

Shumway, R.H. and Stoffer, D.S. (2011), *Time series analysis and its applications*, Springer Texts in Statistics.

Sokolov, E.N. (1975), “Pacemaker potential in the organization of neuron rhythmic activity”, in Sokolov, E.N. and Tavkhelidze, N.N. (ed.), *Peismekernyi potentsial neirona Pacemaker potential of a neuron*, Metsniereba, Tbilisi.

Tamagawa, H., Funatani, M. and Ikeda K. (2016), “Ling's Adsorption Theory as a Mechanism of Membrane Potential Generation Observed in Both Living and Nonliving Systems”, *Membranes*, vol. 6, pp. 11–18.

Toko, K., Souda, M., Matsuno, T. and Yamafuji, K. (1990), “Oscillations of electrical potential along a root of a higher plant”, *Biophys. J.*, vol. 57, pp. 269–279.

Vernadskii, V.I. (1989), *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere], Nauka, Moscow, Russia.

Walde, P. (2006), “Surfactant assemblies and their various possible roles for the origin[s]”, *Origins of Life and Evolution of Biospheres*, vol. 36, pp. 109–150.

Информация об авторах

Татьяна Н. Греченко, доктор психологических наук, Институт психологии Российской Академии Наук, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, Ярославская ул., 13; grecht@mail.ru

Information about the author

Tatiana N. Grechenko, Doc. of Sci. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; bld.13, Yaroslavskaya Str., Moscow, Russia, 129366; grecht@mail.ru

Оценочный компонент образа тела при нарушениях половой идентичности у женщин с эндогенными психическими расстройствами

Сергей Н. Ениколопов

*Научный центр психического здоровья
Москва, Россия, enikolopov@mail.ru*

Татьяна К. Пискарева

*Научный центр психического здоровья,
Москва, Россия, stm8649806@yandex.ru*

Аннотация. Исследовался оценочный компонент образа тела у женщин с эндогенными психическими заболеваниями, сопровождавшимися нарушением полоролевой идентичности. В исследовании приняли участие 68 пациенток ФГБНУ НЦПЗ. Использовались методики: Шкала удовлетворенности своим телом Скугаревского, полуструктурированное интервью. По результатам интервью пациентки с расстройствами половой идентичности были разделены на две подгруппы: желающие сменить пол и желающие избавиться от признаков половой принадлежности во внешности. Пациентки первой группы демонстрировали паттерны оценки своего тела схожие с таковыми при дисморфофобии. Пациентки второй подгруппы были более удовлетворены своей внешностью, однако изолированно фокусировали недовольство на вторичных половых признаках. Субъективная значимость частей тела у них не коррелировала с оценками удовлетворенности. Таким образом, выделены два типа нарушений полоролевой идентичности при эндогенных психических заболеваниях: с идеями перемены пола и с идеями отрицания пола. Первый протекает в форме дисморфофобии с фиксацией на вторичных половых признаках, тогда как второй связан с низкой дифференцированностью образа «Я» и недостаточной интегрированностью личностной идентичности.

Ключевые слова: образ тела, расстройство половой идентификации, гендерная дисфория, транссексуализм, дисморфофобия, эндогенное психическое расстройство

Для цитирования: Пискарева Т.К., Ениколопов С.Н. Оценочный компонент образа тела при нарушениях половой идентичности у женщин с эндогенными психическими расстройствами // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 4. С. 100–115. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-100-115

Body image evaluation in gender dysphoric women with endogenous mental disorders

Sergey N. Enikolopov

*Mental Health Research Center,
Moscow, Russia, enikolopov@mail.ru*

Tatiana K. Piskareva

*Mental Health Research Center,
Moscow, Russia, stm8649806@yandex.ru*

Abstract. The estimated component of the body image in women with endogenous mental illness, accompanied by a violation of gender role identity, is studied. The study involved 68 patients. Methods used: Skugarevsky's body satisfaction scale, semi-structured interview. According to the results of the interview, patients with gender identity disorders were divided into two subgroups: those who want to change sex and who want to get rid of signs of gender in appearance. Patients of the first group showed patterns of assessing their body similar to those with dysmorphophobia. Patients of the second subgroup were more satisfied with their appearance, however, in isolation focused discontent on secondary sexual characteristics. The subjective significance of body parts did not correlate with satisfaction ratings. Thus, two types of gender-role identity disorders in endogenous mental illnesses are distinguished: with the ideas of gender reassignment and with the ideas of gender negation. The first occurs in the form of dysmorphophobia with fixation on the secondary sexual characteristics, while the second is associated with a low differentiation of the image of the "I" and the lack of integration of personal identity.

Keywords: body image, gender identity disorder, gender dysphoria, transsexualism, dysmorphophobia, endogenous mental disorder

For citation: Enikolopov SN, Piskareva TK. Body image evaluation in gender dysphoric women with endogenous mental disorders. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019;4:100-115.
DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-100-115

Введение

В настоящее время неудовлетворенность образом своего тела считается серьезной проблемой общественного психического здоровья [Dion et al. 2015]. Образ тела описывают как субъективную концепцию собственной физической внешности [Grogan 1999; Braham et al. 2017] и функций тела [Морозова, Белогай 2017]. Это субъективное «чувство

пола», важная часть Я-концепции человека [Соколова и др. 2001]. Большинство авторов выделяют в образе тела несколько компонентов: когнитивный и эмоциональный [Фаустова, Яковлева 2012; Дорожевец 1986], перцептивный и оценочный [Скугаревский, Сивуха 2006], социальный и эмоциональный [Морозова, Белогай 2017], поведенческий [Рамси, Харкорт 2009]. Общим для всех концепций образа тела является разделение чувственно окрашенных (степень удовлетворенности, мера значимости и ценности телесного образа для самооценки) и когнитивно-перцептивных («когнитивная структура» [Фаустова, Яковлева 2012], убеждения, представления) аспектов самооценки внешности. В нашей работе мы будем рассматривать именно первый, оценочный компонент образа тела, поскольку в нем выражается личностный смысл, передаваемый человеком своему физическому облику.

Образ тела считается результатом интернализации социокультурных и субъективных представлений об идеалах тела [Myers, Bucci 1992]. Еще в 1984 году был введен конструкт «нормальная неудовлетворенность телом», отражающий широкую распространенность данной проблемы. Показано, что уровень данной неудовлетворенности значительно выше у женщин, чем у мужчин [Рамси, Харкорт 2009], хотя в последнее время это различие сглаживается [Фаустова, Яковлева 2017].

Чрезмерная озабоченность внешним обликом, переживание его несоответствия интернализированным идеалам приводит к развитию комплексов неполноценности и может доходить до степени дисморфобического расстройства. Во многих исследованиях показано, что женщины подвергаются большему социокультурному давлению по поводу своей внешности, чем мужчины [Fernandez, Prichard 2012; Murnen 2011; и др.]. В связи с этим у женщин чаще [Harris, Carr 2001] наблюдается дисморфобия, приводящая к нарушениям пищевого поведения, депрессии, суицидальным попыткам. Суицидальный риск при дисморфобии выше, чем при других связанных заболеваниях, включая обсессивно-компульсивное расстройство и нервную анорексию [Angelakis, Gooding 2016], а также депрессию и биполярное аффективное расстройство [Phillips, Menard 2006]. До 80% пациентов с диагностированным дисморфобическим расстройством сообщают о наличии суицидальных мыслей, и до 25% имеют попытку суицида [Jawad, Sjogren 2017].

Дисморфобия, как выраженная озабоченность определенными «дефектами» своей внешности, не находящими объективного подтверждения, является основным фактором дистресса у транссексуалов и может приводить к депрессии, нарушениям пищевого поведения, зависимостям от психоактивных веществ, суицидальным попыткам [Jones

et al. 2016]. В исследовании Algars и др. (2010) выдвинуто предположение, что неудовлетворенность своим телом у трансгендеров связана с «конфликтной гендерной идентичностью», понимаемой как желание изменить пол на противоположный. Люди, страдающие гендерной дисфорией «исправляют» это несоответствие различными способами с целью повышения удовлетворенности своим телом. Это объясняет озабоченность трансгендерных людей «переходом» для приведения физических характеристик в соответствие с желаемым полом. Многие лица с нарушениями половой идентичности, в особенности подростки и молодые взрослые, предпринимают попытки самостоятельно изменить свой внешний облик в соответствии с желаемым гендером, применяя методы, имеющие негативные последствия для здоровья, начиная от бесконтрольного приема гормональных препаратов и заканчивая самокастрацией.

Высокая коморбидность дисморфофобии с нарушениями половой идентичности приводит к повышению суицидального риска у таких пациентов до 30%, в особенности в подростковом и юношеском возрасте. [Peterson et al. 2017]. В ряде исследований показано, что приведение физического облика в соответствие с желаемым полом оказывает благоприятный психологический эффект на пациентов [Witcomb et al. 2018; Johansson et al. 2010; Jones et al. 2018; и др.]. Однако зачастую представляет трудности разграничение истинного транссексуализма и нарушений половой идентичности в рамках психического заболевания [Кибрик и др. 2017]. Последний случай является противопоказанием для проведения мероприятий по смене пола. Большинство исследований показали, что среди лиц с нарушениями половой идентичности эндогенные психические заболевания встречаются чаще, чем в общей популяции [Carmel, Erickson-Schroth 2016; Dhejne et al. 2016; и др.]. Около 20% пациентов с шизофренией на определенных этапах развития болезни имеют сексуальные девиации, достигающие, в том числе, бреда полового метаморфоза [Borgas et al. 2007]. Их следует отличать от случаев проявлений расстройств половой идентичности в сочетании с шизофреническим процессом, когда формирование гендерной идентичности происходит аналогично таковому при транссексуализме [Матевосян 2009]. С.Н.Матевосян и Г.Е.Введенский (2006) предлагают выделять два типа нарушений половой идентичности (НПИ): транссексуальный (без наличия психического заболевания или с нозологически самостоятельной психической патологией) и нетранссексуальный (в рамках эндогенных психических заболеваний или парафилий).

В то время как образ тела психически здоровых трансгендеров достаточно хорошо описан в литературе, случаи коморбидности нарушений гендерной идентичности с психическими расстройствами (НПИ

нетранссексуального типа), как правило, исключаются из таких исследований. *Целью* нашей работы является дать характеристику оценочного компонента образа тела пациентов, страдающих психическими заболеваниями и имеющих стойкое желание выглядеть и жить не в соответствии со своим биологическим полом. *Гипотезой* нашего исследования выступает предположение, что в образе тела пациентов с НПИ будут проявляться характерные для дисморфофобии низкая удовлетворенность и сверхценная озабоченность своей внешностью. Различия между группами будут касаться отношения к вторичным половым признакам, а также степени переживаемой неудовлетворенности внешностью.

Методы

Исследование проводилось на базе третьего и пятого клинических отделений ФГБНУ НЦПЗ. Экспериментальную группу составили 32 пациентки от 15 до 26 лет с эндогенными психическими заболеваниями, имевшие симптомы расстройства половой идентификации. В группу сравнения были включены 36 пациенток тех же возрастных и нозологических групп без симптомов расстройства половой идентификации. У части из них (17) отмечалась выраженная дисморфофобическая симптоматика. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

С каждой испытуемой проводилось полуструктурированное интервью, целью которого было выявление гендерной самоидентичности, сексуальной ориентации, планов по коррекции пола. Далее испытуемым предъявлялась Шкала удовлетворенности своим телом Скугаревского [Скугаревский, Сивуха 2006], представляющая собой список из 22 частей тела, которые предлагалось оценить по 7-балльной шкале (от 0 до 6). Для соответствия целям исследования в перечень был добавлен дополнительный пункт (гениталии), а также испытуемым предложили оценивать не только удовлетворенность перечисленными характеристиками, но и их значимость для себя. При обработке результатов использовался пакет статистических программ SPSS 23.0.

Одной из целей клинического интервью было выявить, как больные идентифицируют себя, и какие изменения они хотят совершить со своим телом. В результате испытуемые экспериментальной группы были разделены на две подгруппы:

1. НПИ с идеями перемены пола (далее – ЭГ1). Это пациентки, которые хотели сменить пол на противоположный с помощью гормональной терапии либо хирургического вмешательства. Они говорили о себе в мужском роде, носили мешковатую одежду, призванную скрыть форму их тела, коротко стригли волосы. Они также демонстрировали

нарочито мужские паттерны поведения: ухаживали за женщинами, сообщали о наличии у себя стереотипных мужских интересов, разговаривали низким голосом. Однако у них не было характерного для истинного транссексуализма ощущения себя «в чужом теле». Часто у них отмечались дисморфофобические фиксации на определенных деталях своей внешности, не позволяющих считаться «красивой», а значит «женщиной»: широкие плечи, полнота и т.д. Нозологически группа представлена расстройствами личности, биполярным аффективным расстройством, шизофренией.

2. НПИ с идеями отрицания пола (далее – ЭГ2). Эти пациентки не настаивали на хирургической смене пола и на гормональной коррекции. Они также не описывали характерных для истинного транссексуализма переживаний «нахождения в чужом теле». Выражая неудовольствие по поводу своего внешнего вида, вторичных половых признаков, они стремились выглядеть «бесполоыми»: носили мешковатую одежду, утягивали грудь, коротко стригли волосы, говорили о себе в мужском или среднем роде. Пациентки описывали себя как «что-то среднее», «недоделанный мужчина» и т.д. Они сообщали об отвращении к своим вторичным половым признакам, однако не стремились от них избавиться. Эта группа была представлена в основном депрессиями и расстройствами с деперсонализационной симптоматикой.

Таблица 1

Описание групп испытуемых

	Количество испытуемых	Средний возраст	Нозологическая принадлежность больных		
			Шизофрения	Расстройства личности	Аффективные расстройства
ЭГ1	18	21,3 ± 4,31	8	7	3
ЭГ2	14	19,6 ± 3,48	2	1	11
ГС1	17	17,9 ± 2,67	4	4	9
ГС2	20	22,1 ± 3,91	10	5	5

Примечания: ЭГ1 – экспериментальная группа 1, пациентки с идеями перемены пола; ЭГ2 – экспериментальная группа 2, пациентки с идеями отрицания пола; ГС1 – группа сравнения 1, пациентки с симптомами дисморфофобии; ГС2 – группа сравнения 2, пациентки без НПИ и дисморфофобии.

Результаты

Полученные данные по всем группам подчинялись закону нормального распределения (по тесту Колмогорова-Смирнова), поэтому

мы использовали методы параметрической статистики. Для сравнения удовлетворенности телом у всех групп испытуемых был использован одномерный дисперсионный анализ. Были обнаружены значимые различия между группами ($F = 36,771$; $p < 0,001$). Пациентки второй экспериментальной группы, не настаивавшие на смене пола, а стремившиеся избавиться от внешних признаков половой принадлежности, были значимо ($p < 0,05$) более удовлетворены своим телом ($M = 3,4462$; $SD = 1,12502$), чем пациентки, первой экспериментальной группы, выражавшие желание сменить пол ($M = 2,3790$; $SD = 0,86084$). От них значимо отличались больные без нарушений гендерной идентичности ($M = 5,0180$; $SD = 0,51983$; $p < 0,05$). У пациенток первой группы сравнения, с дисморфофобической симптоматикой ($M = 2,4991$; $SD = 1,20027$), не обнаружено различий по удовлетворенности телом с ЭГ1 (Рис 1.).

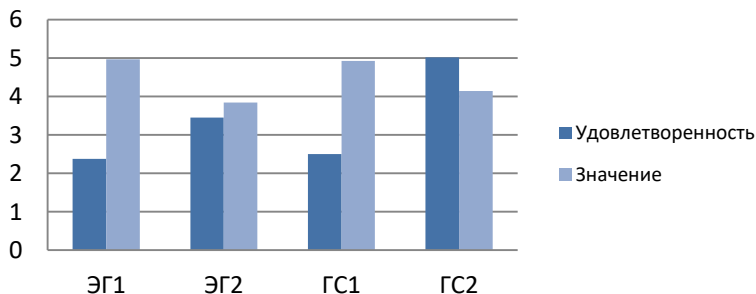

Рис. 1. Гистограмма средней удовлетворенности и значимости частей тела.

Примечания: ЭГ1 – экспериментальная группа 1, пациентки с идеями перемены пола; ЭГ2 – экспериментальная группа 2, пациентки с идеями отрицания пола; ГС1 – группа сравнения 1, пациентки с симптомами дисморфофобии; ГС2 – группа сравнения 2, пациентки без НПИ и дисморфофобии.

Наряду с удовлетворенностью частями тела испытуемых просили оценивать их значимость для себя. В результате одномерного дисперсионного анализа были выделены две гомогенные подгруппы, одна из которых включала пациентов ЭГ1 ($M=4,9672$; $SD=0,81456$) и ГС1 ($M=4,9224$; $SD=0,73656$), а другая – ЭГ2 ($M=3,8431$; $SD=0,59111$) и ГС2 ($M=4,1393$; $SD=0,46566$). Эти подгруппы различались между собой ($p = 0,05$), а внутри них отсутствовали значимые различия. Для пациентов с идеями перемены пола значимость всех частей тела была наиболее высокой, в то время как пациенты второй экспериментальной группы имели наиболее низкие из всех показатели значимости частей тела.

Мы предположили, что оценки удовлетворенности-значимости в группах испытуемых будут коррелировать между собой. В результате корреляционного анализа Пирсона получена обратная связь между удовлетворенностью частями тела и их значимостью у группы пациентов с идеями перемены пола ($r = -0,364$; $p = 0,008$) и у группы пациентов с дисморфофобией ($r = -0,627$; $p = 0,001$). Показано отсутствие значимой корреляции у пациентов с идеями отрицания пола и у пациентов без НПИ.

Далее мы провели сравнение удовлетворенности вторичными и нейтральными половыми характеристиками между группами с использованием многомерного дисперсионного анализа (Рис. 2). Получены значимые различия по удовлетворенности половыми характеристиками у групп ЭГ1 ($F = 6,845$; $p = 0,016$) и ЭГ2 ($F = 6,666$; $p = 0,017$). У ГС1 и ГС2 различий в удовлетворенности половыми характеристиками обнаружено не было.

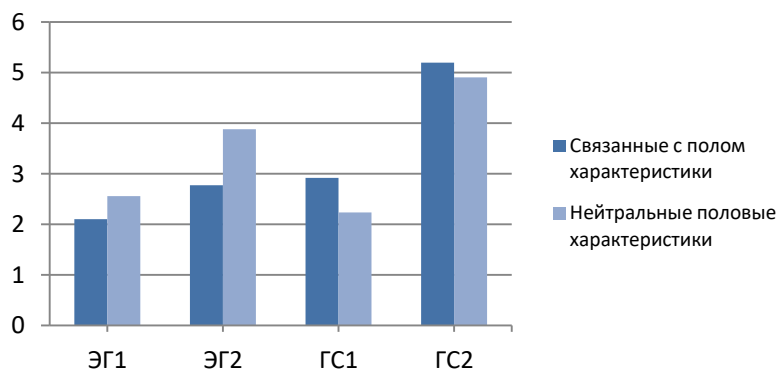

Рис. 2. Средние показатели удовлетворенности вторичными и нейтральными половыми характеристиками.

Примечания: ЭГ1 – экспериментальная группа 1, пациентки с идеями перемены пола; ЭГ2 – экспериментальная группа 2, пациентки с идеями отрицания пола; ГС1 – группа сравнения 1, пациентки с симптомами дисморфофобии; ГС2 – группа сравнения 2, пациентки без НПИ и дисморфофобии.

Рассматривая отношение пациенток к отдельным фрагментам своего тела, следует отметить, что больные с идеями перемены пола наиболее низко оценивали части тела, «выдающие» их биологический пол (гениталии, грудь, бедра, ягодицы). Из графика (Рис. 3) видно, что в целом «средняя» часть фигуры оценивалась ими как менее удовлетворительная по сравнению с «верхней» и «нижней» частями. Обратная картина наблюдалась у пациенток с дисморфофобией: они давали

наиболее низкие оценки своим чертам лица, а также отдельным характеристикам, таким как грудь, живот, спина, кожа. В целом они демонстрировали гораздо больший диапазон оценок своей внешности, беспокоясь лишь об отдельных «дефектах». Отдельный интерес представляют пациентки с идеями отрицания пола. Демонстрируя в целом более позитивное отношение к своей внешности, по сравнению с предыдущими двумя группами, они изолированно выразили низкую удовлетворенность двумя признаками: грудью и гениталиями. У них, как и у больных с идеями перемены пола, отмечалась тенденция к более низкой оценке «средней» части своей фигуры, однако большой разброс оценок и выделение отдельных частей тела как неудовлетворительных сближают их с группой больных с дисморфофобией.

Группа сравнения без НПИ и дисморфофобии давала позитивные оценки собственной внешности. Для них не было характерно особого отношения к каким-либо деталям тела. Более того, зачастую эти пациентки выставляли максимальные баллы всем частям своего тела, специально акцентируя внимание исследователя на отсутствии у себя каких-либо комплексов и собственной высокой самооценке.

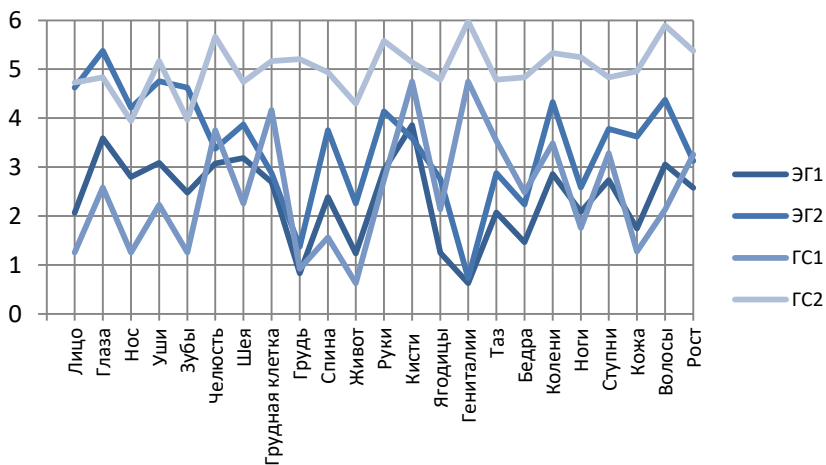

Рис. 3. График средних оценок пациентками экспериментальных групп и групп сравнения различных частей своего тела.

Примечания: ЭГ1 – экспериментальная группа 1, пациентки с идеями перемены пола; ЭГ2 – экспериментальная группа 2, пациентки с идеями отрицания пола; ГС1 – группа сравнения 1, пациентки с симптомами дисморфофобии; ГС2 – группа сравнения 2, пациентки без НПИ и дисморфофобии.

Обсуждение результатов

Полученные результаты исследования свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы о сходстве оценочного компонента образа тела у пациенток с НПИ и дисморфофобией.

Негативное отношение к своему телу у лиц с НПИ выявлено во многих исследованиях [Соколова 1989; Ениколопов, Дворянчиков 2001, Матевосян 2009b, Пирогов 2004, Carmel, Erickson-Schroth 2016b, Dion et al. 2015]. Наши данные также это подтверждают. Разделение испытуемых с НПИ по высказываемым идеям перемены либо отрицания пола позволило обнаружить ряд различий в их образе тела.

При НПИ с идеями перемены пола пациентки демонстрировали наименьшую удовлетворенность характеристиками, связанными с полом. При этом значимость этих частей тела оценивалась ими как наиболее высокая. Таким образом, для этой группы недовольство своими вторичными половыми признаками носило сверхценный характер, что проявлялось в их внешнем виде и поведении: стремлении скрыть контуры фигуры мешковатой одеждой, сделать внешность более маскулинной. Такой же паттерн (высокая значимость неудовлетворительных частей тела) наблюдался у пациентов группы сравнения с дисморфофобией. Однако их недовольство собой было направлено на отдельные участки тела, по поводу которых существовало беспокойство. Таким образом, недовольство своим телом при НПИ с идеями перемены пола у пациенток с эндогенными психическими заболеваниями проявляется в виде дисморфофобии с фиксацией на вторичных половых признаках как внешних «недостатках» и недовольством собственной внешностью в целом. Это соотносится с данными о том, что в случаях сочетания НПИ со стойкими идеями перемены пола и эндогенных процессуальных заболеваний ведущая симптоматика включает расстройство восприятия телесного облика, и сопровождается дисморфофобией и дисморфоманией [Григорьева 2005].

Пациентки с идеями отрицания пола также наиболее низко оценивали свои вторичные половые признаки, однако были более удовлетворены своей внешностью, чем больные с идеями перемены пола. Кроме того, их оценки значимости частей тела были самыми низкими и практически не коррелировали с удовлетворенностью. Таким образом, декларируемое ими желание стать «беспольными» не приводило к дисморфобическим фиксациям на внешности. Более того, можно предположить, что их образ тела играл небольшую роль в их образе Я. Эти данные соотносятся с исследованием Д.Г. Пирогова (2004), который показал, что для женщин с транссексуальными установками, не достигающими уровня транссексуализма, свойственно нечеткое разделение образа собственного Я и своего тела. Несмотря на декларируемое не-

довольство своей внешностью и вторичными половыми признаками, эти пациентки не переживали по поводу своего гендерного несоответствия. Такая низкая дифференцированность образа Я, низкий уровень рефлексии и неразвитость «телесного Я» характерны для низкого уровня развития самоидентичности, который характеризуется прева-лированием среди механизмов саморегуляции примитивных защит [Соколова и др. 2001]. И действительно, пациентки с идеями отрица-ния пола стремились избежать решения полоролевого конфликта. Во внешности и поведении они проявляли инфантильные черты, в беседе называли себя «подростком», рассказывали об увлечении молодежной культурой (комиксами, «блоггерством», субкультурами). Через рег-рессию к образу ребенка они пытались компенсировать недостаточную интегрированность личностной (в том числе и половой) идентичности.

Выводы

1. У женщин с нарушениями половой идентичности в рамках эндо-генного психического заболевания выявлено негативное отношение к своему телу, преимущественно к вторичным половым признакам.

2. В исследуемых группах обнаружена неоднородность ответов по удовлетворенности частями тела и их значимости. Оценочный компо-нент образа тела пациенток с идеями перемены пола соответствовал таковому при дисморфофобии, и выражался в повышении субъектив-ной значимости наименее удовлетворительных фрагментов тела.

3. Для пациенток с идеями отрицания пола была характерна низ-кая дифференцированность образа тела и его малое значение для об-раза Я. Декларируемое желание не иметь пола у них связано с низким уровнем развития самоидентичности и стремлением избежать решения полоролевого конфликта.

Литература

- Григорьева 2005 – Григорьева Т.Н. Клиника и терапия нарушений половой иден-тификации: Дис. ... канд. мед. наук. Московский НИИ психиатрии, М., 2005.
- Дорожевец 1986 – Дорожевец А.Н. Искажение образа физического Я у больных ожирением и нервной анорексией: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, М., 1986.
- Ениколопов, Дворянчиков 2001 – Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. № 22 (3). С. 100–115.
- Кибрик и др. 2017 – Кибрик Н.Д., Ягубов М.И., Журавель А.П. Расстройства половой идентификации: ошибки диагностики и тактики ведения пациентов // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. № 27 (4). С. 63–69.
- Матевосян 2009 – Матевосян С.Н. Психические расстройства с синдромом «отвер-гания» пола (клинико-феноменологические и лечебно-реабилитационные аспекты): Дис. ... д-ра мед. наук. Московский НИИ психиатрии, М., 2009.

- Матевосян, Введенский 2006 – *Матевосян С.Н., Введенский Г.Е.* О правомерности определения понятий «ядерного» и «краевого» вариантов транссексуализма // Сексуальная культура современной России: сборник материалов научно-практической конференции, Москва, 2006. М.: РПО, 2006. С. 125–129.
- Морозова, Белогай 2017 – *Морозова И.С., Белогай К.Н.* Проблематика образа тела в контексте психологии развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. С. 43–46. doi:10.24158/spp.2017.8.8
- Пирогов 2004 – *Пирогов Д.Г.* Нарушения половой идентичности у молодых женщин: Дис. ... канд. мед. наук. НИИ им. В.М. Бехтерева, СПб., 2004.
- Рамси, Харкорт 2009 – *Рамси Н., Харкорт Д.* Психология внешности. СПб.: Питер, 2009. 256 с.
- Скугаревский, Сивуха 2006 – *Скугаревский О.А., Сивуха С.В.* Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал. 2006. № 10 (2). С. 40–48.
- Соколова 1989 – *Соколова Е.Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Соколова и др. 2001 – *Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Ляонтиу Ф.* К обоснованию клиничко-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–17.
- Фаустова, Яковлева 2012 – *Фаустова А.Г., Яковлева Н.В.* Особенности индивидуальной концепции внешности у пациентов с ожогами различной локализации [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2012. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 7 апр. 2019).
- Фаустова, Яковлева 2017 – *Фаустова А.Г., Яковлева Н.В.* Проблемы дефиниции и измерения нормативной неудовлетворенности телом в клинической психологии // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2017. № 3 (18). С. 359–380. doi:10.23888/humJ20173359-380
- Bbrahbm et al. 2017 – *Bbrahbm I., Jambrik M., John B., Njmeth A.R., Franczia N., Csenki L.* Body image and body image distortion // Orvosi Hetilap. 2017. № 158 (19). P. 723–730. doi:10.1556/650.2017.30752
- Algars et al. 2010 – *Algars M., Santtila P., Sandnabba N.K.* Conflicted gender identity, body dissatisfaction, and disordered eating in adult men and women // Sex Roles: A Journal of research. 2010. Vol. 63. no. 1-2. P. 118–125. doi:10.1007/s11199-010-9758-6
- Angelakis et al. 2016 – *Angelakis I., Gooding P.A., Panagioti M.* Suicidality in body dysmorphic disorder (BDD): A systematic review with meta-analysis // Clinical Psychology Review. 2016. no. 49. P. 55–66. doi:10.1016/j.cpr.2016.08.002
- Borras et al. 2007 – *Borras L., Huguelet P., Eytan A.* Delusional "pseudotranssexualism" in schizophrenia // Psychiatry. 2007. Vol. 70. no. 2. P. 175–179. doi:10.1521/psyc.2007.70.2.175
- Carmel, Erickson-Schroth 2016 – *Carmel T.C., Erickson-Schroth L.* Mental health and the transgender population // Psychiatric Annals. 2016. Vol. 46. no. 6. P. 346–349. doi:10.3928/00485713-20160419-02
- Dhejne et al. 2016 – *Dhejne C., Van Vlerken R., Heylens G., Arcelus J.* Mental health and gender dysphoria: A review of the literature // International Review of Psychiatry. 2016. Vol. 28. no. 1. P. 44–57. doi:10.3109/09540261.2015.1115753
- Dion et al. 2015 – *Dion J., Blackburn M.E., Auclair J., Laberge L., Veillette S., Gaudreault M., Vachon P., Perron M., Touchette Y.* Development and aetiology of body dissatisfaction in adolescent boys and girls // International Journal of Adoles-

- cence and Youth. 2015. Vol. 20. no. 2. P. 151–166.
doi:10.1080/02673843.2014.985320
- Fernandez, Pritchard 2012 – *Fernandez S., Pritchard M.* Relationships between self-esteem, media influence and drive for thinness // *Eating behaviors*. 2012. Vol. 13. no. 4. P. 321–325. doi:10.1016/j.eatbeh.2012.05.004
- Grogan 2007 – *Grogan S.* Body image: Understanding body dissatisfaction in men, women and children. Second edition. London: Routledge, 2007, 264 p.
doi:10.4324/9780203004340
- Harris, Carr 2001 – *Harris D., Carr A.* Prevalence of concern about physical appearance in the general population // *British Journal of Plastic Surgery*. 2001. Vol. 54. P. 223–226. doi:10.1054/bjps.2001.3550
- Jawad, Sjügren 2017 – *Jawad M.B., Sjügren M.* Body dysmorphic disorder // *Ugeskrift for Laeger*. 2017. Vol. 179. no. 9. P. 776–779.
- Johansson et al. 2010 – *Johansson A., Sundbom E., Hujerback T., Bodlund O.* A five-year follow-up study of Swedish adults with gender identity disorder // *Archives of sexual behavior*. 2010. Vol. 39. no. 6. P. 1429–1437. doi:10.1007/s10508-009-9551-1
- Jones et al. 2016 – *Jones B.A., Haycraft E., Murjan S., Arcelus J.* Body dissatisfaction and disordered eating in trans people: A systematic review of the literature // *International Review of Psychiatry*. 2016. Vol. 28. no. 1. P. 81–94.
doi:10.3109/09540261.2015.1089217
- Jones et al. 2018 – *Jones B.A., Haycraft E., Bouman W.P., Brewin N., Claes L., Arcelus J.* Risk Factors for Eating Disorder Psychopathology within the Treatment Seeking Transgender Population: The Role of Cross-Sex Hormone Treatment // *European Eating Disorders Review*. 2018. Vol. 26. no. 2. P. 120–128.
doi:10.1002/erv.2576
- Murnen 2011 – *Murnen S.K.* Gender and body images // *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention* / Ed. by Cash, T., Smolak, L. New York. NY: The Guilford Press. 2011. P. 173–179.
- Myers, Biocca 1992 – *Myers P.N., Biocca F.A.* The elastic body image: The effect of television advertising and programming on body image distortions in young women // *Journal of communication*. 1992. Vol. 42. no. 3. P. 108–133.
- Peterson 2017 – *Peterson C.M., Matthews A., Cops-Smith E., Conard L.A.* Suicidality, Self-Harm, and Body Dissatisfaction in Transgender Adolescents and Emerging Adults with Gender Dysphoria // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2017. Vol. 47. no. 4. P. 475–482. doi:10.1111/sltb.12289
- Phillips, Menard 2006 – *Phillips K.A., Menard W.* Suicidality in Body Dysmorphic Disorder: A Prospective Study // *American Journal of Psychiatry*. 2006. Vol. 163. no. 7. P. 1280–1282. doi:10.1176/appi.ajp.163.7.1280
- Witcomb et al. 2018 – *Witcomb G.L., Bouman W.P., Claes L., Brewin N., Crawford J.R., Arcelus J.* Levels of depression in transgender people and its predictors: Results of a large matched control study with transgender people accessing clinical services // *Journal of Affective Disorders*. 2018. no. 235. P. 308–315.
doi:10.1016/j.jad.2018.02.051

References

- Ббраһом, I., Jambrik, M., John, B., Nймeth, A.R., Franczia, N. and Csenki, L. (2017), “Body image and body image distortion”, *Orvosi Hetilap*, vol. 158, no. 19, pp. 723–730. doi:10.1556/650.2017.30752
- Algars, M., Santtila, P. and Sandnabba, N.K. (2010), “Conflicted gender identity, body dissatisfaction, and disordered eating in adult men and women”, *Sex Roles: A*

- Journal of research*, vol. 63, no. 1–2, pp. 118–125. doi:10.1007/s11199-010-9758-6
- Angelakis, I., Gooding, P.A. and Panagioti, M. (2016), “Suicidality in body dysmorphic disorder (BDD): A systematic review with meta-analysis”, *Clinical Psychology Review*, vol. 49, pp. 55–66. doi:10.1016/j.cpr.2016.08.002
- Borras, L., Huguelet, P. and Eytan, A. (2007), “Delusional “pseudotranssexualism” in schizophrenia”, *Psychiatry*, vol. 70, no. 2, pp. 175–179. doi:10.1521/psyc.2007.70.2.175
- Carmel, T.C. and Erickson-Schroth, L. (2016), “Mental health and the transgender population”, *Psychiatric Annals*, vol. 46, no. 6, pp. 346–349. doi:10.3928/00485713-20160419-02
- Dhejne, C., Van Vlerken, R., Heylens, G. and Arcelus, J. (2016), “Mental health and gender dysphoria: A review of the literature”, *International Review of Psychiatry*, vol. 28, no. 1, pp. 44–57. doi:10.3109/09540261.2015.1115753
- Dion, J., Blackburn, M.E., Auclair, J., Laberge, L., Veillette, S., Gaudreault, M., Vachon, P., Perron, M. and Touchette, Ÿ. (2015), “Development and aetiology of body dissatisfaction in adolescent boys and girls”, *International Journal of Adolescence and Youth*, vol. 20, no. 2, pp. 151–166. doi:10.1080/02673843.2014.985320
- Dorozhevets, A.N. (1986), The image of physical self distortion in patients with obesity and anorexia nervosa, Abstract of Ph.D. dissertation, Psychology, Lomonosov MSU, Moscow.
- Enikolopov, S.N. and Dvoryanchikov, H.B. (2001), “Concepts and perspectives of gender research in clinical psychology”, *Psihologicheskij zhurnal*, vol. 22, no. 3, pp. 100–115.
- Faustova, A.G. and Yakovleva, N.V. (2012), “Features of an individual concept of appearance in patients with burns of different localization”, *Medical psychology in Russia*, no. 2, pp. 6–8, [Online], available at: <http://medpsy.ru> (Accessed 7 Apr 2019).
- Faustova, A.G. and Yakovleva, N.V. (2017), “The problems of definition and measurement of normative dissatisfaction with a body in clinical psychology”, *Lichnost v menyaushemsi mire: Zdorovie, Adaptaciya, Razvitie*, vol. 3, no. 18, pp. 359–380. doi:10.23888/humJ20173359-380
- Fernandez, S. and Pritchard, M. (2012), “Relationships between self-esteem, media influence and drive for thinness”, *Eating behaviors*, vol. 13, no. 4, pp. 321–325. doi:10.1016/j.eatbeh.2012.05.004
- Grigorieva, T.N. (2005), Clinic and therapy of gender identity disorders, Abstract of Ph.D. dissertation, Medicine, Moscow Research Institute of Psychiatry, Moscow.
- Grogan, S. (1999), *Body image: Understanding body dissatisfaction in men, women and children*, Routledge, London.
- Harris, D. and Carr, A. (2001), “Prevalence of concern about physical appearance in the general population”, *British Journal of Plastic Surgery*, vol. 54, pp. 223–226. doi:10.1054/bjps.2001.3550
- Jawad, M.B. and Sjogren, M. (2017), “Body dysmorphic disorder”. *Ugeskrift for Laeger*, vol. 179, no. 9, pp. 776–779.
- Johansson, A., Sundbom, E., Hujerback, T. and Bodlund, O. (2010), “A five-year follow-up study of Swedish adults with gender identity disorder”, *Archives of sexual behavior*, vol. 39, no. 6, pp. 1429–1437. doi:10.1007/s10508-009-9551-1
- Jones, B.A., Haycraft, E., Murjan, S. and Arcelus, J. (2016), “Body dissatisfaction and disordered eating in trans people: A systematic review of the literature”, *International Review of Psychiatry*, vol. 28, no. 1, pp. 81–94. doi:10.3109/09540261.2015.1089217

- Jones, B.A., Haycraft, E., Bouman, W.P., Brewin, N., Claes, L. and Arcelus, J. (2018), "Risk Factors for Eating Disorder Psychopathology within the Treatment Seeking Transgender Population: The Role of Cross-Sex Hormone Treatment", *European Eating Disorders Review*, vol. 26, no. 2, pp. 120–128. doi:10.1002/erv.2576
- Kibrik, N.D., Yagoubov, M.I. and Zhuravel, A.P. (2017), "Gender identification disorder: misdiagnosis and inadequate guidance challenge", *Social and clinical psychiatry*, vol. 27, no. 4, pp. 63–69.
- Matevosyan, S.N. (2009), Mental disorders with sex "rejection" syndrome (clinical-phenomenological and therapeutic-rehabilitation aspects), Ph.D. Thesis, Medicine, Moscow Research Institute of Psychiatry, Moscow.
- Matevosyan, S.N. and Vvedensky, G.E. (2006), "On the legality of defining of "pivotal" and "boundary" variants of transsexualism", *Seksual'naya kul'tura sovremennoj Rossii* [Sexual culture of modern Russia], Proceedings of the International Conference, Moscow, Russia, May 27, 2006, RPS, Moscow, Russia, pp. 125–129.
- Morozova, I.S. and Belogay, K.N. (2017), "Problems of the body image in the context of developmental psychology", *Society: sociology, psychology, pedagogics*, vol. 8, pp. 43–46. doi:10.24158/spp.2017.8.8
- Murnen, S.K. (2011), "Gender and body images", in Cash, T. and Smolak, L. (ed.), *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention*, The Guilford Press, New York, NY, pp. 173–179.
- Myers, P. N. and Biocca, F.A. (1992), "The elastic body image: The effect of television advertising and programming on body image distortions in young women", *Journal of communication*, vol. 42, no. 3, pp. 108–133.
- Peterson, C.M., Matthews, A., Copps-Smith, E. and Conard, L.A. (2017), "Suicidality, Self-Harm, and Body Dissatisfaction in Transgender Adolescents and Emerging Adults with Gender Dysphoria", *Suicide and Life-Threatening Behavior*, vol. 47, no. 4, pp. 475–482. doi:10.1111/sltb.12289
- Phillips, K.A., Menard, W. (2006), "Suicidality in Body Dysmorphic Disorder: A Prospective Study", *American Journal of Psychiatry*, vol. 163, no. 7, pp. 1280–1282. doi:10.1176/appi.ajp.163.7.1280
- Pirogov, D.G. (2004), Gender identity disorders in young women, Ph.D. Thesis, Medicine, Bekhterev Psychoneurological Research Institute, Saint-Petersburg, Russia.
- Ramsi, N. and Harcourt, D. (2009), *Psihologiya vneshnosti* [The psychology of appearance], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Skugarevskij, O.A. and Sivuha, S.V. (2006), "Body image: developing an assessment tool", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 10, no. 2, pp. 40–48.
- Sokolova, E. T. (1989), *Samosoznanie i samoocenka pri anomalijach lichnosti* [Self-Consciousness and Self-Esteem in Abnormalities of Personality], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, Russia.
- Sokolova, E.T., Burlakova, N.S. and Leontiu, F. (2001), "Justification of the clinical and psychological study of gender identity disorder", *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 3–17.
- Witcomb, G.L., Bouman, W.P., Claes, L., Brewin, N., Crawford, J.R. and Arcelus, J. (2018), "Levels of depression in transgender people and its predictors: Results of a large matched control study with transgender people accessing clinical services", *Journal of Affective Disorders*, vol. 235, pp. 308–315. doi:10.1016/j.jad.2018.02.051

Сергей Н. Ениколопов, кандидат психологических наук, доцент, Научный центр психического здоровья, Москва, Россия; 115522, Россия, Москва, Каширское шоссе, д. 34; *enikolopov@mail.ru*

Татьяна К. Пискарева, аспирантка, Научный центр психического здоровья, Москва, Россия; 115522, Россия, Москва, Каширское шоссе, д. 34; *stm8649806@yandex.ru*

Information about the authors

Sergey N. Enikolopov, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Mental Health Research Center, Moscow, Russia; bld. 34, Kashirskoye shosse, Moscow, Russia, 115522; *enikolopov@mail.ru*

Tatiana K. Piskareva, post-graduate student, Mental Health Research Center, Moscow, Russia; bld. 34, Kashirskoye shosse, Moscow, Russia, 115522; *stm8649806@yandex.ru*

Взаимосвязь виртуального социального статуса и личностных особенностей пользователей социальной сети Инстаграм

Елена П. Белинская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российский гуманитарный государственный университет,
Москва, Россия, elena_belinskaya@list.ru*

Полина Ю. Прилуцкая

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, polina.prilytskaya@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи параметров виртуального социального статуса и личностных особенностей пользователей сети Instagram. Параметры, по которым анализировался виртуальный социальный статус пользователя, включали в себя атрибуции ему количества и качества социальных связей, опыта знакомства с другими культурами, человеческого капитала, социально-экономического уровня жизни и социально-психологического статуса в различных группах. В качестве личностных особенностей пользователей рассматривались характеристики, входящие в концепцию Большой Пятерки и Темной триады, а также уровень самомониторинга. Полученные данные частично подтвердили выдвинутые гипотезы: атрибуция пользователю сторонним наблюдателем его профиля тех или иных параметров социального статуса связана с такими личностными характеристиками пользователя, как нейротизм, макиавеллизм, нарциссизм и самомониторинг. На основании результатов исследования можно утверждать, что реальный и виртуальный социальный статус представляют собой единый феномен, включенный в различный социальный контекст – в рамках виртуального и транзитивного пространства.

Ключевые слова: личностные особенности, самопрезентация в виртуальной коммуникации, социальные сети, социальный статус, виртуальный социальный статус

Для цитирования: Белинская Е.П., Прилуцкая П.Ю. Взаимосвязь виртуального социального статуса и личностных особенностей пользователей социальной сети

The relationship of virtual social status and personal characteristics of users of the social network Instagram

Elena P. Belinskaya

*Lomonosov Moscow state University,
Russian state University for the Humanities,
Moscow, Russia, elena_belinskaya@list.ru*

Polina Yu. Prilutskaya

*Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia,
polina.prilytskaya@yandex.ru*

Abstract. The results of an empirical study of the relationship between parameters of virtual social status and personal characteristics of users of the Instagram network are presented in the article. The parameters by which the user's virtual social status was analyzed included attribution to him of the quantity and quality of social connections, experience of acquaintance with other cultures, human capital, socio-economic standard of living and socio-psychological status in various groups. The characteristics included in the concept of the Big Five and the Dark Triad, as well as the level of self-monitoring, were considered as personal characteristics of users. The obtained data partially confirmed the hypotheses put forward: attribution to the user by a third-party observer of a profile of certain parameters of social status is associated with such personal characteristics of the user as neuroticism, Machiavellianism, narcissism and self-monitoring. Based on the results of the study, it can be argued that real and virtual social statuses represent a single phenomenon, included in a different social context - within the virtual and transitive space.

Keywords: personal features, self-presentation in virtual communication, social networks, social status, virtual social status

For citation: Belinskaya EP., Prilutskaya PYu. The relationship of virtual social status and personal characteristics of users of the social network Instagram // *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019; 4:116-130. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-116-130

Введение

Социальный статус человека, будучи исходно понятием социологическим, сегодня – одно из базовых понятий для социальных наук в целом. Однако, несмотря на почти вековую традицию использования, оно включает в себя все большее и большее количество содержательно разнородных параметров, что заставляет исследователей говорить не столько о его междисциплинарности, сколько о полидисциплинарности [Фоломеева, Федотова 2018]. В социально-психологической оптике социальный статус – тоже достаточно традиционно – понимается как единство объективно свойственных человеку характеристик, определяющих его положение в социальной общности (пол, возраст, образование, семейные и профессиональные роли, доход и т.п.), и результата его субъективной оценки другими членами группы. Очевидно, что второй, социально-перцептивный фокус анализа, в настоящий момент доминирует, и потому исследования социального статуса в социальной психологии в основном фокусируются на изучении атрибутивных процессов. Центральным вопросом при этом становится поиск соотношения объективных и субъективных параметров социального статуса, а также механизмов, реализующих данное соотношение, чему есть две причины. Во-первых, в условиях быстрой социальной динамики традиционно устойчивые объективные параметры социального положения человека меняют свою конфигурацию, все более заставляя исследователей говорить о них не как о фиксированном наборе характеристик, а как о стиле жизни. Во-вторых, подобное «размывание объективности» неминуемо усложняет атрибутивные схемы, усиливая в них роль прототипических и нарративных компонентов [Фоломеева, Федотова 2018; Anderson et al. 2015; Hays et al. 2015] и акцентируя роль аффекта в атрибутивных процессах.

Современное транзитивное социальное пространство создает для подобной динамики максимально релевантные условия. Переход все большего количества повседневных коммуникаций в виртуальное пространство, с одной стороны, дает его участникам практически бесконечные возможности для конструирования собственных самопрезентаций, а с другой – постоянно ставит перед ними задачу адекватного «прочтения» самопрезентаций других пользователей. Иными словами, можно говорить о формировании виртуального социального статуса человека. Последний по аналогии с реальным можно определить как сочетание самопрезентационных характеристик субъекта сетевой коммуникации и сформированного на их основе социально-перцептивного консенсуса других пользователей. И если особенностям самоконструирования в сетевом взаимодействии посвящено уже достаточное количество исследований [Белинская, Гавриченко 2018; Astrid et al. 2006;

Seidman 2013 и др.], то эмпирическое изучение процессов социальной атрибуции в виртуальном пространстве представлено значительно меньше [Gosling 2011; Anderson et al 2015].

В этой связи возникает целый ряд исследовательских вопросов, а именно: как соотносятся реальный и виртуальный социальный статус человека? Насколько наши виртуальные самопрезентации могут оказать влияние на то, как нас воспринимают и оценивают в условиях реального взаимодействия? Как специфика сетевых индикаторов социального статуса пользователя (степень коммуникативной активности, статистические показатели профиля, доминирование визуального или вербального контента) влияет на характер этих атрибуций? Насколько личностные особенности пользователя могут быть «прочитаны» в его сетевых самопрезентациях, и как это связано с атрибутируемыми ему характеристиками статуса? Попытке ответа на последний вопрос и было посвящено проведенное эмпирическое исследование.

Социальной сетью была выбрана сеть Instagram как в наибольшей степени стандартизованная по формату самопрезентаций (ее основной контент составляют фотографии).

Гипотеза исследования

Общей гипотезой проведенного эмпирического исследования выступало предположение о том, что виртуальный социальный статус пользователя, основанный на оценке внешними «экспертами» его сетевой самопрезентации, связан с его же личностными характеристиками.

Исходя из уже имеющихся эмпирических данных о связи некоторых личностных черт и специфики самопрезентации в социальных сетях [Back et al. 2010; Ryan, Xenos 2011; Lee et al. 2014], были выдвинуты следующие частные гипотезы.

- 1) Существует положительная взаимосвязь экстраверсии, нарциссизма и самомониторинга с параметрами социального статуса, презентуемыми в виртуальном пространстве.
- 2) Существует отрицательная взаимосвязь нейротизма, психопатии и сознательности с параметрами социального статуса, презентуемыми в виртуальном пространстве.

Процедура и методики исследования

На первом этапе в исследовании приняли участие 65 респондентов – активных пользователей социальной сети Instagram (15 мужчин и 50 женщин в возрасте от 17 до 29 лет, средний возраст – 21 год), которые дали согласие предоставить ссылки на свои профили. Они заполняли короткую социально-демографическую анкету (пол, возраст, об-

разование, характер текущей или будущей профессиональной деятельности), а также 3 стандартизированные методики: 1) краткий опросник Большой Пятерки, направленный на оценку личностных изменений, входящих в соответствующую концепцию [Корнилова, Чумакова 2016]; 2) опросник «Темная дюжина», направленный на измерение черт Темной триады [Корнилова и др. 2015]; 3) опросник способности к управлению самопредъявлением в общении, который является русскоязычным аналогом шкалы социального самоконтроля, или самомониторинга, М. Снайдера [Амяга 1998].

Второй этап исследования заключался в оценке незнакомыми с испытуемыми людьми – «экспертами» – предоставленных на первом этапе профилей было опрошено 72 человека: 19 мужчин и 53 женщины, средний возраст респондентов – 19 лет. Респонденты этого этапа заполняли авторский опросник, направленный на оценку воспринимаемого социального статуса пользователя. Его разработка при пилотажном исследовании опиралась на предположение, что оценка социального статуса пользователя сторонним наблюдателем (так называемый виртуальный социальный статус) строится по тем же параметрам, что и оценка реального социального статуса незнакомца. Опросник включал в себя следующие блоки вопросов:

- 1) социальные связи (возможное количество знакомых и друзей, потенциальная статусность окружения);
- 2) опыт знакомства с другими культурами (приписываемый пользователю опыт путешествий в другие города России и в другие страны, знания о различных культурах);
- 3) человеческий капитал (возможный уровень образованности, физического и психологического здоровья, потенциальное разнообразие социальных и профессиональных навыков);
- 4) социально-экономический уровень жизни (приписываемая финансовая обеспеченность, престижность имеющегося места жительства);
- 5) социально-психологический статус человека в группе (приписываемое отношение возможных формальных и неформальных групп к данному пользователю);

Все вопросы предполагали оценки по шкале от 1 до 7; каждый из респондентов этого этапа оценивал три профиля незнакомых ему людей, ориентируясь при выставлении оценок на те фотографии, которые были в них представлены, и на информацию о количестве публикаций, количестве подписчиков и подписок. Вся личная информация (имя, фамилия, ссылки на профили в различных социальных сетях и личные сайты) была скрыта.

Результаты и обсуждение

После получения «экспертных» оценок виртуального социального статуса была определена степень их согласованности на основании коэффициента конкордации Кенделла (W ; $p < 0,05$). Для профилей, имеющих согласованные экспертные оценки, рассчитывались значения по пяти выбранным параметрам социального статуса, соответствующим пяти блокам вопросов разработанного опросника (12 профилей, по которым не были получены согласованные оценки, исключены нами из дальнейшего анализа). Для определения значения по каждому параметру использовалось среднее арифметическое оценок экспертов по вопросам, относящимся к конкретному блоку. Оценка нормальности распределения переменных продемонстрировала необходимость привлечения как параметрических, так и непараметрических критериев. В итоге корреляционный анализ проводился с помощью критериев Спирмена и Пирсона.

Полученные результаты в целом обнаружили неоднозначную связь выделенных параметров виртуального социального статуса с изучаемыми личностными характеристиками, что говорит лишь о частичном подтверждении как основной, так и двух частных гипотез исследования.

Так оказалось, что высокий уровень макиавеллизма, нарциссизма и самомониторинга пользователя значимо ($p < 0,05$) коррелирует с тем, что на основании созданного им контента сетевого профиля незнакомый человек («эксперт») будет высоко оценивать качество и количество его социальных связей. Одновременно в представлении «эксперта» выраженность этих личностных качеств пользователя оказывается не связанной с атрибутированием ему таких параметров социального статуса, как человеческий капитал и высокий социально-психологический статус в формальных и неформальных группах членства, а также отрицательно коррелирует с приписываемым опытом путешествий и взаимодействия с другими культурами.

Также полученные данные свидетельствуют, что высокий уровень нейротизма пользователя значимо ($p < 0,05$) коррелирует с тем, что на основании восприятия его профиля незнакомый человек будет высоко оценивать количество и качество его социальных связей и в той же степени его социально-психологический статус в различных группах. Одновременно выраженность этой личностной характеристики пользователя оказалась никак не связана с атрибутируемым ему социально-экономическим уровнем жизни, опытом взаимодействия с другими культурами и человеческим капиталом.

Что же касается таких личностных особенностей, как экстраверсия, психопатия, сознательность и открытость опыту, то никаких значимых

взаимосвязей между этими характеристиками и параметрами виртуального социального статуса обнаружено не было.

Переходя к обсуждению полученных результатов, прежде всего отметим, что часть из них не согласуется с данными других исследователей. Так, выдвигая гипотезу о связи экстраверсии с параметрами воспринимаемого социального статуса, мы базировались на исследованиях, продемонстрировавших, что особенности самопрезентации и различия в социальном статусе пользователя в сети Facebook во многом обусловлены индивидуальными различиями в уровне экстраверсии [Amichai-Hamburger, Vinitzky 2010; Gosling et al. 2011; Ross et al. 2009]. В свою очередь эти исследования опирались на работу, доказавшую положительную взаимосвязь высокой экстравертированности и приписываемого высокого социального статуса в ситуации реального взаимодействия [Anderson et al. 2006]. Согласно нашим данным, эта закономерность «не работает» для сети Instagram, что может объясняться спецификой доминирующего контента: в отличие от Facebook сеть Instagram в гораздо большей степени визуально ориентирована. Как отмечается учеными, основными пользовательскими особенностями экстравертов является высокая публикационная активность (количество постов в единицу времени) и ориентация на взаимодействие с другими участниками сети (количество комментариев эмоционального и содержательного характера) [Astrid, Bernd, Machilek 2006; Back et al. 2010]. Но в условиях Instagram чрезмерная активность пользователя в виде публикаций большого числа фотографий за короткий промежуток времени может восприниматься как «засорение» информационной ленты, в то время как отсутствие публикаций в течение долгого времени – как игнорирование аудитории. Обе описанные стратегии самопрезентации, соответствующие крайним полюсам экстраверсии, могут иметь негативные последствия в виде сокращения численности аудитории, уменьшения ее отклика, и, соответственно, восприниматься как ведущие к снижению социального статуса. Можно также предположить, что высокая коммуникативная ориентация экстравертов не актуальна для Instagram в силу малых возможностей реализации в этой сети коммуникативной функции в целом (как известно, первоначальная версия сети предполагала общение пользователей только в комментариях под публикациями), а также легкости в установлении/разрыве социальных контактов, что затрудняет коммуникацию как выраженным экстравертам, так и выраженным интровертам. В итоге при оценке данных профилей сторонним наблюдателем с точки зрения атрибутируемого им социального статуса данная личностная характеристика не имеет значения.

Не менее интересной представляется обнаруженная связь между нейротизмом и высоким виртуальным социальным статусом, выраженным в параметрах социальных связей и социально-психологического статуса человека в группе. Это противоречит полученным ранее другими исследователями данным. Согласно им, при изучении реального социального статуса в основе отрицательной взаимосвязи нейротизма и высокого социального статуса лежит использование неэффективных стратегий самопрезентации, демонстрация социально нежелательных качеств, соответствующих высокому уровню нейротизма, а также уязвимость к стрессу в процессе социального взаимодействия [Anderson et al. 2006]. Предполагается, что в условиях виртуальной коммуникации подобное поведение людей с высоким уровнем нейротизма может представлять собой стратегию совладания с дискомфортом и беспокойством, связанными с низким контролем социального взаимодействия, причинами которого выступают особенности виртуальной среды (дистанцированность субъектов взаимодействия, отсроченность обратной связи, наличие широкого и разнообразного круга наблюдателей). Также существуют данные, полученные при изучении виртуальной самопрезентации пользователей Facebook, о том, что высокий уровень нейротизма связан с высоким уровнем мотивации принадлежности к группе и презентацией качеств идеального Я [Seidman, 2013]. Можно ожидать, что описанные стратегии коммуникативного поведения реализуются и в рамках социальной сети Instagram, усиливаясь ее технологическими особенностями (визуальностью), что способствует поддержанию и повышению виртуального социального статуса пользователей, имеющих высокие показатели нейротизма. В данном случае виртуальная социальная среда, предоставляющая неограниченные возможности коррекции и удаления контента, а также обуславливающая существенную осознанность и произвольность самопрезентации по сравнению с традиционным очным взаимодействием, способствует эффективному применению рассмотренных стратегий поведения. Таким образом, в рамках виртуального взаимодействия в социальной сети Instagram люди с высоким уровнем нейротизма могут иметь преимущества в поддержании и повышении своего виртуального социального статуса, связанные с их повышенным вниманием к воспринимаемому и оцениваемому другими участниками образу своего Я.

Этот результат содержательно соответствует данным о взаимосвязи выраженного уровня самомониторинга пользователя и атрибуцией ему сторонними наблюдателями высоких показателей виртуального социального статуса по такому параметру, как количество и качество социальных связей: внимание пользователя к контекстуальным особенностям коммуникации неминуемо будет приводить к доминированию в

самопрезентируемом контенте профиля прямых или косвенных указаний на свои социальные связи. Интересно, что полученные данные соответствуют общим закономерностям восприятия и оценки социального статуса. Напомним, что в реальном социальном взаимодействии выраженная склонность к регулированию своего экспрессивного поведения, исходя из особенностей социального контекста (иными словами – высокий уровень самомониторинга), необходима прежде всего для повышения социального статуса и соответствующим образом воспринимается сторонним наблюдателем [Fuglestad, Snyder 2010].

Результаты, свидетельствующие об отсутствии корреляционных зависимостей между открытостью опыту и параметрами виртуального социального статуса, согласуются с данными исследователей, изучавших эти личностные характеристики во взаимосвязи с коммуникативным поведением в сети Facebook [Moore, McElroy 2012; Wang et al. 2012]. Популярные и освоенные множеством пользователей социальные сети нивелируют социальное преимущество и особенности презентации людей с высоким уровнем открытости опыту, связанные с креативностью, широким разнообразием интересов, готовностью к риску. Для людей же с низким уровнем открытости опыту социальные сети также являются привычными, и, соответственно, безопасными площадками взаимодействия. Именно эти обстоятельства не позволяют обнаружить специфические особенности их самопрезентации, и, вследствие этого, также и виртуального социального статуса.

Менее ожидаемыми являются полученные нами результаты относительно отсутствия корреляционных взаимосвязей между осознанностью и параметрами виртуального социального статуса. Другие исследователи отмечают отрицательную связь между данной личностной характеристикой и активностью использования социальной сети, а именно – сети Facebook [Lee et al. 2014], и объясняют наличие ее негативной оценкой социальных сетей как в целом, так и восприятие их в качестве отвлекающего фактора людьми с высоким уровнем сознательности. Подобные различия в результатах могут быть связаны, с нашей точки зрения, с двумя обстоятельствами: во-первых, различиями в коммуникативных стратегиях у пользователей Facebook и Instagram, и, во-вторых, (что представляется нам более вероятным) большей популярностью сегодня сети Instagram, которая все более становится неотъемлемым компонентом повседневной коммуникации.

Обнаруженную положительную связь макиавеллизма пользователей с некоторыми параметрами их виртуального социального статуса можно объяснить следующим образом. Известно, что в реальном взаимодействии макиавеллистские стратегии поведения могут способствовать как объективному повышению социального статуса [Duspara,

Greitemeyer 2017], так и соответствующим атрибуциям [Lange et al. 2018]. При этом данная взаимосвязь опосредствуется уровнем структурированности социальной иерархии [Hays, Bendersky 2015]: чем она менее структурирована, тем сильнее взаимосвязаны макиавеллизм и атрибутируемый социальный статус субъекта. Для любой виртуальной социальной сети характерна гораздо более низкая структурированность социальной иерархии, нежели в реальном пространстве коммуникации. Подобная специфика позволяет пользователям с высокими показателями макиавеллизма успешно применять специфические тактики самопрезентации с целью социального самопродвижения: публикацию многочисленных «селфи» и большого количества личной информации в профиле, маркеров социально одобряемого поведения в виде фото-примеров своей склонности к здоровому образу жизни и др. Несмотря на то, что перечисленные тактики были обнаружены при исследовании виртуальной самопрезентации в сети Facebook [Jonason, et al. 2010; Preotiuc-Pietro et al. 2016; Sanecka 2017], они также могут быть актуальны и для социальной сети Instagram.

Полученные в нашем исследовании данные о связи высокого уровня нарциссизма пользователя с атрибуцией ему высокого виртуального социального статуса согласуются с результатами исследований, отмечающими положительную связь нарциссизма с реальным социальным статусом индивида [Aluja et al. 2017; Duspara, Greitemeyer 2017]. Можно предположить, что в социальной сети Instagram данная взаимосвязь усиливается по причине больших возможностей удовлетворения у нарциссических пользователей потребности во внимании и позитивной оценке окружающих, а также из-за их повышенной чувствительности к занимаемому социальному положению [Palmer, Tackett 2018]. Данные особенности людей с высокими показателями нарциссизма могут находить свое отражение в презентации в своем профиле исключительно социально-желательных качеств, предварительном редактировании фотографий и намеренной публикации большого количества «селфи» и другой личной информации в сети.

Заключение

Атрибуция пользователю сторонним наблюдателем его профиля тех или иных параметров социального статуса (виртуальный социальный статус) связана с такими личностными характеристиками пользователя, как нейротизм, макиавеллизм, нарциссизм и самомониторинг. Обнаруженные взаимосвязи согласуются с результатами исследований, посвященных изучению личностных детерминант социального статуса в пространстве реального взаимодействия, а также с исследованиями виртуальной самопрезентации в сети Facebook, что свидетельствует о

доминирующей роли этих личностных особенностей при атрибутировании субъекту того или иного социального положения – вне зависимости от особенностей взаимодействия с ним. Обнаруженные сходства подтверждают точку зрения о том, что реальный и виртуальный социальный статус являют собой единый феномен, имеющий универсальные мотивационные основания [Anderson et al. 2015] и представленный в различном социальном контексте: в рамках виртуального и транзитивного пространства, которые объединяются, как минимум, двумя своими характеристиками – изменчивостью и множественностью [Белинская, Марцинковская 2018]. При этом особенности среды, в рамках которой рассматривается социальный статус, определяют особенности его внешней презентации, а также изменяют характер связи с личностными характеристиками, повышая или уменьшая эффективность различных стратегий поведения, связанных с ними.

Несоответствие части полученных нами результатов данным других исследований ставит отдельную исследовательскую задачу – более четкое определение специфики различных виртуальных социальных сетей. Последнее предполагает, на наш взгляд, сочетание в анализе как детального знания их технологических особенностей, так и связанного с ними социально-психологического содержания коммуникативной и самопрезентационной активности пользователя.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия», грант № 19-18-00516.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project «Transitive and virtual spaces: common and different features», no. 19-18-00516.

Литература

- Амяга 1998 – Амяга Н.В. Измерение личностной представленности человека в общении // Журнал практического психолога. 1998. № 1. С. 42–53.
- Белинская, Гавриченко 2018 – Белинская Е.П., Гавриченко О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. 12 с. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 авг. 2019).
- Белинская, Марцинковская 2018 – Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.

- Корнилова, Чумакова 2016 – *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. 5 с. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 4 авг. 2019).
- Корнилова и др. 2015 – *Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С.* Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.
- Фоломеева, Федотова 2018 – *Фоломеева Т.В., Федотова С.В.* Особенности образов людей различных социальных статусов у молодежи [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 3. С. 312–322. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.307> (дата обращения 16 апреля 2019).
- Aluja et al. 2017 – *Aluja A., Blanch A., Barr O., Hansenne M., Garcia L.F., Valdivia M., Bell ja T., Ruch W., Rossier J., Suranyi Z., Glicksohn J., Di Blas L., Ostendorf F., Atitsogbe K.A., Cekrljija D., Stivers A., Benjema S.* Social position and dark triad personality: cross-cultural differences [Online]. ISSID 2017. Warsaw, 2017, 24-28 July. URL: <https://www.researchgate.net/publication/318789137> (дата обращения 16 апреля 2019).
- Amichai-Hamburger, Vinitzky 2010 – *Amichai-Hamburger Y., Vinitzky G.* Social network use and personality // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26 (6). P. 1289–1295.
- Anderson et al. 2006 – *Anderson C., Beer J.S., Chatman J.A., Spataro S.E., Srivastava S.* Knowing Your Place: Self-Perceptions of Status in Face-to-Face Groups // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91 (6). P. 1094–1110.
- Anderson et al. 2015 – *Anderson C., Hildreth J.A., Howland L.* Is the desire for status a fundamental human motive? A review of the empirical literature // Psychological Bulletin. 2015. Vol. 141 (3). P. 547–601.
- Astrid et al. 2006 – *Astrid S., Bernd M., Machilek F.* Personality in Cyberspace: Personal Web Sites as Media for Personality Expressions and Impressions // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90. Iss. 6. P. 1014–1031.
- Back et al. 2010 – *Back M.D., Egloff B., Gaddis S., Gosling S.D., Stopfer J. M., Schmukle S. C., Vazire S.* Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idelization // Psychological Science. 2010. Vol. 21. Iss. 3. P. 372–374.
- Duspara, Greitemeyer 2017 – *Duspara B., Greitemeyer T.* The impact of dark tetrad traits on political orientation and extremism: an analysis in the course of a presidential election [Electronic] // Heliyon. 2017. Vol. 3 (10). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5680983/> (дата обращения 16 апр. 2019).
- Fuglestad, Snyder 2010 – *Fuglestad P.T., Snyder M.* Status and the Motivational Foundations of Self-Monitoring // Social and Personality Psychology Compass. 2010. Vol. 4 (11). P. 1031–1041.
- Gosling et al. 2011 – *Gosling S.D., Augustine A.A., Vazire S., Holtzman N., Gaddis S.* Manifestations of personality in online social networks: Self-reported Facebook-related behaviors and observable profile information // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2011. Vol. 14 (9). P. 483–488.
- Hays et al. 2015 – *Hays N.A., Bendersky C.* Not all inequality is created equal: Effects of status versus power hierarchies on competition for upward mobility // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 108. P. 867–882.

- Jonason et al. 2010 – *Jonason P.K., Li N.P., Teicher E.A.* Who is James Bond? The Dark Triad as an agentic social style // *Individual Differences Research*. 2010. Vol. 8 (2). P. 111–120.
- Lange et al. 2014 – *Lange J., Paulhus D.L., Crusius J.* Elucidating the Dark Side of Envy: Distinctive Links of Benign and Malicious Envy with Dark Personalities // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2014. Vol. 44 (4). P. 601–614.
- Lee et al. 2014 – *Lee E., Ahn J., Kim Y.J.* Personality traits and self-presentation at Facebook // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 69. P. 162–167.
- Moore et al. 2012 – *Moore K., McElroy J.C.* The influence of personality on Facebook usage, wall postings, and regret // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28 (1). P. 267–274.
- Palmer, Tackett 2018 – *Palmer J.A., Tackett S.* An Examination of the Dark Triad Constructs with Regard to Prosocial Behavior [Online] // *Acta Psychopathol*. 2018. Vol. 4 (1). URL: <http://psychopathology.imedpub.com/an-examination-of-the-dark-triad-constructs-with-regard-to-prosocial-behavior.pdf> (дата обращения 16 апр. 2019).
- Preotiuc-Pietro 2016 – *Preotiuc-Pietro D., Carpenter J., Giorgi S., Ungar L.* Studying the Dark Triad of Personality through Twitter Behavior [Online]. 25th ACM International on Conference on Information and Knowledge Management. Indianapolis, Indiana, 2016, October 24–28. URL: <http://wwbp.org/papers/darktriad16cikm.pdf> (дата обращения 24 апр. 2019).
- Ross et al. 2009 – *Ross C., Orr E.S., Sisc M., Arseneault J.M., Simmering M.G., Orr R.R.* Personality and motivations associated with Facebook use // *Computers in Human Behavior*. 2009. Vol. 25 (2). P. 578–586.
- Ryan, Xenos 2011 – *Ryan T., Xenos S.* Who uses Facebook? An investigation into the relationship between the big five, shyness, narcissism, loneliness, and Facebook usage // *Computers in Human Behavior*. 2011. Vol. 27 (5). P. 1658–1664.
- Sanecka 2017 – *Sanecka E.* The dark side of social media: Associations between the Dark Triad of personality, self-disclosure online and selfie-related behaviours [Electronic] // *Journal of Education Culture and Society*. 2017. Vol. 2. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/2bb1/60d2620748ebffebcb0fe90d8840e2c89d8a.pdf> (дата обращения 16 апр. 2019).
- Seidman 2013 – *Seidman G.* Self-presentation and belonging on Facebook: How personality influences social media use and motivations // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 54 (2). P. 402–407.
- Wang et al. 2012 – *Wang J.L., Jackson L.A., Zhang D.J., Su Z.Q.* The relationships among the big five personality factors, self-esteem, narcissism, and sensation-seeking to Chinese University students' uses of social networking sites (SNSs) // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28 (6). P. 2313–2319.

References

- Aluja, A., Blanch, A., Barr, O., Hansenne, M., Garcia, L.F., Valdivia, M., Bell, ja T., Ruch, W., Rossier, J., Suranyi, Z., Glicksohn, J., Di Blas, L., Ostendorf, F., Atitsogbe, K.A., Cekrlja, D., Stivers, A. and Benjemaa, S. (2017), *Social position and dark triad personality: cross-cultural differences* [Online], Warsaw, 24–28 July 2017, available at: <https://www.researchgate.net/publication/318789137> (Accessed 16 Apr 2019).
- Amichai-Hamburger, Y. and Vinitzky, G. (2010), “Social network use and personality”, *Computers in Human Behavior*, vol. 26 (6), pp. 1289–1295.
- Amyaga, N.V. (1998), “Measurement of personal representation of a person in communication”, *Zurnal prakticheskogo psihologa*, no. 1, pp. 42–53.

- Anderson, C., Beer, J.S., Chatman, J.A., Spataro, S.E. and Srivastava, S. (2006), "Knowing Your Place: Self-Perceptions of Status in Face-to-Face Groups", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 91 (6), pp. 1094–1110.
- Anderson, C., Hildreth, J.A. and Howland, L. (2015), "Is the desire for status a fundamental human motive? A review of the empirical literature", *Psychological Bulletin*, vol. 141 (3), pp. 547–601.
- Astrid, S., Bernd, M. and Machilek, F. (2006), "Personality in Cyberspace: Personal Web Sites as Media for Personality Expressions and Impressions", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 90, issue 6, pp. 1014–1031.
- Back, M.D., Egloff, B., Gaddis, S., Gosling, S.D., Stopfer, J.M., Schmukle, S.C. and Vazire, S. (2010), "Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idelization", *Psychological Science*, vol. 21, issue 3, pp. 372–374.
- Belinskaya, E.P. and Gavrichenko, O.V. (2018), "Self-presentation in virtual space: phenomenology and regularities", *Psychological research* [Electronic], vol. 11, no. 60, p. 12, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 16 Aug 2019).
- Belinskaya, E.P. and Marsinkovskaya, T.D. (2018), "Identity in a transitive society: virtuality and reality", in Ershova, R.V. (ed.), *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnyh statej* [Digital society as a cultural-historical context of human development: a collection of scientific articles], Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, Kolomna, pp. 43–48.
- Duspara, B. and Greitemeyer, T. (2017), "The impact of dark tetrad traits on political orientation and extremism: an analysis in the course of a presidential election", *Helyon* [Electronic], vol. 3 (10), available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5680983/> (Accessed 16 Apr 2019).
- Folomeeva, T.V. and Fedotova, S.V. (2018), "Features of images of people of different social statuses among young people", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya i pedagogika* [Electronic], vol. 8, issue 3, pp. 312–322, available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.307> (Accessed 16 Apr 2019).
- Fuglestad, P.T. and Snyder, M. (2010), "Status and the Motivational Foundations of Self-Monitoring", *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 4 (11), pp. 1031–1041.
- Gosling, S.D., Augustine, A.A., Vazire, S., Holtzman, N. and Gaddis, S. (2011), "Manifestations of personality in online social networks: Self-reported Facebook-related behaviors and observable profile information", *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 14 (9), pp. 483–488.
- Hays, N.A. and Bendersky, C. (2015), "Not all inequality is created equal: Effects of status versus power hierarchies on competition for upward mobility", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 108, pp. 867–882.
- Jonason, P.K., Li, N.P. and Teicher, E.A. (2010), "Who is James Bond? The Dark Triad as an agentic social style", *Individual Differences Research*, vol. 8 (2), pp. 111–120.
- Kornilova, T.V. and Chumakova, M.A. (2016), "Approbation of the short questionnaire of the Big five (TIPI, COBT)", *Psychological research* [Electronic], vol. 9, no. 46, pp. 5, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 16 Aug 2019).
- Lange, J., Paulhus, D.L. and Crusius, J. (2014), "Elucidating the Dark Side of Envy: Distinctive Links of Benign and Malicious Envy with Dark Personalities", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 44 (4), pp. 601–614.
- Lee, E., Ahn, J. and Kim, Y.J. (2014), "Personality traits and self-presentation at Facebook", *Personality and Individual Differences*, vol. 69, pp. 162–167.

- Moore, K. and McElroy, J.C. (2012), "The influence of personality on Facebook usage, wall postings, and regret", *Computers in Human Behavior*, vol. 28 (1), pp. 267–274.
- Palmer, J.A. and Tackett, S. (2018), "An Examination of the Dark Triad Constructs with Regard to Prosocial Behavior", *Acta Psychopathol* [Electronic], vol. 4 (1), available at: <http://psychopathology.imedpub.com/an-examination-of-the-dark-triad-constructs-with-regard-to-prosocial-behavior.pdf> (Accessed 16 Apr 2019).
- Preotiuc-Pietro, D., Carpenter, J., Giorgi, S. and Ungar, L. (2016), "Studying the Dark Triad of Personality through Twitter Behavior" [Online], *25th ACM International on Conference on Information and Knowledge Management*, Indianapolis, Indiana, 24-28 October 2016, available at: <http://wwbp.org/papers/darktriad16cikm.pdf> (Accessed 21 Apr 2019).
- Ross, C., Orr, E.S., Sisc, M., Arseneault, J. M., Simmering, M.G. and Orr, R.R. (2009), "Personality and motivations associated with Facebook use", *Computers in Human Behavior*, vol. 25 (2), pp. 578–586.
- Ryan, T. and Xenos, S. (2011), "Who uses Facebook? An investigation into the relationship between the big five, shyness, narcissism, loneliness, and Facebook usage", *Computers in Human Behavior*, vol. 27 (5), pp. 1658–1664.
- Sanecka, E. (2017), "The dark side of social media: Associations between the Dark Triad of personality, self-disclosure online and selfie-related behaviours", *Journal of Education Culture and Society* [Electronic], vol. 2, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/2bb1/60d2620748ebffebcb0fe90d8840e2c89d8a.pdf> (Accessed 16 Apr 2019).
- Seidman, G. (2013), "Self-presentation and belonging on Facebook: How personality influences social media use and motivations", *Personality and Individual Differences*, vol. 54 (2), pp. 402–407.
- Wang, J.L., Jackson, L.A., Zhang, D.J. and Su, Z.Q. (2012), "The relationships among the big five personality factors, self-esteem, narcissism, and sensation-seeking to Chinese University students' uses of social networking sites (SNSs)", *Computers in Human Behavior*, vol. 28 (6), pp. 2313–2319.

Информация об авторах

Елена П. Белинская, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; elena_belinskaya@list.ru

Полина Ю. Прилуцкая, студентка факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11; polina.prilytskaya@yandex.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; Russian state humanitarian University, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; elena_belinskaya@list.ru

Polina Yu. Prilutskaya, student of the faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; polina.prilytskaya@yandex.ru

Сетевое и реальное пространство и время: переживание гармонии и кризиса

Татьяна Д. Марцинковская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tdmartsin@gmail.com*

Светлана В. Преображенская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, s.v.preobr@yandex.ru*

Владимир А. Карпук

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
karpuk_va@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются понятия персонального и социального хронотопов, которые связываются с разными видами виртуальных хронотопов и разными фазами транзитивности. Рассматривается связь между этими хронотопами, а также существенные различия в их содержании. Раскрываются детерминанты, определяющие стили поведения и эмоции людей в ситуациях транзитивности и виртуальной коммуникации. Доказывается необходимость изучения переживаний, связанных с реакцией на различные по интенсивности и знаку стимулы, относящиеся к разным видам реального и виртуального пространства. Представлены результаты экспериментального исследования особенностей восприятия вербальных стимулов, отражающих виртуальное и реальное пространства. Выборку данного пилотажа составили молодые люди (N=22) в возрасте от 19 до 23 лет (средний возраст – 22 года). Полученные результаты выявили похожие эмоциональные реакции – одинаковые по силе и знаку стимулы, относящиеся к разным пространствам. При этом одинаковыми являются не только интенсивность, но и динамика эмоциональных реакций. Сходство в ответах показывает и сходство в отношении к этим пространствам, что связано, прежде всего, с постоянным (или почти постоянным) пребыванием молодых людей в обоих пространствах одновременно.

Ключевые слова: хронотоп, виртуальное пространство, социальное пространство, транзитивность, переживания

Для цитирования: Марцинковская Т.Д., Преображенская С.В., Карпук В.А. Сетевое и реальное пространство и время: переживание гармонии и кризиса // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №4. С. 131-144. DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-131-144

Network and real space and time: the emotional experience of harmony and crisis

Tatiana D. Martsinkovskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, tdmartsin@gmail.com*

Svetlana V. Preobrazhenskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, s.v.preobr@yandex.ru*

Vladimir A. Karpuk

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, karpuk_va@mail.com*

Abstract. The article analyzes the concepts of personal and social chronotopes that are associated with different types of virtual chronotopes and different phases of transitivity. The relationship between these chronotopes and significant differences in their contents are analyzed. The determinants that regulate the styles of behavior and emotions of people in situations of transitivity and virtual communication are revealed.

The necessity of studying experiences associated with the reaction to stimuli of different intensity and sign related to different types of real and virtual space is proved. The results of an experimental study of the perception of verbal stimuli reflecting virtual and real spaces are presented. A sample of this research consists of young people (N = 22) aged 19 to 23 years (average age – 22 years). The obtained results revealed similar emotional reactions to the same stimulus relating to different spaces both in strength and sign. At the same time, not only the intensity, but also the dynamics of emotional reactions are the same. The similarity in answers also shows similarities in attitude to these spaces, which is connected, first of all, with the constant (or almost constant) stay of young people simultaneously in both spaces.

Keywords: chronotope, virtual space, social space, transitivity, emotional experiences

For citation: Martsinkovskaya TD, Preobrazhenskaya SV, Karpuk VA. Network and real space and time: the emotional experience of harmony and crisis. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019;4:131-144. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-131-144

Введение

Стал уже аксиомой тот факт, что пространство и время в современном мире стремительно изменяются. Эти изменения затрагивают жизнь людей в нескольких временных и пространственных измерениях. Речь идет не только о трехмерном пространстве реальности, но также и о трех измерениях времени - прошлое, настоящее и будущее. Поэтому изменения можно представить как постоянное соотношение между шестью параметрами пространства и времени [Марцинковская 2015а; Марцинковская, Балашова 2017]. Нельзя забывать и о том, что жизнь проходит параллельно в социальном (объективном) и персональном (субъективном) пространстве и времени. Такое многомерное число возможных сочетаний не только усиливает несоответствие между разными составляющими пространства и времени, но и часто приводит к дисгармонии между личностной оценкой человеком ситуации, его отношением к происходящему в настоящем или произошедшему в прошлом, а также его предчувствием будущих изменений.

Естественно, что для каждого человека на первый план выходит именно его отношение к объективному пространству и времени, но субъективное пространство-время – персональный хронотоп – всегда с необходимостью соотносится с внешними, социальными изменениями. Конечно, человек может отгородиться от внешнего мира барьерами разной степени жесткости, может выстроить свою самость, свою экзисферу [Рубинштейн 2012; Гришина 2011], однако осознание дисгармонии (серьезной или небольшой) при этом всегда присутствует.

Но в последние десятилетия появляется новая сфера, охватывающая именно персональное пространство и время, – сфера виртуальности, которую человек сам выстраивает для себя и под себя. Появление виртуального параметра дает и большую свободу для самореализации и, в то же время, усиливает дисгармонию, гетерохронность разных сфер жизни, разных хронотопов. Одновременно актуализируется и стремление к гармонизации хронотопа, к целостности идентичности – социокультурной, личностной, а часто и соматической. [Марцинковская 2015б]. Уход от реальности, барьеры, выстраиваемые человеком в виртуальном пространстве–времени, гораздо более непроницаемы для внешнего мира, чем барьеры экзисферы. Такой «уход» от реальности в виртуальный хронотоп не только более кардинален, чем уход в персональный хронотоп, но и осуществляется намного легче. Он не требует высокой степени духовности и/или рефлексии, что делает этот путь достаточно распространенным и возможным даже для детей.

Возможность сконструировать собственную реальность является как одним из достоинств, так и одной из опасностей виртуального пространства-времени.

Не менее важно в настоящее время и исследование нестабильности, транзитивности окружающего мира. Можно говорить о том, что для современности – и реальной, и виртуальной – характерна непрерывность процесса изменений, которые происходят как бы параллельно в сети и в реальности, но всегда с неопределенным исходом. При этом множество вариантов и контекстов происходящего, множество возможных выборов питает транзитивность, которая постоянно переходит из мягкой, текучей, в жесткую, кризисную и обратно.

Феноменологически можно говорить о многих сходных чертах, объединяющих реальные и виртуальные хронотопы. Объективное пространство и время жизни людей в транзитивном мире с разной степенью гармонии связано с тем субъективным конструктом пространства и времени, который человек выстраивает в виртуальном мире. Можно также предположить сходство разных видов транзитивности (кризисной и текучей) с различными видами работы в виртуальности (on-line и off-line).

Возможно, что переходы от кризисной к текучей транзитивности и обратно отражают изменения, происходящие в обществе. А изменения в виртуальности, происходящие при доминировании разных стилей работы, по всей видимости, отражают перемены, происходящие в картине мира конкретного человека.

Поэтому важно понять траектории поведения, состояния людей в ситуации разных изменений, при разных видах транзитивности и разных вариантах интернет-коммуникации. Детерминанты, определяющие эти индивидуальные стили поведения и состояния, могут быть как социальные, культурные, так и личностные. Если социальные факторы более или менее исследованы, то личностные траектории и стили деятельности в Интернете пока изучены мало. И практически совсем не исследованы переживания людей, включенных в разные стили реальной и сетевой коммуникации и разные фазы транзитивности.

И здесь, возможно, имеет смысл вернуться к понятию внутренней форма психологического хронотопа. Внутренняя форма отражает степень гармонии/дисгармонии разных частей хронотопа, в ней отчетливо можно выделить переживания, связанные с определенными моментами или конкретными положениями человека на реальном жизненном пути или в виртуальном мире.

Методы исследования и характеристика выборки

Целью исследования было изучение отношения к вербальным стимулам, отражающим сетевую и реальную транзитивность. Исследование проводилось при помощи аппаратной методики комплекса биорезонансного тестирования с биологической обратной связью ДИАНЕЛ-22S-ИОН на базе Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ г. Москвы. Общая численность выборки – 22 студента (N=22). Среди них 15 девушек и 7 юношей в возрасте от 19 до 23 лет (средний возраст – 22 года).

На первом этапе исследования тщательно подбирались набор стимульных слов. Всего было использовано пять блоков слов-стимулов: положительный фон (счастье, веселье, любовь, спокойствие, доброта, друг); нейтральный фон (родина, свобода, земля, молоко, воздух, мечта); отрицательный фон (грусть, злость, беспокойство, ревность, сожаление, усталость); транзитивный фон (кризисные ситуации, изменение ценностей, неопределенность, множественность контекстов, чужая культура, этноцентризм); виртуальный фон (социальные сети, виртуальность, Инстаграмм, Вконтакте, геймер, Интернет). Блоки создавались на основе наиболее частой оценки слова как несущего положительный/нейтральный/отрицательный смысл независимой группой студентов. Исследуемые блоки формировались на основе выбора экспертной группы психологов.

На втором этапе исследования проходили замеры в группе студентов. В комнату по одному заходили испытуемые, снимали металлические предметы (кольца, браслеты, часы), садились в удобную, расслабленную позу и заполняли небольшую анкету социометрических данных с целью настройки на спокойное состояние и минимизацию вербального фона. Затем в течение 40 секунд замерялся общий фон кожно-гальванической реакции испытуемого; далее предъявлялись стимульные блоки слов с перерывом 2 секунды между словами блока и 5 секунд между блоками.

Обработка полученных данных по выборке испытуемых проводилась при помощи пакета статистических программ STATISTICA 12.0.

Результаты исследования

На первом этапе анализа мы разбили выборку по половому признаку с целью выявления различий в реакциях по критерию Mann-Whitney U-test. Значимых различий в реакциях юношей и девушек обнаружено не было, так как слова-стимулы не имели гендерной специфики.

Таблица 1

Различия между мужчинами и женщинами по Mann-Whitney

U Test

Переменные	Z	p-value
Aj - ЛФ	0,352	0,724
Aj - ПФ	-0,141	0,888
Aj - ЛП	0,352	0,724
Aj - ПП	-0,141	0,888
Aj - ЛН	0,352	0,724
Aj - ПН	-0,141	0,888
Aj - ЛО	0,211	0,833
Aj - ПО	-0,141	0,888
Aj - ЛТ	0,141	0,888
Aj - ПТ	-0,141	0,888
Aj - ЛВ	0,141	0,888
Aj - ПВ	-0,141	0,888

Примечание. * значимых различий в КГР не выявлено по всем сетам.

Далее мы сравнили все сеты внутри группы по наличию изменений реакции по критерию Friedman test. По данным анализа видно, что, по сравнению с фоновой активностью КГР, у группы испытуемых присутствуют изменения как по левому каналу записи, так и по правому в период предъявления вербальных стимулов.

Далее рассмотрим реакции по левому и правому каналу записи отдельно. Как видно на рисунке 1, по левому каналу наблюдается снижение активности при предъявлении положительных стимулов по сравнению с записью фоновой активности испытуемых. При предъявлении нейтральных стимулов, как показано на графике, активность равна исходному фону. Заметный всплеск активности КГР наблюдается при предъявлении отрицательных стимулов, который заметно повышается при предъявлении специальных блоков, отражающих сетевую и реальную транзитивность.

Таблица 2

Анализ повторных измерений при помощи непараметрического критерия Фридмана

Friedman ANOVA and Kendall Coeff. of Concordance (Spreadsheet1) ANOVA Chi Sqr. (N = 22, df = 11) = 66,83916 p = ,00000 Coeff. of Concordance = ,27619 Aver. rank r = ,24173				
Переменные	Average rank (средний ранг)	Sum of rank (сумма рангов)	Mean (средние значения)	Std.Dev. (стандартн ое отклонение)
Aj - ЛФ	4,364	96,000	394,689	146,066
Aj - ПФ	8,091	178,000	443,459	156,940
Aj - Лп	3,318	73,000	393,956	145,981
Aj - Пп	7,182	158,000	442,493	157,059
Aj - ЛН	3,909	86,000	395,596	147,048
Aj - ПН	7,364	162,000	444,621	156,962
Aj - ЛО	5,500	121,000	400,498	146,736
Aj - ПО	8,409	185,000	449,277	156,274
Aj - ЛТ	6,136	135,000	402,370	146,945
Aj - ПТ	8,818	194,000	451,450	156,635
Aj - ЛВ	6,364	140,000	403,405	147,808
Aj - ПВ	8,545	188,000	452,117	156,876

Примечание. * значимость результата на уровне $-P < 0,001$.

Заметный всплеск активности КГР наблюдается при предъявлении отрицательных стимулов, который повышается при предъявлении специальных блоков, отражающих сетевую и реальную транзитивность.

Полученные данные можно объяснить следующим образом: снижение общей активности в момент предъявления положительного фона отражает ощущения спокойствия и принятия образов, вызванных вербальными стимулами, а также подтверждает, что у выбранной аудитории набор предлагаемых слов вызывает положительные ассоциации. Нейтральные стимулы не несут в себе какого-либо

Таблица 3

Средние значения по сетам, левый канал

Переменные	Mean (средние значения)
Aj - ЛФ	394,689
Aj - ЛП	393,956
Aj - ЛН	395,596
Aj - ЛО	400,498
Aj - ЛТ	402,370
Aj - ЛВ	403,405

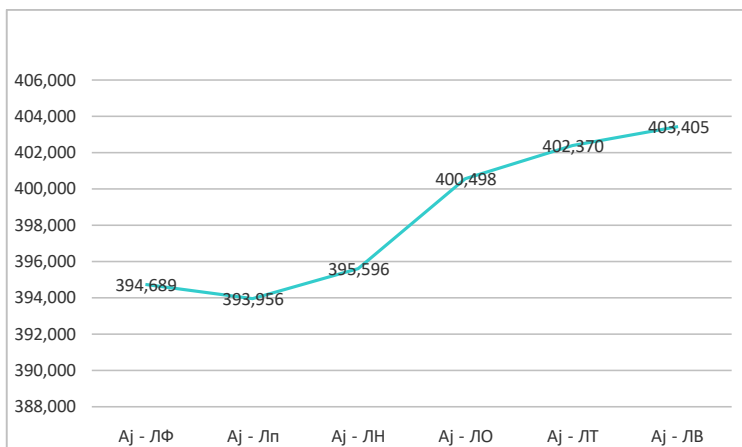

Рис. 1. Изменение КГР по сетам (левый канал)

эмоционального заряда и сравнимы в количественном и качественном значениях с фоновой активностью, записанной в состоянии покоя. Как и следовало ожидать, отрицательно заряженные стимулы сопровождаются более эмоционально-яркой реакцией, чем положительные. Вербальные блоки в ходе эксперимента вызвали у участников исследования наиболее эмоционально-яркую реакцию, особенно стимулы, описывающие сетевую транзитивность.

Данные результаты свидетельствуют о высоком уровне значимости сетевого пространства для современной молодежи, что обнаружилось в ходе беседы с испытуемыми после проведения эксперимента. Часть выборки подтвердила положительную реакцию на слова блока

сетевой транзитивности как отражающие их ежедневную активность, общение с друзьями, досуг. Молодые люди также отметили, что в сетевом пространстве можно намного быстрее найти нужную информацию по учёбе, что позволяет эффективно сэкономить время при подготовке заданий. Другая часть выборки проявила отрицательную реакцию на слова блока сетевой транзитивности как чуждые традиционным ценностям, навязанные современной модой и отвлекающие от учебы и культурного развития собственной личности. Ортодоксальные взгляды этих молодых людей, принадлежащих преимущественно к иным национальностям, связаны с идеологией более старшего поколения. Молодые люди этой группы подчеркнули наличие традиционного семейного воспитания, основанного на уважении к старшим родственникам и сохранении традиций. Несмотря на эмоционально противоположный характер восприятия стимулов блока сетевой транзитивности, по количественным характеристикам реакция была одинаково сильной у обеих групп молодых людей. Этот факт еще раз подчеркивает огромное влияние, которое оказывают Интернет-технологии на современное социальное пространство.

Стимулы, отражающие реальную транзитивность времени-пространства, также отличались достаточно высокой кожно-гальванической реакцией группы испытуемых. Судя по опросу участников эксперимента, эта реакция была вызвана индивидуальным отношением конкретного испытуемого к отдельным словам блока, имеющим для него важное значение. Таким образом, можно говорить о том, что вербальные стимулы, описывающие множественность контекстов как реального, так и виртуального пространства, находят активный отклик у современной молодежи.

Таблица 4 Средние значения по сетам, правый канал

Переменные	Mean (средние значения)
Aj – ПФ	443,459
Aj – ПП	442,493
Aj – ПН	444,621
Aj – ПО	449,277
Aj – ПТ	451,450
Aj – ПВ	452,117

Как видно на графике (Рис. 2), данные, полученные по правому каналу записи фоновой активности, полностью подтверждают результаты анализа записи активности по левому каналу.

Далее для подтверждения имеющихся данных мы провели анализ парных сравнений внутри группы по критерию Wilcoxon signed-rank test.

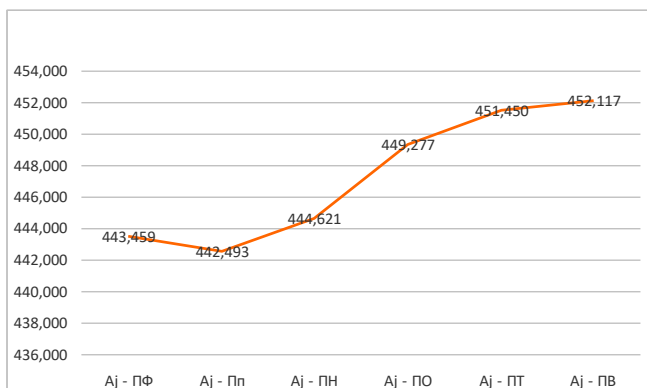

Рис. 2 Изменение КГР по сетам (правый канал)

Таблица 5 Средние значения по сетам

Переменные	Mean (средние)
Aj - ЛФ	394,69
Aj - ПФ	443,46
Aj - Лп	393,96
Aj - Пп	442,49
Aj - ЛН	395,60
Aj - ПН	444,62
Aj - ЛО	400,50
Aj - ПО	449,28
Aj - ЛТ	402,37
Aj - ПТ	451,45

Aj - ЛВ	403,41
Aj - ПВ	452,12

В таблице 5 приведены сравнения каждого сета друг с другом по данным записи левого канала активности кожно-гальванической реакции, которые подтверждают полученные выше результаты. Действительно, значимых изменений не зафиксировано в следующих парах: фоновая активность – нейтральный фон; транзитивный фон – виртуальный фон.

Таблица 6 Wilcoxon Matched Pairs Test (левый канал)

Pair of Variables (Пары переменных)	Valid	Z	p-value
Aj - ЛФ & Aj - ЛП	22*	2,613*	0,009*
Aj - ЛФ & Aj - ЛН	22	0,308	0,758
Aj - ЛФ & Aj - ЛО	22*	3,165*	0,002*
Aj - ЛФ & Aj - ЛТ	22*	2,549*	0,011*
Aj - ЛФ & Aj - ЛВ	22*	2,289*	0,022*
Aj - ЛП & Aj - ЛФ	22*	2,613*	0,009*
Aj - ЛП & Aj - ЛН	22*	2,127*	0,033*
Aj - ЛП & Aj - ЛО	22*	3,652*	0,000*
Aj - ЛП & Aj - ЛТ	22*	2,971*	0,003*
Aj - ЛП & Aj - ЛВ	22*	2,484*	0,013*
Aj - ЛН & Aj - ЛФ	22	0,308	0,758
Aj - ЛН & Aj - ЛП	22*	2,127*	0,033*
Aj - ЛН & Aj - ЛО	22*	3,328*	0,001*
Aj - ЛН & Aj - ЛТ	22*	2,776*	0,006*
Aj - ЛН & Aj - ЛВ	22*	2,451*	0,014*
Aj - ЛО & Aj - ЛФ	22*	3,165*	0,002*
Aj - ЛО & Aj - ЛП	22*	3,652*	0,000*
Aj - ЛО & Aj - ЛН	22*	3,328*	0,001*
Aj - ЛО & Aj - ЛТ	22*	2,191*	0,028*
Aj - ЛО & Aj - ЛВ	22*	2,224*	0,026*
Aj - ЛТ & Aj - ЛФ	22*	2,549*	0,011*
Aj - ЛТ & Aj - ЛП	22*	2,971*	0,003*
Aj - ЛТ & Aj - ЛН	22*	2,776*	0,006*
Aj - ЛТ & Aj - ЛО	22*	2,191*	0,028*
Aj - ЛТ & Aj - ЛВ	22	1,445	0,149
Aj - ЛВ & Aj - ЛФ	22*	2,289*	0,022*
Aj - ЛВ & Aj - ЛП	22*	2,484*	0,013*
Aj - ЛВ & Aj - ЛН	22*	2,451*	0,014*
Aj - ЛВ & Aj - ЛО	22*	2,224*	0,026*
Aj - ЛВ & Aj - ЛТ	22	1,445	0,149

Примечание. * - показаны значимые различия.

Таблица 6 содержит итоги сопоставления каждого сета друг с другом по записям правого канала активности кожно-гальванической ре-

акции. Здесь мы видим меньшее количество значимых различий в росте активности, кроме пар: фоновая активность - нейтральный фон и транзитивный фон - виртуальный фон. Также не зафиксированы различия в следующих парах: положительный фон-нейтральный фон и отрицательный фон - виртуальный фон.

Таблица 7 Wilcoxon Matched Pairs Test (правый канал)

Pair of Variables (Пары переменных)	Valid	Z	p-value
Aj - ПФ & Aj - Пп	22*	3,068*	0,002*
Aj - ПФ & Aj - Пн	22	0,049	0,961
Aj - ПФ & Aj - По	22*	2,127*	0,033*
Aj - ПФ & Aj - Пт	22*	2,419*	0,016*
Aj - ПФ & Aj - Пв	22*	1,997*	0,046*
Aj - Пп & Aj - ПФ	22*	3,068*	0,002*
Aj - Пп & Aj - Пн	22	1,153	0,249
Aj - Пп & Aj - По	22*	2,678*	0,007*
Aj - Пп & Aj - Пт	22*	2,776*	0,006*
Aj - Пп & Aj - Пв	22*	2,321*	0,020*
Aj - Пн & Aj - ПФ	22	0,049	0,961
Aj - Пн & Aj - Пп	22	1,153	0,249
Aj - Пн & Aj - По	22*	3,036*	0,002*
Aj - Пн & Aj - Пт	22*	2,841*	0,005*
Aj - Пн & Aj - Пв	22*	2,191*	0,028*
Aj - По & Aj - ПФ	22*	2,127*	0,033*
Aj - По & Aj - Пп	22*	2,678*	0,007*
Aj - По & Aj - Пн	22*	3,036*	0,002*
Aj - По & Aj - Пт	22*	2,224*	0,026*
Aj - По & Aj - Пв	22	1,282	0,200
Aj - Пт & Aj - ПФ	22*	2,419*	0,016*
Aj - Пт & Aj - Пп	22*	2,776*	0,006*
Aj - Пт & Aj - Пн	22*	2,841*	0,005*
Aj - Пт & Aj - По	22*	2,224*	0,026*
Aj - Пт & Aj - Пв	22	0,471	0,638
Aj - Пв & Aj - ПФ	22*	1,997*	0,046*
Aj - Пв & Aj - Пп	22*	2,321*	0,020*
Aj - Пв & Aj - Пн	22*	2,191*	0,028*
Aj - Пв & Aj - По	22	1,282	0,200
Aj - Пв & Aj - Пт	22	0,471	0,638

Примечание. * - показаны значимые различия.

Заключение

Важным параметром, демонстрирующим связь между двумя видами пространства, является эмоциональная реакция на эмоционально заряженные стимулы. При этом эмоциональная реакция подчиняется традиционным законам эмоциональных переживаний: отрицательные

стимулы вызывают более яркую реакцию, чем положительные, и интенсивность реакции нарастает от стимула к стимулу.

Сходство в ответах показывает и сходство в отношении к этим пространствам, прежде всего к стрессовым или вызывающим напряжение ситуациям в условиях кризисной транзитивности и on-line коммуникации.

Смещение сетевой и реальной ситуаций является постоянным для большинства юношей и девушек. Видимо, именно в этом следует искать основу тесной связи виртуального и транзитивного миров.

Тревожным фактом служит негативная реакция на современную сетевую реальность молодых людей, придерживающихся ортодоксального мировоззрения. Их в современной постоянно меняющейся и требующей мгновенных реакций действительности это может стать причиной не только их дезадаптации, но и асоциальности.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18- 00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия».

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation project No 19-18- 00516 “Transitive and virtual spaces - community and differences”.

Литература

- Гришина 2011 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. 2011. Вып. 4. С. 109–116.
- Марцинковская 2015a – *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
- Марцинковская 2015b – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. №42. 1 с.
- Рубинштейн 2012 – *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Марцинковская, Балашова 2017 – *Марцинковская Т.Д., Балашова Е.Ю.* Категория хронотона в психологии // Вопросы психологии. 2017. №6. С. 56–67.

References

- Grishina, N.V. (2011), “Man's existential problems as a life challenge”, *Vestnik St. Petersburg University*, Seriya 12, Psychology. Sociology, vol. 4, pp. 109-116.
- Martsinkovskaya, T.D. (2015a), *Problema socializacii v istoriko-geneticheskoj paradigme* [The problem of socialization in the historical and genetic paradigm], Smysl, Moscow, Russia.

- Martsinkovskaya, T.D. (2015b), "Modern psychology – the challenges of transitivity", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 8, no. 42, p. 1.
- Rubinstein, S.L. (2012), *Chelovek i mir* [Man and the world], Peter, St.-Petersburg, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D. and Balashova E.Yu. (2017), "Category of the chronotope in psychology", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 6, pp. 56–67.

Информация об авторах

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6; tdmartsin@gmail.com

Светлана В. Преображенская, аспирантка, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6; s.v.preobr@yandex.ru

Владимир А. Карпук, магистрант Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6; karpuk_va@mail.ru

Information about the author

Tatiana D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993; tdmartsin@gmail.com

Svetlana V. Preobrazhenskaya, graduate students, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993; s.v.preobr@yandex.ru

Vladimir A. Karpuk, graduate students Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993; karpuk_va@mail.ru

Вселенная супергероев как пространство
идентификации и социализации
в условиях транзитивности

Василиса Р. Орестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, v.r.orestova@gmail.com*

Дарья П. Ткаченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Владимир А. Карпук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, karpuk_va@mail.ru*

Аннотация. Работа посвящена изучению роли современного кинематографа в процессе идентификации и социализации человека в условиях транзитивности. Рассматривается популярное направление мирового кинематографа – культура супергероев. Обсуждается место кинофильмов о супергероях в массовой культуре и субкультуре. Анализируется значение образа супергероя и его истории для зрителя наших дней. Приводятся примеры использования супергеройского контента в психологической практике. Исследуется место супергеройки и ее связь с социальными и личностными проблемами людей в современном обществе. Излагаются результаты исследования, проведенного на 134 респондентах в возрасте от 17 до 37 лет (99 женщин и 35 мужчин), по выявлению связи характеристик идентичности с особенностями предпочтений в рамках культуры супергероев. Сравняются результаты, полученные от респондентов с разной степенью вовлеченности в культуру супергероев по характеристикам идентичности. Анализируются корреляционные связи компонентов идентичности и параметров описаний предпочитаемых супергероев. Подтверждается гипотеза о связи характеристик идентичности с предпочтениями в культуре супергероев. Делается вывод о значении супергеройки для понимания текущих процессов идентификации и социализации в транзитивном мире.

Ключевые слова: кинематограф, культура супергероев, транзитивность, идентичность, социализация, субкультура

Для цитирования: Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Карпук В.А. Вселенная супергероев как пространство идентификации и социализации в условиях транзитивности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 4. С. 145–156. DOI:10.28995/2073-6398-2019-4-145-156

The universe of superheroes as a space of identification and socialization in conditions of transitivity

Vasilisa R. Orestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, v.r.orestova@gmail.com*

Daria P. Tkachenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Vladimir A. Karpuk

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, karpuk_va@mail.ru*

Abstract. The work is devoted to the study of the importance of modern cinema for the processes of identification and socialization of modern people in conditions of transitivity. The culture of superheroes is considered as the most popular direction of world cinema. The place of cinema about superheroes in popular culture and subculture is discussed. The significance of the image of a superhero and his story for a modern viewer is analyzed. Examples of the use of superhero's content in psychological practice are given. The place of the image of superhero in modern society and its connection with the social and personal problems of modern people are examined. A study conducted on 134 respondents aged 17 to 37 years, including 99 women and 35 men, is presented. The study aims to identify the connection between the characteristics of identity and the characteristics of preferences in the culture of superheroes. The results of comparing the identities of respondents with varying degrees of involvement in the culture of superheroes are presented. The analysis of correlations between components of identity and parameters of descriptions of preferred superheroes is given. Hypothesis about the connection of identity with preferences in the culture of superheroes is confirmed. The conclusion is drawn on the importance of superheroes for understanding the processes of identification and socialization in the modern transitive world.

Keywords: cinema, culture of superheroes, transitivity, identity, socialization, subculture

For citation: Orestova VR., Tkachenko DP, Karpuk VA. The universe of superheroes as a space of identification and socialization in conditions of transitivity. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019; 4:145-156. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-145-156

Введение

Индустрия современного мирового кинематографа теснейшим образом связана с транзитивной реальностью развития социума. С одной стороны, ввиду своей популярности и распространению по всему миру, кино является прекрасным источником информации об особенностях процессов идентификации и социализации его зрителей. С другой – стремление к востребованности будущих фильмов и их финансовому успеху заставляет работников киноиндустрии уделять особое внимание даже незначительным колебаниям общественных настроений, что дает возможность кинопроизводителям создавать специфическое пространство киновселенной, позволяющее зрителям безопасно переживать кризисы, достраивать идентичность и активно социализироваться в транзитивной действительности. К тому же кинематограф обладает прогностической ценностью для понимания и воссоздания тех тенденций, которые впоследствии «кристаллизуются в новую повседневность» [Марцинковская 2015].

Таким образом кино выходит далеко за рамки средства приятного времяпровождения и получения новых впечатлений. Сегодня зритель – не просто потребитель кинопродукции, а законодатель кинематографических тенденций. Крупнейшие мировые кинокомпании ориентируются прежде всего на те социально-психологические проблемы, которые являются наиболее актуальными в мировом сообществе. Кинопроизводители США регулярно привлекают к сотрудничеству различные организации, изучающие значимые социальные и психологические явления и выявляющие актуальные потребности массового зрителя [Салахиева-Талал 2019].

В наши дни не существует более популярного и успешного массового продукта кинематографа, чем фильмы, основанные на комиксах о супергероях. Согласно последним статистическим данным, именно фильмы о людях со сверхспособностями производства киновселенной Марвел (The Marvel Cinematic Universe) занимают лидирующие позиции по сумме сборов в мировом кинопрокате, обгоняя при этом «Звездные войны», фильмы о Гарри Поттере и «Властелин колец».

Безусловно, зрительный ряд фильмов, наличие в них спецэффектов, динамично развивающегося сюжета и ярких персонажей – важная

причина популярности среди зрителей, но не единственная. Ключевыми источниками зрительской симпатии являются психологические особенности самих зрителей наряду с их потребностями, которые раскрываются и удовлетворяются благодаря этим фильмам. Как считает доктор Робин С. Розенберг [Rosenberg 2013], специализирующаяся на изучении супергероики, мы симпатизируем супергероям, потому что они демонстрируют смелое и альтруистичное поведение, спасая обычных людей. За их суперспособностями и технологичными костюмами скрыты простые человеческие качества. Наше недавнее исследование [Орестова, Ткаченко 2018] показало, что абсолютное большинство зрителей предпочитает видеть в супергероях качества, присущие обычному человеку: чувство юмора, эмоциональную чувствительность, жертвенность и хороший самоконтроль. При этом наиболее значимым в супергеройских историях является доступность пониманию рядового зрителя сюжета фильма и возникающих в жизни героев трудностей и конфликтов, что создает оптимальные условия для идентификации киноаудитории с персонажем. Следуя за героем повествования, мы в состоянии проследить связь между его возможностями и своими собственными и можем увидеть путь к самосовершенствованию и изменению мира вокруг [Rosenberg 2013].

На этом эффекте построено такое направление в психотерапии как Superhero Therapy (Супергеройская терапия), автор которой клинический психолог Янина Скарлет (Janina Scarlet) предлагает юным пациентам совершить «героическое» путешествие к гармонии с собой через принятие и сопричастность. Суть метода заключается в интеграции истории любимого героя, с которым пациент идентифицируется, в то или иное терапевтическое направление и получение доступа к собственным переживаниям. Благодаря схожим проблемам и внутриличностным конфликтам, пациент раскрывает в себе и осознает те чувства, которые обычно ускользают от сознания. А позитивный опыт преодоления и гармонизации, который достигает герой, вселяют надежду и позволяют найти в себе силы для преодоления собственных проблем [Fradkin 2017].

Таким образом, повествования о людях с суперспособностями содержат в себе колоссальный потенциал как для понимания психологических процессов, так и для воздействия на них. Для современного человека подобного рода фильмы – это не просто успешный коммерческий продукт или хорошо разрекламированный бренд: супергероика представляет собой субкультурный феномен, объединяющий огромное количество людей разного возраста и социального статуса, проникающий и довольно успешно интегрируемый в ценностно-смысловые системы различных общностей и групп.

С точки зрения современных представлений о субкультуре [Марцинковская 2014], в основе ее зарождения лежат значимые индивидуальные и общественные процессы, структурируемые различными внешними атрибутами принадлежности к группе. При этом основой процесса включения нового члена в ту или иную субкультуру служит совпадение групповых и индивидуальных ценностей и норм, поддерживающих индивидуализацию и социализацию конкретного человека. И именно истории о супергероях воспроизводят распространенные социокультурные конфликты и проблемы, транслируют общечеловеческие ценности и предлагают способы решения, реализация которых отнюдь не требует сверхчеловеческих способностей.

Популярные герои комиксов и сюжеты их историй возникали в определенные исторически трудные периоды развития североамериканского общества и отражали ключевые проблемы политической и социальной сфер. Постепенно в историях героев со суперспособностями стало наблюдаться все большее смещение акцентов на экзистенциальную проблематику, затрагивающую прежде всего чисто человеческие конфликты и переживания. Именно поэтому сегодня истории из комиксов, некогда популярных преимущественно среди детей и небольшой группы взрослых, стали частью мирового достояния и плотно вросли в современную культуру. По сути, эти фильмы являются доступным пространством коммуникации для обсуждения социальных проблем [Кузнецова, Бабаева 2017].

Осознание значимости кинематографа для изучения психологии современного человека через призму наиболее востребованных и популярных тенденций кино привело нас к проведению исследования, результаты предыдущих этапов которого были отражены в предшествующих публикациях [Орестова, Ткаченко 2018, Орестова, Ткаченко 2019]. На данном этапе мы поставили *цель* – исследовать связь характеристик идентичности представителей молодого поколения (с разной степенью вовлеченности в супергеройскую культуру) с особенностями их оценки персонажей (супергероев). *Общей гипотезой* стало предположение о наличии выраженной взаимосвязи между степенью погруженности в культуру супергероев и особенностями идентичности.

В дальнейшем данная гипотеза конкретизировалась в нескольких *эмпирических гипотезах*:

1. Респонденты с высоким уровнем вовлеченности в культуру супергероев отличаются низкими показателями социализированности и выраженной неструктурированностью идентичности.

2. Низкие показатели структурированности и гармоничности идентичности связаны с предпочтением суперспособностей у су-

пергероев и высокими показателями совпадений элементов при самоописании с характеристиками героев.

Методы исследования

- Опросник «Сила Эго» (модификация Марцинковской Т.Д., Гавриченко О.В.);
- Методика «Кто Я» М. Кун, Т. МакПартленд (модификация Т.Д. Марцинковской);
- Анкета, включающая открытые вопросы о том, в каком возрасте произошло знакомство с супергеройской тематикой, что именно привлекает в данном контенте, какой герой/злодей вселенной супергероев является предпочитаемым и какие качества героя в большей степени привлекают респондентов.

Характеристика выборки

Выборку составили 134 респондента, среди которых было 99 женщин и 35 мужчин в возрасте от 17 до 37 лет. Все респонденты были уведомлены о целях исследования и дали свое согласие на обработку данных и дальнейшее их использование в научных работах.

Методы анализа данных

Обработка проводилась с применением пакета статистических программ STATISTICA 12.0. Различия между выделенными группами оценивались при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни (Mann-Whitney U-test), корреляционные связи между показателями проверялись с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, средние по группам были получены средствами описательной статистики.

Результаты исследования

Для проверки гипотезы о связи разных аспектов идентичности со степенью погруженности человека в культуру супергероев нами были выделены три уровня вовлеченности. Под вовлеченностью понимается степень заинтересованности в просмотре контента на данную тематику (фильмы, мультфильмы, комиксы и т.д.), готовность к посещению различных мероприятий, а также желание приобретать различную тематическую продукцию (мерч). Группу респондентов с низким уровнем вовлеченности составили 27 респондентов, со средним – 64, с высоким – 43 респондента.

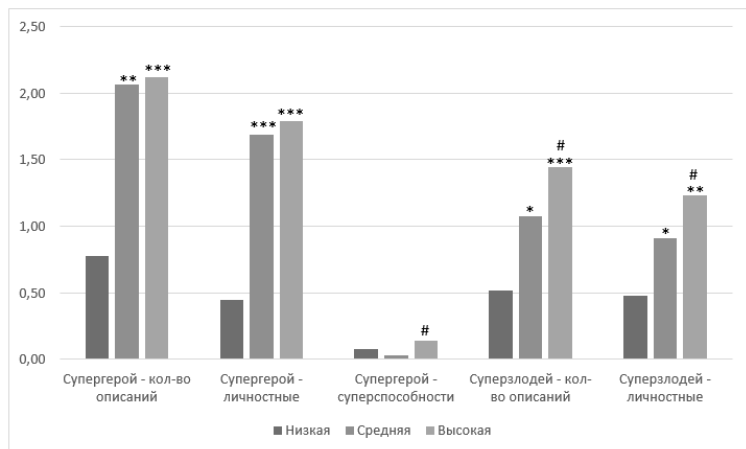

Рис. 1а. Различия между группами с разной степенью вовлеченности в супергеройскую культуру.

Примечания. Уровень значимости отличия от группы «Низкая»: * - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$; от группы «Средняя»: # - $p < 0,05$.

Респонденты с низким уровнем вовлеченности дают значимо меньше описаний супергероев и суперзлодеев, чем респонденты со средним и высоким уровнями (рис.1а). При этом, респонденты с высоким уровнем вовлеченности значимо чаще выделяют в любимых персонажах личностные характеристики, а также суперспособности. Очевидно, эти результаты объясняются осведомленностью и погруженностью в интересующий контент, что позволяет вовлеченным в супергероику респондентам лучше узнавать и понимать личности героев. Кроме того, значимость суперспособностей для них может быть одной из причин, почему они предпочитают супергеройскую тематику.

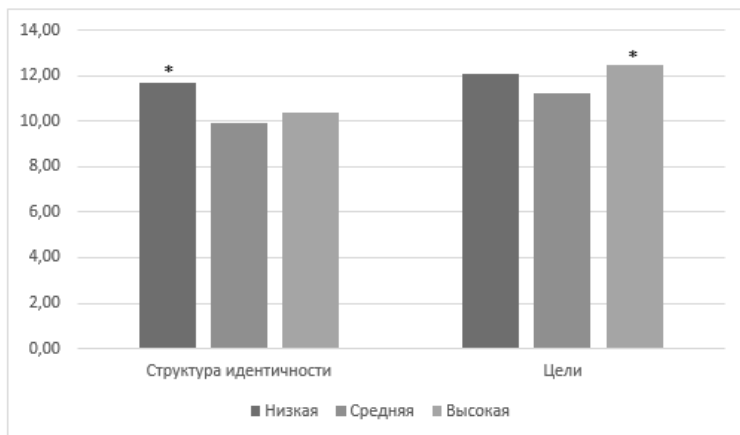

Рис. 16. Различия между группами с разной степенью вовлеченности в супергеройскую культуру.

Примечания. Уровень значимости отличия от группы «Средняя»: * - $p < 0,05$.

Исходя из сравнения респондентов по степени вовлеченности в культуру супергероев, мы можем говорить о ее значимости не только для понимания образа супергероя/суперзлодея, но также для выявления различных аспектов идентичности.

Респонденты со средним уровнем заинтересованности в культуре супергероев отличаются слабой структурированностью идентичности (в сравнении с респондентами с низкой вовлеченностью) и низкими показателями осмысленности и направленности деятельности (в сравнении с респондентами с высокой) (Рис. 16).

Согласно полученным результатам, респонденты с низкой вовлеченностью в супергеройскую культуру демонстрируют хорошо развитую структуру идентичности. Можно предположить, что им не требуется дополнительное виртуальное пространство для структурирования и осознания своей идентичности через яркие образы и сюжеты, которыми наполнен мир супергероев. В то же время люди с высокой вовлеченностью, благодаря наличию в их информационном пространстве обилия ярких и понятных образов с хорошо проработанными сюжетными линиями, возможно, компенсируют проблемы с идентификацией. Результаты также свидетельствуют, что люди с высокой заинтересованностью в супергеройском контенте характеризуются также высоким уровнем целеполагания и осмысленности жизни. Это может быть связано с тем информационным пространством, которому они уделяют много внимания - мир супергероев продуманно сконструирован, в нем мотивация и цели поступков героев всегда понятно объясняются. Возможно, идентифицируясь с героем и представляя себя на его месте,

зритель получает шанс переосмыслить свою собственную деятельность и выстроить ее в более четком смысловом поле.

Значимых различий между группами по степени социализированности выявлено не было.

В ходе корреляционного анализа нам удалось выявить ряд слабых, но статистически достоверных результатов. Часть из них при расширении выборки может быть утрачена, поэтому мы рассматриваем эти результаты как тенденцию (см. табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь характеристик идентичности с описаниями супергероев/суперзлодеев.

	СГ – кол-во описаний	СГ – социальные	СГ – личные	СГ – супер-способности	Совпадение с СГ	Совпадение с СЗ
Количество описаний					0,23	0,23
Физические					0,22	0,32
Социальные				0,21		
Личностные						0,20
Структура идентичности	0,21	0,21	0,17			
Цели			0,20			
Личный контроль		0,19				

Примечания. Уровень значимости $p < 0,05$; СГ – супергерой, СЗ – суперзлодей.

Респонденты с хорошо структурированной идентичностью демонстрируют разнообразие предпочитаемых характеристик супергероя (социальных и личностных).

У респондентов с большим количеством самоописаний наблюдается частое совпадение с предпочитаемыми характеристиками супергероя/суперзлодея. Также совпадения с суперзлодеем присутствуют на фоне преобладания личностных характеристик при самоописании. Судя по результатам, люди, отмечающие преимущественно свои личностные качества, обнаруживают большее родство с суперзлодеями, чем с супергероями. Можно рассматривать это как стремление к индивидуализации, что вполне соответствует образу суперзлодея, который всегда идет против системы и правил, утверждая собственную уникальность.

В то же время респонденты, ориентированные на суперспособности, чаще характеризуют себя через социальные категории. Люди, более

ориентированные на суперспособности, скорее отражают тенденцию к социализации, что также достаточно логично. Ведь именно наличие суперспособностей позволяет герою стать супергероем и добиться успехов в обществе. При этом люди с более целостной идентичностью менее чувствительны и заинтересованы в суперспособностях. То есть при должном уровне индивидуализированности и утвержденности в собственной идентичности значение внешних ярких признаков сводится к минимуму, а внимание переключается на внутренние качества.

Респонденты, отличающиеся высоким уровнем целенаправленности и осмысленности жизни и личного контроля, демонстрируют предпочтение личностных и социальных качеств супергероя соответственно. Интерес к личности и социальному положению супергероя важен для людей с хорошо структурированной идентичностью. Личность супергероя, в которой всегда прослеживается связь мотивов, целей и поступков, важна также для людей, стремящихся к осознанности и осмысленности собственной жизни. Напротив, социальные характеристики героя значимы для людей с высоким личным контролем. Эти данные дают основания считать, что происходит идентификация с персонажем, позволяющая, с одной стороны, пересмотреть оценку ряда своих качеств, с другой стороны, позаимствовать какие-то черты из супергеройского репертуара.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, наши гипотезы подтверждаются частично. Обнаружена связь между степенью погруженности в культуру супергероев и структурированностью идентичности, а также осмысленностью и направленностью деятельности. Мы можем говорить о том, что респонденты с высоким уровнем вовлеченности в культуру супергероев демонстрируют более выраженную структурированность идентичности. Вместе с тем, результаты исследования не позволяют сделать выводы о степени социализированности представителей разных групп. Предположение о том, что низкие показатели структурированности и гармоничности компонентов идентичности связаны с предпочтением суперспособностей у супергероев действительно находит свое подтверждение в данных, при этом мы не наблюдаем у таких респондентов совпадений элементов при самоописании с характеристиками героев.

Уже на этом этапе исследования мы можем утверждать, что контент о супергероях серьезный и значимый социальный феномен, который развивается и изменяется вместе с его потребителем. Например, последним знаковым событием из мира супергеройского кино стало вручение главной награды Венецианского кинофестиваля фильму о

суперзлодее киновселенной DC (ДиСи) «Джокер», что ставит фильм по комиксам в один ряд с мировыми шедеврами киноискусства. Сегодня картины про супергероев все больше трансформируются из кино для развлечения в пищу для ума, затрагивающую злободневные проблемы мирового сообщества и глубинные личностные процессы отдельно человека. Мир героев с суперспособностями позволяет нам заглянуть в мир простых людей с их проблемами и конфликтами, давая доступ к пониманию процессов идентификации и социализации в современной транзитивной реальности.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18- 00516 "Транзитивное и виртуальное пространства - общность и различия"

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation project No 19-18- 00516 "Transitive and virtual spaces - community and differences".

Литература

- Кузнецова, Бабаева 2019 – *Кузнецова Е.В., Бабаева А.В.* Образ супергероя как механизм культурной рефлексии (на примере американской массовой культуры XX века) // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 5.
- Марцинковская 2014 – *Марцинковская Т.Д.* Психология субкультуры // Вестник РГНФ. 2014. №. 4. С. 116–126.
- Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
- Орестова, Ткаченко 2019 – *Орестова В.Р., Ткаченко Д.П.* Герои массовой культуры в представлениях современных подростков и юношей (на примере кинематографа) // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Коллективная моно-графия / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. Т. 1. М.: МПГУ, 2019. С. 69–74
- Орестова, Ткаченко 2018 – *Орестова В.Р., Ткаченко Д.П.* Кинопредпочтения и представления о супергероях как отражение потребностей современного молодого человека в условиях транзитивности // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2018. Т. 11. № 61. 11 с.
- Салахиева-Талал 2019 – *Салахиева-Талал Т.* Психология в кино: Создание героев и историй. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 349 с.
- Fradkin 2017 – *Fradkin Chris.* "Janina Scarlet: Superhero Therapy: A Hero's Journey Through Acceptance and Commitment Therapy" // Journal of Youth and Adolescence. 2017 № 46. P. 1629-1632.
- Rosenberg 2013 – *Rosenberg R.* Our Superheroes. Ourselves. Oxford University Press, 2013.

References

- Kuznecova, E.V. and Babaeva, A.V. (2017), "The image of a superhero as a mechanism of cultural reflection (on the example of American mass culture of the twentieth century)", *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik*, no 5.
- Marcinkovskaya, T.D. (2014), "Psychology of the subculture", *Vestnik RGNF*, no. 4, pp. 116–126.
- Martsinkovskaya, T.D. (2015), *The problem of socialization in the historical-genetic paradigm* [Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoy paradigme], Smysl, Moscow, Russia.
- Orestova, V.R. and Tkachenko, D.P. (2019), "Heroes of mass culture in presentations of modern teenagers and youth (on the example of cinematograph)", in Martsinkovskaya, T.D., Orestova, V.R. and Gavrichenko O.V. (ed.), *Tsifrovoye obshchestvo v kul'turno-istoricheskoy paradigme* [Digital society in the cultural and historical paradigm], vol. 1, Moscow State Pedagogical University, Moscow, pp. 69–74.
- Orestova, V.R. and Tkachenko, D.P. (2018), "The reflection of the needs of today's young people through the film preferences and perceptions of superheroes in the conditions of transitivity", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 11, no. 61, 11 p.
- Salahieva-Talal, T. (2019), *Psychology in the movie: Creating Heroes and Stories*, [Psihologiya v kino: Sozdanie geroev i istorij Al'pina non-fikshn], Moscow, Russia, 349 p.
- Fradkin, Chris. (2017), "Janina Scarlet: Superhero Therapy: A Hero's Journey Through Acceptance and Commitment Therapy." *Journal of Youth and Adolescence*, no. 46, pp. 1629-1632.
- Rosenberg, R. (2013), *Our Superheroes. Ourselves*, Oxford University Press.

Информация об авторах

Василиса Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *v.r.orestova@gmail.com*

Дарья П. Ткаченко, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *bigbro-littlebro@yandex.ru*

Владимир А. Карпук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; *karpuk_va@mail.ru*

Information about the author

Vasilisa R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *v.r.orestova@gmail.com*

Daria P. Tkachenko, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *bigbro-littlebro@yandex.ru*

Vladimir A. Karpuk, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *karpuk_va@mail.ru*

Корректор: И.В. Попова
Компьютерная верстка: В.А. Карпук
Подписано в печать 20.11.2019. формат 60x901\16.
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ.л. 10,5. Тираж 1050 экз.
Заказ № 505
Издательский центр Российского государственного гуманитар-
ного университета 125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71129